

Анатолий Логинов



**ДЖЕРОНИМО
КНИГА ПЕРВАЯ. ВОЙНА**

Обычный человек 1961 года рождения, такой же как и многие: в молодости немного занимался спортом, отслужил в армии, на профессиональном поприще как-то не особенно сложилось да и быт заел. И вот, нелепая смерть, но вместо ада он получает второй шанс, и вселяется в десантника из 82 дивизии ВДВ США, а на дворе конец 1942 г. Вот вам дилемма: личность, память нашего человека в теле англосакса. Что же делать? В СССР не убежишь. Придётся соблазниться жизнью на Западе, но как не стать подозрительным, и что делать после войны, если не убьют...

Анатолий Логинов

Джеронимо!

Книга первая. Война

Джеронимо!

(Клич американских парашютистов)

1. C'est la Vie^[1]

Анатолия Пискунова всю жизнь и всюду звали Толиком. Несмотря на возраст, вес, положение и ситуации. Но благодаря своему легкому и незлобливому характеру он на это обычно и не обижался. «Пусть зовут хоть чайником, только на огонь не ставят». Он даже не сильно обиделся, когда одна из его близких подружек пошутила, заявив:

— Маленькая собачка до старости щенок.

Правда, потом она старательно пыталась загладить свою шутку бесподобной ночью любви. Что было весьма понятно, на фоне ее предыдущего бой-френда Толик, несмотря на имя и не слишком внушительную внешность, был если не Казановой, то, по крайней мере, Распутиным. Надо признать, про это Анатолий тоже узнал, случайно подслушав ее же телефонный разговор. После чего с подружкой и расстался. Очень уж он не любил, когда его обсуждают за спиной. В лицо — пожалуйста, он бы может и сердиться не стал, но за спиной...

Что касается подружек, то мало ли девчат в России? Старую истину, озвученную в песне: «Потому что на десять девчонок, по статистике девять ребят», — никто пока не опроверг. Тем более, что у себя в Выксе Пискунов соперников не имел совершенно. Как-то не принято было в серьезном городе сталеваров летать от одного объекта к другому. Нет, секс в этом не слишком большом городе был, но, как бы это выразиться... соответствующий размерам города. Поэтому и здесь хватало всего одного Казановы местного разлива и не ощущалось никакой необходимости в монополизации.

Об этом Толик как раз и думал, глядя на свою небритую физиономию и ожидая, пока пробежится вода из крана. Наконец, пошла горячая, и Анатолий приступил к бритью, продолжая обдумывать создавшуюся ситуацию. А была она, если не смягчать выражения, хреновой. Мало того, что на работе опять задержали зарплату, так еще и очередная подружка вдруг дала полный «талак»^[2] заявив, что нашла себе друга помоложе и побогаче. По поводу богатства Толик сильно сомневался, а вот помоложе... да, возраст есть возраст. Давно прошли те времена, когда ему было восемнадцать. Остались в горах Афганистана, вместе с большинством армейских друзей...

Пискунов невольно отбросил бритву, так что та, загремев, укатилась куда-то под ванну. Сколько раз он себе давал слово все забыть и сколько раз ЭТО возвращалось к нему. Особенно ночью, из-за чего он и старался спать всегда рядом с мягким и податливым женским телом, возня с которым прогоняла это воспоминание надолго... до очередного раза. Сейчас же кошмар появился днем, чего никогда раньше не было. Анатолий застыл, уперев невидящий взгляд в зеркало, вспоминая...

Темная афганская ночь и душный, спертый воздух. Духота и разбудила сержанта Пискунова. Молодого, но уже пользовавшегося авторитетом не только у черпаков, но и у дедов десантника. Особенно сейчас, после трех недель боевых действий. Это только в Союзе думали, что введенные в эту восточную страну войска помогали сажать деревья и строить дороги. На самом деле здесь шла настоящая война. Местные жители, очевидно не зная о том, что они должны радоваться наступившей революции и пришедшей интернациональной помощи, вовсе сопротивлялись любым переменам в своей жизни. Сопротивлялись с помощью оружия, в том числе старинных, еще времен колчаковских и покоренья Крыма однозарядных «карамультиуков» и английских десятизарядных винтовок. Причем и те, и

другие в умелых руках аборигенов были довольно эффективным оружием. И седьмая рота второго батальона энского парашютно-десантного полка, направленная на прочесывание местности, понесла от них свои первые потери. Первые, но как понимал каждый боец, от командира роты старшего лейтенанта Олийника до любого салабона, не последние. Отчего все уставали как бы не в два раза быстрее, чем на учениях и полевых выходах мирного времени. Поэтому, когда роту отвели на отдых, сводили в баню и разместили в старой казарме, в которой когда-то размещался батальон еще той, шахской, армии, все с удовольствием расслабились. Казалось, что теперь никакие опасности роте уже не грозят и можно спокойно отдохнуть по-человечески, на кровати с бельем, чувствуя легкость чистого, только что отмытого до скрипа кожи тела. Кое-кто из дедов даже принял по стаканчику местного самогона^[3], «конфискованного» у аборигенов во время рейда. Возможно, выпили и офицеры, расположившиеся отдельно, в боковой пристройке. И никто не придал никакого значения ни тому, что казарма стояла несколько на отшибе, и незаметно подобраться к ней можно было без особых усилий, ни тому, что кроме батальона афганской армии, расположенного в полукилометре от их казармы, других войск поблизости нет. Чувство покоя и безопасности овладело всеми настолько, что уснули даже дневальные и выставленное на всякий случай охранение. Заснули, усевшись рядом с приоткрытыми, чтобы проветрить помещение, дверями и прямо у стоящих рядом с казармой БМДэшек. Вместе с всеми заснул и Анатолий. И если бы не духота, не проснулся бы. Вынырнув же из сна, он сначала почувствовал резкий, приторно-сладкий с металлическим оттенком, запах... запах свежей крови. Потом услышал странный, ни на что не похожий звук и шорох...

Автоматы большинства десантников по приказу командира роты были собраны в самом дальнем углу казармы, у стены, в специально пристроенной к ней пирамиде. Черпаки выполнили приказ буквально, но несколько дедов, а также некоторые сержанты, забрали оружие себе, как только офицеры ушли. И сейчас, едва открыв глаза, Толик одновременно инстинктивно потихоньку тянул лежащий в изголовье АКС к себе. Поэтому, едва заметив странные силуэты над кроватями сослуживцев, Пискунов сбросил предохранитель и дал короткую очередь вверх, чтобы не задеть своих. Хотя какие могли быть свои? Свои все без одежды, белые. А у караула и дневальных койки у входа и здесь им делать нечего. От выстрелов вскочили, все же две недели боевых выходов даром не проходят. И тут начался ад. Такой, как в кошмарном, бредовом сне: душно-липкая тьма, расчерченная рыжими всполохами автоматных очередей, заполошные крики, испуганный мат и бестолковая суета.

Три белесые тени метнулись от кроватей к оружейной пирамиде. И напоролась на двух автоматчиков, терпеливо поджидавших «шурави» в углу казармы. Два автоматных ствола слажено рыкнули. Голова Сани Кислицина — лучшего друга Толика, превратилась в жуткую, расколотую пополам, маску. Две пули калибра семь шестьдесят два в упор — это не лечится...

Летягин и Самсонов — ребята его призыва, пережили Кислицина на секунду — очереди душманских «калашей» почти разорвали тела пацанов пополам. Других отчетливых картин той жуткой ночи память не сохранила, только отдельные, разрозненные впечатления. Толик помнил, как, рыча от бессильной тоски и от злости, судорожно жал, жал и жал на спусковой крючок автомата, а очередь, делящаяся обычно несколько секунд, все не кончалась. Помнил дикий гвалт со всех сторон и пляшущие в сумасшедшей пляске тени. Кто-то стреляет, кто-то дерется, кто-то обхватил голову руками и ползет на четвереньках непонятно куда. А главное не ясно: кто орет, откуда стреляют, где свои, где чужие...

Почему-то запомнились непрекращающаяся вспышка, трепетавшая где-то слева, да чья-то раскаленная гильза, залетевшая за шиворот. Еще помнилось, как бьется «калаш» в судорогах автоматной очереди.

Беспорядочно палили автоматы. Кидались в рукопашную те, кто добраться до него не успел. И тени, тени, тени: мечутся и падают, падают и мечутся... И так без конца вплоть до того момента, как автомат вдруг бессильно качнул раскаленным стволом, захлебнулся и стих. И чей-то, воняющий потом и овечьими шкурами силуэт, смутно похожий на человека. И пальцы, свои внезапно онемевшие пальцы, которые никак не могут отщелкнуть пустой магазин... бесконечно долго не могут... и только когда правый бок обожгла чужая сталь, руки ожили. Автомат, словно сам по себе, взметнулся вверх, целя стволом в чужие, затопленные ненавистью глаза. Чужак отшатнулся, шлепнулся на землю, тут же вскочил. Всех дел — на три секунды. Но их хватило, чтобы ожившие пальцы сменили магазин, ладонь резко дернула затвор, а указательный палец привычно выжал спуск. Отдача тупо ткнула приклад в бедро, но почему-то заныли ребра. А в лицо плеснуло чем-то мягким и теплым. Только времени, чтоб утереться нет. Новая тень попала под очередь и гулко шлепнулась в пыльный пол, уступая место следующей. Что-то и кто-то вдруг ударом сбоку сорвал крышку ствольной коробки. Пискунов, не понимая, зачем и кому это было нужно, вдруг сообразил, что третья тень тянется к нему ножом. А он практически безоружен. Голова раскалывается от шума, в боку печет и по нему стекает что-то теплое, но Анатолию не до того.

Чужой клинок проворен и неумолим. Вот только что сержант отбил укол в лицо, как лезвие, стремительной иглой летит в живот... К черту, Аллаху и прочим дьяволам таких портных... к черту! Всех сил и умений достает лишь на то, чтобы хоть как-то обороняться...

Все кончилось так же, как и началось — внезапно. Ударом приклада удалось сшибить с ног «портного», а подскочивший черпак из крайней партии добил лежащего короткой очередью. За стеной казармы зарокотали моторы, слажено рыкнули пулеметы и все стихло. Похоже, кто-то все же завел БМД и пришел на помощь. Уцелевшие душманы исчезли неизвестно куда, оставив в казарме кучи трупов. И запах... тот запах, о котором не пишут в книгах о войне. Тяжелый, выворачивающий нутро запах бойни — смесь ароматов сгоревшего пороха, крови, мочи, испражнений, внутренностей. Руки Анатолия покрыты грязной, застывающей коркой крови. На автомат, который он инстинктивно продолжает держать в руках, страшно взглянуть. Как и на то, что осталось от головы лежащего неподалеку Кислицина...

Громкий телефонный звонок заставил Толика вынырнуть из нахлынувшего кошмара. Чертыхнувшись, он поспешно вышел из ванной, на ходу вытирая пену с лица.

— Алло?

— Алло, Толян! Гарри это, — жизнерадостный голос звонившего заставил Анатолия поморщиться.

— Чего хотел, Гена? — зная, что Геннадий Водохлебов очень не любит когда его называют своим именем, ответил Анатолий.

— Толян, ты чё? Не в настроении? Денег не платят? Брось, тут сейчас такая халтура привалила. Помнишь Василича? Ну, того, который директор больницы? Ему надо срочно смонтировать рентгенаппарат. Поможешь? Десять штук, по пять каждому...

— Когда? — пять тысяч вполне позволяли прожить до следующей выплаты полочки на заводе, причем совсем неплохо. После смены президента зарплату выплачивали пусть и с задержкой, но более-менее стабильно, раз в два-три месяца. По сравнению с девяностыми,

когда деньги выдавали то раз в полгода, то раз в год, изменения были радостными, а если учесть и некоторое повышение выплат — даже революционными. Но деньги, тем более такие большие, лишними точно не будут, сразу понял Толик. Тем более, что о сроке очередной выплаты в бухгалтерии завода молчали, как партизаны на допросе в гестапо.

— В субботу. Нам все притащат и установят в пятницу. Останется смонтировать сеть и подключить. Там высокое, а я, сам знаешь, с таким напряжением никогда не работал. Возьмешься?

Работать с Геннадием было страшновато, Толик хорошо помнил про его пофигистское отношение к делу. Помнил, как он ухитрился однажды начать устранять неисправность на питающем кабеле жилого дома, отключив напряжение и забыв повесить плакат. Тот самый, требующийся по технике безопасности: «Не включать, работают люди». В результате, кто-то из пришедших на обед домой работяг, обнаружив отсутствие электричества и выключенный рубильник, долго не думал. Очевидцы рассказывали, что зрелище было феерическим. Впереди бежал Гарри, протирая невидящие глаза и держа в руках отвертку, от жала которой осталось меньше трети. Остальное испарилось от короткого замыкания, представьте себе. Но еще смешнее выглядел бежавший за ним напарник. Вечно полупьяный, на сей раз он мигом протрезвел. Вот только не замечал, что засаленная шапка-ушанка, которую он таскал на голове практически круглый год, за исключением разве что самых жарких дней лета, горит натуральным синим пламенем, испуская черный дым...

Но предложенные большие деньги пересиливали любые соображения.

— О чем разговор? Конечно, возьмусь. В субботу, в...?

— В девять у поликлиники. Бывай! Жду.

— До субботы!

Бритву пришлось доставать из-за труб, причем так долго, что Анатолий едва не опоздал на работу.

Два дня до субботы для Пискунова проскочили незаметно. Тем более, что пока новой подружки у него не было и вечером, перед сном, он обычно принимал дозу «снотворного», грамм сто пятьдесят — двести неплохой калужской водки. И спал, как убитый, только с утра чувствуя себя не слишком комфортно. Все же сорок с лишним лет, это не двадцать и даже не тридцать. Не зря их бригадир Михалыч, пятидесятилетний крепкий мужик, полжизни проработавший в «горячем цеху», регулярно повторял:

— Бывают времена, когда всю ночь пьешь, куришь, не спишь, всю ночь с женщиной развлекаешься, и утром по тебе не видно, а бывают — когда все это проделывал последний раз несколько лет назад, но выглядишь так, словно занимаешься этим каждую ночь.

На randevу Пискунов прибыл вовремя, хотя и в очень плохом настроении. Несмотря на выпитое вчера вечером, под утро кошмар все же приснился, только теперь БМДшки никто не завел и «духи» продолжали схватку. Проснулся Анатолий от боли в старой ране, столь явственной, что он сразу проверил на месте ли шрам. Настроение его из-за этого, пользуясь новомодным выражением, было ниже плинтуса. Поэтому, когда Гарри не появился в первые четверть часа, Пискунов уже подумывал плюнуть на обещанные тысячи и пойти хорошенько надраться, тем более, что зарплату твердо обещали выдать во вторник и, судя по поведению оживившихся конторских, не врал. Но уйти он не успел. Появился слегка поддатый Гарри, с ходу заговорил Толика, вывалив на него кучу новостей о случившейся вчера у них в районе очередной криминальной истории. Вполне обычной года четыре назад, а сейчас, в третий год миллениума казавшейся уже диковатой. Впрочем, скоро им обоим стало не до историй.

Прокладка и кабелей и монтаж оборудования — дело не такое простое, как кажется, требует внимания и сил. К тому же блоки отнюдь не легонькие и ворочать их вдвоем, да еще с похмелья, удовольствие еще то. Поэтому провозились они раза в два дольше, чем планировали, к тому же без обеда и теперь, когда осталось только все подключить, спешили. Геннадий возился у щита управления, а Анатолий подключал питание к рентгенаппарату. Как получилось, что выключенный перед началом работ рубильник оказался включенным, ни Водохлебов, ни расследовавшие потом это дело милиционеры, ни уж тем более Пискунов, так и не смогли узнать. Но только Геннадий крикнул, что пора подсоединить сеть, как Толик, державший в левой руке один провод и касавшийся плечом второго, попытался отдернуться. Но его мышцы словно скрутило, а тело пронзило насквозь тысячей острейших иголок. В глазах потемнело, голова словно взорвалась изнутри, во рту появился металлический привкус. И мир внезапно исчез...

Анатолий летел в уходящем куда-то вдаль длинном туннеле со слабо светящимися стенками. Летел, обгоняя облачка, внешне похожие на людей. Летел, огибая повороты и постепенно разгоняясь. Ему даже начала нравиться эта новая ситуация. До тех пор, пока на крутом повороте он не столкнулся с одним из облаков. Вместо ожидаемого пролета через туман он словно с разбега ударился в стену и на мгновение как будто выключился. Тотчас туннель сменился черной пустотой космоса, в которой он падал куда-то вниз, увлекая за собой часть облака, с которым столкнулся. Падение продолжалось целую вечность. И закончилось сильнейшим ударом...

2. Шагнуть за горизонт

Удар был такой силы, что болела каждая жилка и каждая косточка тела, но особенно сильно — левый бок. Глаза не открывались. Голова казалась налитой свинцом.

«Черт меня побери! Знал же, что с Гарри связываться себе дороже. И вообще, мафия есть мафия, пусть и не итальянская, а ирландская... Какая, нахрен, мафия? Ну и шибануло меня, господи, боже мой! Уже и не пойму... Ой, бл... не трогайте меня, больно же! Нахрен за плечо трясете, мрази!»

— What happened с вами, мистер?

— Офицер, я все видел. Мистер переходил дорогу, когда из-за поворота выскочил Форд, модель восемнадцать, кажется. Видимо водитель не справился с управлением, автомобиль вильнул и сбил мистера. Повезло, что удар пришелся вскользь, если бы ударил прямо — убил бы на месте. Номера я разглядеть не успел.

— Понятно. Спасибо, сэр. Прошу задержаться для составления протокола. А вы, мистер?

— Я врач. Разрешите осмотреть больного, офицер?

— Конечно...

«Странный диалог» — мелькнула мысль и опять навалилась чернота беспомощности...

Очнувшись, он долго не открывал глаза, пытаясь услышать и понять, где он. Кровать была какая-то неудобная, вместе с запахами однозначно навевающая мысли о лечебном заведении. В помещении, а скорее всего, в палате больницы, негромко играла смутно знакомая музыка. Он прислушался. Песню он узнал, клип с поющим ее негром не так давно показывали по телевизору. В ней негр хотел одеться, как какой-то Гарри Купер и чувствовать себя лучше всех. Но что его удивило, доносившиеся слова были совсем не похожи на текст, который он запомнил. Жаль, что слышно было плохо, слова заглушали звуки, кажется, откуда-то из-за открытого окна. Уличный шум показался ему одновременно знакомым и при этом очень необычным, слишком часто раздавались гудки автомобилей, словно все они постоянно попадали в аварийную ситуацию.

«Или он оказался в Кабуле? Нет, запахи совершенно другие. И вообще, какой может быть Кабул, когда я должен быть в Hill-Valley? Хилл-Вэлли? Что за ерунда, какой еще Вэлли, если меня ударило током в моей родной Wyikse? Где? Каким током, nah? Я улицу переходил! — поток сумбурных противоречивых мыслей, на двух языках одновременно, заставил его забыть об окружающем. — Черт возьми, кто и где я? — мучительно попытался вспомнить он, отбрасывая навязчивые воспоминания о каком-то нелепом полете в облаках. — Меня зовут То...» — голова заболела так сильно, что он невольно застонал. И сразу услышал шелест ткани.

— Очнулись, мистер? — заслышав произнесенный приятным женским, а точнее девичьим, голоском вопрос, он инстинктивно подобрался и открыл глаза.

— Очнулись, — констатировал тот же милый голосок с ирландским акцентом. Принадлежал этот голос молодой симпатичной медицинской сестре, с ярко-рыжей шевелюрой и веселым лицом с маленьким, покрытым веснушками, носом. Он приоткрыл рот, собираясь задать сакраментальный вопрос: «Где я?», но медсестра ловко воспользовалась моментом. Находившийся у нее в руках градусник неожиданно оказался на языке больного. От неожиданности он закрыл рот, громко лязгнув зубами о стекло.

— Осторожнее, мистер. Проголодались, наверное? — рассмеялась медсестра и, моментально став серьезной, добавила. — Сейчас померим температуру, доктор вас посмотрит, и мы вас покормим. Потерпите четверть часа, сэр. — Еще раз улыбнувшись она задернула штору и исчезла, оставив недоумевающего То... разбираться в собственных мыслях с градусником во рту. «А почему, кстати, во рту, когда положено помещать под мышку?» — удивился он, продолжая разглядывать обстановку вокруг кровати, которая ничего нового добавить к его размышлениям не смогла. За уютной, голубоватого цвета загородкой из ткани, вроде тех, что используют в магазинах для примерочных, стояла небольшая деревянная лакированная тумбочка и кровать. Разглядеть что-то еще мешала ширма. Между тем он отметил, музыка сменилась. Теперь несколько приятных мужских голосов требовали от какой-то Миранды бисквитов, а еще удивлялись, что у них еще целы зубы при такой твердой пище. Песня казалась смутно знакомой, в голове даже мелькнули кадры с входящими в барак то ли фермерами, то ли лесорубами в рабочих комбинезонах и с одним-единственным ружьем на всех^[4].

«Но, chert rober'и, что все это значит? Кто я? — почему-то вспомнилась смешная история о мужике, спрашивающем у кондуктора едущего странного трамвая на автомобильных колесах: «Где я? Куда мы едем? Что это за город? Какой сегодня день? И год?», на что кондуктор отвечает: «А вы сами-то — КТО?». Вспомнив этот нелепый диалог, он едва не засмеялся в голос, но помешал торчащий изо рта градусник. «Так что же все-таки произошло? И как меня зовут?» — успел он подумать, когда штора снова отдернулась. Высокий, мускулистый мужчина в белом халате поверх делового костюма, вошедший вслед за уже виденной медсестрой, мог быть только доктором. Что немедленно и подтвердилось.

— Ну, Мэри, давайте посмотрим нашего пациента, — возгласил мужчина громким басом, заглушая начало новой песни и забирая у медсестры ловко выдернутый ею изо рта градусник. Неразборчиво что-то пробурчав, доктор присел на откуда-то внезапно появившийся стул.

— Итак, мистер Томпсон, как мы себя чувствуем? — улыбаясь, словно на рекламе сигарет «Лаки Страйк», спросил доктор. «Фамилия? Моя? Непонятно, почему она мне кажется чужой?» — подумал он, разглядывая верзилу в белом халате. Тот, не теряя времени даром, уже успел извлечь откуда-то стетоскоп, прослушать легкие и сердце, и проверить пульс. Осторожно отвернув веко на одном, а потом на втором глазу (он даже не успел среагировать), доктор посмотрел зрачки и снова, «улыбаясь во все шестьдесят четыре зуба», продолжил. — Все как я и говорил. Легкое сотрясение, несколько царапин, странный небольшой ожог на левой руке... Ничего страшного, вы еще способны сами оплатить свой счет за лечение и нам не придется судиться за него с вашими наследниками, — видимо, это была шутка, потому что и доктор, и медсестра дружно рассмеялись.

— Не надо переживать, дорогой мистер Том, — доктор просто излучал дружелюбие и оптимизм. — Ваше здоровье в полном порядке, никаких последствий от столкновения с автомобилем я не нахожу. Если бы я вас осматривал сегодня, а не с самого начала, то вообще не поверил бы, что вас сбила машина, — акцент у доктора был какой-то другой, напомнивший вновь обретшему имя Тому что-то очень знакомое и в тоже время весьма неприятное.

— Полежите еще денек, если не возражаете, и будем вас выписывать. Анализы делать будем? — доктор внезапно перешел с веселого тона на деловой. — Я бы настоятельно советовал сдать все анализы и дополнительно провериться у невропатолога. Внешне все

хорошо, но сами понимаете, гарантировать что-то может лишь Господь. Не волнуйтесь, даже ваших наличных денег вполне хватит на все. И даже останется, — добавил он, видимо заметив недоумение в глазах пациента. — Что у нас дальше, Мэри?

— Дальше — мистер Маккейн, доктор Вулф, — напомнила медсестра и, повернувшись к Тому, добавила с улыбкой. — Сейчас принесут обед. А после обеда с вами, с разрешения доктора, хотели бы побеседовать шериф Токсби и федеральный агент Кошен.

Что он ел на обед, новоиспеченный Том Томпсон не рассказал бы, наверное, и на допросе третьей степени. Просто не смог бы вспомнить. В голове крутились, сбивая друг друга, словно истребители во время «собачьей схватки», десятки отрывочных, хаотических мыслей. Но превалировало среди всего этого хаоса недоумение. Что такого он натворил, чтобы с ним захотели встретиться столь важные шишки? Впрочем, кроме «основного вопроса современности» его интриговали еще несколько. Например, на каком языке он говорит и чем ирландский акцент отличается от пенсильванского. Или — почему он тут оказался, если никакого столкновения с машиной он не помнит? И почему по радио говорят про сорок второй год, хотя ему кажется, что цифры сорок не должно быть? Даже если не вспоминать о том, что он узнал свое имя и фамилию от доктора, обдумать следовало множество странных и непонятных фактов, никак не стыкующихся друг с другом. Благодаря этим напряженным размышлениям не только обед, но и время, пока названные медсестрой господина добирались до палаты, пролетело совершенно незаметно.

Наконец занавеска опять отдернулась, и перед ним предстали два господина, напомнившие виденный когда-то и где-то комедийный ролик с двумя клоунами, Патом и Паташоном, одним высоким худым и вторым — низкорослым толстяком. Только вот в вошедшей паре худым, а точнее худощавым был именно низкорослый. Мэри, хмурая и совершенно непохожая на себя, показала им на Тома и пробурчав что-то вроде.

— Вот и он, — незаметно испарилась.

Пришлось гостям найти и самим принести себе стулья.

Наконец посетители устроились и, сняв одинаковые светлые шляпы, представились. Первым заговорил, как и ожидал Томсон, длинный и худой. Басом, мало подходящим к его фигуре.

— Я — здешний шериф, Элмер Токсби, со мной федеральный агент...

— Лемюэль Кошен, — представился, перебив укоризненно взглянувшего на него длинного, низенький. Том отметил, что низкорослый, несмотря на рост и внешне субтильное, телосложение, будет намного опасней в драке. Особенно впечатляли расплюснутые косточки на непроизвольно сжатых кулаках. «Не дурак подраться этот мистер Кошен. Надо с ним поосторожнее, а то, как бы не пришлось еще недельку на этой постельке проваляться».

— Не скажу, что очень рад нашему знакомству, джентльмены, — он решил играть жестко, надеясь, что раззадоренные оппоненты выложат что-нибудь, за что можно будет зацепиться при решении этой головоломки. — Хотелось бы сразу уточнить — это допрос? И если да, то в чем меня обвиняют? В нанесении повреждений сбившей меня машине?

— Ну что вы, мистер Томпсон, — улыбка на лице федерального копа напоминала оскал какого-то злодея из фильма ужасов, — мы всего лишь хотим с вами побеседовать.

— Кхм... — откашлялся басом шериф, — мистер Томпсон, надеюсь, вы, как законопослушный гражданин окажете нам помощь.

— Несомненно, мистер... э... Токсби. Проблема лишь в том, что у меня ретроградная

амнезия и я не уверен, что могу быть вам полезен.

Ответ заставил собеседников недоуменно переглянуться. Кажется, он сказал что-то не то, потому что Кошен явно напрягся и теперь посматривал на него с откровенным недоверием.

— Врач ничего нам об этом не сообщил, — заметил недоуменно шериф.

— Видимо, не счел это важным, — парировал Том, одновременно отметив, что транслируемая по радио музыка затихла. Словно кто-то специально убавил звук, чтобы услышать их разговор. — Но я готов рассказать вам всё, что смогу вспомнить.

— Хорошо, — переглянувшись с федеральным агентом, согласился шериф. — Для чего вы приехали в Хилл-Вэлли?

— Не помню, — мгновенно ответил Томпсон. — Нет, подождите... Что-то вспоминаю. Кажется, чтобы встретиться со своим контрагентом.

— По какому вопросу, тоже не помните? — иронически спросил «федерал», не скрывая скептического отношения к ответам Тома.

— Почему же? — всплывшие откуда-то, пусть и неполные, воспоминания придавали уверенности. — Дополнительные поставки болтов и гаек.

— Болты и гайки? — не менее скептическим тоном спросил шериф.

— Товар, весьма востребованный в последнее время, — усмехнулся Томпсон, — сами понимаете, джентльмены.

— Может быть, может быть, — протянул недоверчиво Кошен. — Фамилия контрагента? — резко спросил он.

— Не помню.

— Где встречались?

— Тоже не помню.

— Имя Гарри вам что-нибудь говорит? — снова вступил в разговор шериф. — Можете вспомнить?

— Гарри, Гарри, — он честно пытался что-то припомнить, однако кроме ассоциаций с пьянкой и почему-то с электричеством ничего в голове не появилось. — Не могу припомнить. Может его фамилия мне поможет?

— Фамилия? — шериф опять переглянулся с федералом. — Ладно, его фамилия Чейни. И нам известно, что вы встречались два дня назад.

— Да? — его удивление было натуральным на все сто процентов, словно свежесжатый апельсиновый сок. — Честное слово, шериф, не помню. Вот только почему-то кажется мне, что его фамилия совершенно другая.

— Признаетесь? — агент смотрел торжествующе.

— В чем? — еще больше удивился он.

— Что вы знали его настоящую фамилию и род занятий?

— Не признаю. Не помню я ничего, — доносящийся из-за занавески музыкальный фон вдруг резко усилился. Словно кто-то прибавил звук радиоприемника.

— То есть и фамилия Панцетти вам ничего не говорит? — агент даже привстал и сжал кулак, словно собираясь ударить Тома.

— Спокойнее, Лемми, — неодобрительно пробасил шериф, заставив агента успокоиться. — Без этих ваших методов. Иначе...

— Врет он, ублюдок, — зло заметил Лемми. — Причем нагло.

— Извините, мистер Кошен...

— Кошен! — зло бросил агент.

— Извините, мистер Кошен, — послушно повторил Том. Обострять отношения не входило в его планы. Сначала бы разобраться, кто он такой и что вообще происходит. — Не знаю я никакого Паникетти, — агент столь же зло буркнул: — Панцетти, — Том в ответ лишь благодарно наклонил голову. — К сожалению, ничем не могу вам помочь в этом вопросе. Так что оскорблять меня не стоит, — тут в голове его мелькнули воспоминания из прочитанной книги об итальянской мафии. К тому же названная федералом фамилия очень походила на итальянскую. «Они что, решили, что я мафиози? Ну, уж нет. Буду отбиваться до последнего, а в тюрьму не пойду» — подумал он и сказал. — Вы полагаете, что я имею дела с итальянской мафией? Я, коренной русский?

— Вы — русский? — удивление его собеседников было огромным и явно не наигранным. — К тому же мафии не существует, — добавил опомнившийся Кошен.

— Да? — удивился Том. — Кто это сказал?

— Вы считаете, что глава ФБР мистер Герберт Гувер не осведомлен об истинном положении дел? — видимо шериф все-таки недолюбливал «федералов», раз Токсби спросил об утверждении Гувера с такой иронией.

— Спасибо. Видите, я даже про это забыл, — отвечая, он мысленно вспомнил старый анекдот: «Ну да, конечно. Задницы нет, а слово есть... Так и с мафией».

Еще несколько минут таких же ничего не решающих перебрасываний словами закончились тем, что разозленный агент резко встал и, не попрощавшись, вышел, впрочем, довольно аккуратно задернув за собой штору. Неторопливо поднявшийся шериф весело посмотрел ему вслед и, повернувшись к Тому, столь же неторопливо достал из кармана брюк сложенную бумагу. Развернув ее, Токсби зловеще усмехнулся, мгновенно превратившись из «доброего полицейского» в «злого шерифа».

— А это вам, мистер Том Томпсон из Пенсильвании, повестка. Мне ее любезно переслал через ФБР ваш призывной участок в ответ на наш запрос. Так что берите. «дядюшка Сэм» нуждается в вас... Вы можете пройти медкомиссию на нашем призывном участке, адрес записан внизу на бланке. Советую не тянуть. Грязному Гарри сейчас не до вас, но у него еще остались «друзья». — Элмер помолчал, глядя на совершенно обалдевшего Тома, и добавил. — Не верю, что вы ничего не знаете, но своим надо помогать. Мой дед тоже был из России, — и, уже отдергивая ширму, добавил негромко, не оборачиваясь к лежащему Тому. — Только не надо говорить всем, что вы русский, пан. Не поймут.

«Твою же маму! Это что я еще и поляк? Или нет?» — мучительные раздумья привели к тому, что голова опять сильно разболелась. Хотелось еще полежать, но шестое чувство подсказывало, что предупреждение шерифа игнорировать не стоит. Подумав, он позвал медсестру, но видимо музыка заглушала его голос и никто не появился. Тогда, поколебавшись несколько мгновений, он медленно присел. Голова побаливала, но терпимо. А самое главное — не кружилась. Поэтому он встал и подошел к шторе, протянув руку...

Неожиданно занавеска дернулась и отошла в сторону. Медсестра, та же молоденькая ирландка, вскрикнув, — Ой, — испуганно отшатнулась.

— Вы зачем встали? Почему не позвонили? Доктор же сказал, что выпишет вас завтра? Сегодня вам надо полежать, — зататорила она.

— Простите, не запомнил, как вас зовут? — он категорически не хотел лежать здесь, мучаясь неизвестностью, особенно после полученного недвусмысленного предупреждения.

— Мэри, — кокетливо улыбнулась сестра.

— Милая Мэри, позовите доктора. Я здоров и хочу выписаться.

Сестра, еще раз ойкнув, умчалась, словно унесенная ветром. Доктор тоже появился быстро, словно принесенный ураганом. Полчаса споров и уговоров, час на сборы — и вот уже Том Томпсон, переодетый в слегка помятый костюм, опять напомнивший ему клип с негром, в одном из карманов которого лежал похудевший на полсотни долларов бумажник, стоял у выхода из больницы. Сумма оплаты за лечение, как ему показалось, была отнюдь не такой уж малой, как его уверял врач.

А в другом кармане лежал ключ с номером «тринадцать» и названием, похоже отеля, «Калифорния». Осторожные расспросы показали, что такой отель действительно существует и находится всего в четверти часа ходьбы от больницы.

Вид улицы поверг его в полный ступор. Несколько минут Том стоял, разглядывая совершенно незнакомые, абсолютно непохожие на подсознательно ожидаемые здания. Прямо напротив больницы стояло мрачное трехэтажное здание в каком-то псевдосредневековом стиле, с выступающим полукруглым эркером, напоминающим башню рыцарского замка. По разделяющей больницу и здание улице, проезжали машины, при виде которых всплыла мысль об антиквариате. Какие-то странные, с блестящими решетками радиаторов, торчащими фарами, подножками у дверей, они словно специально собрались на парад автомобильных редкостей.

Но еще большее потрясение ждало его впереди. Пройдя по замощенной булыжником пешеходной дорожке вдоль забора, Том вышел, как ему стало понятно, на центральную площадь города. И увидел здание в псевдогреческом стиле с выступающей лестницей, ведущей к огромным дверям входа, окруженным колоннадой. Огромные часы на фронтоне показывали пятнадцать минут седьмого. Подумав, он решил, что все эти непонятные впечатления — остаточные последствия удара и пройдут сами собой. И, отложив раздумья об этом на потом, Том стремительно преодолел площадь, желая быстрее добраться до отеля.

Войдя в отель, и приветливо кивнув портье, он, делая вид, что так и должно быть, смело двинулся вперед, к лестнице на второй этаж. Но как только поравнялся со стойкой, портье внезапно что-то вспомнил и окликнул его.

— Мистер Томпсон? Вам конверт принесли, уже целый день лежит. И хозяин отеля, мистер Смит, просил напомнить вам, чтобы вы расплатились за два дня. И не забирали больше с собой ключ, — портье посмотрел на медленно повернувшегося разозленного Тома, подал конверт и добавил слегка дрогнувшим голосом, — п-п-пожалуйста, сэр.

— Сколько с меня? — совладав с волнением, которое работник принял за озлобление, спросил Томпсон.

— Десять долларов и двадцать центов... сэр, — слегка приободрился портье. — Хозяин скинул за неиспользуемые услуги, сэр, ввиду вашего отсутствия.

— Хорошо, добавьте в счет еще сутки, — подойдя к стойке, он выложил две бумажки по десять долларов.

— Слушаюсь, сэр, — командный тон, с которым все это было произнесено, заставил портье подтянуться, словно солдата на плацу. А может быть и не голос, а выложенные деньги, запоздало подумал Толик. — Это все, сэр? — подобострастным тоном добавил «работник сервиса».

— Хотелось бы поужинать. Этого хватит?

— Заказать вам в номер, сэр? — увидев вытащенную дополнительно пятидолларовую бумажку, портье, казалось, был готов немедленно выпрыгнуть из-за стойки и помчаться

выполнять любую его прихоть.

— Да. И ужин побыстрее, — уже двигаясь к лестнице, ответил Том.

Номер оказался небольшим, но довольно уютным. Мягкая кровать, стол с двумя стульями, сразу у входа — дверь в совмещенный с душем ватерклозет, заставили его недоуменно покачать головой, поскольку увиденное опять вызвало неприятное чувство несоответствия. Но зато стоящий в небольшом встроенном шкафчике чемоданчик и главное, наличие там же еще одного костюма и шляпы его обрадовало. Ощущать на себе взгляды прохожих, идя по улице без головного убора было неприятно.

Он быстро воспользовался ватерклозетом и душем. Как раз, когда Том добривал вторую щеку найденной в номере безопасной бритвой «Жиллет», в дверь постучали.

— Войдите и оставьте ужин на столе! — крикнул от.

И действительно, выйдя из умывальника, он обнаружил на столе несколько тарелок и кувшинчиков. Сервировано все было, словно в ресторане, из чего Том заключил, что явно переплатил портье. И тут же мысленно чертыхнулся, отмахиваясь от приступа «амфибиотрахической асфиксии». Если он идет в армию, то деньги ему первое время не понадобятся. А потом, так потом и будет видно. К тому же в бумажнике оставалось еще достаточно банкнот для того, чтобы прожить не один день. С такими-то ценами.

Отбросив в сторону размышления, он поужинал и, аккуратно составив на столе использованную посуду, взял лежащую на столе газету, напоминающую своей толщиной и весом журнал, прочел несколько статей, знакомясь с новостями. Особенно его заинтересовали новости о героической борьбе англичан в Северной Африке и продолжающемся наступлении немцев в России. Прочел, посидел обдумывая и достал наконец повестку. Открыл, начал читать и тут...

На него накатило. Он отбросил на стол бумажку, исписанную непонятными буквами на неизвестном языке, и застыл.

Перед мысленным взором человека, невидящими глазами уставившегося в стену, проносилась, словно кадры цветного, объемного и передающего запахи кинофильма, жизнь. Его? Да, его жизнь, не имеющая ничего общего ни с этим отелем, ни даже с этой страной... ни с этим телом?!

Он дернулся, вставая, и обрушил на пол часть посуды, даже не обратив на это внимания. Потому что мысленно он снова был там, в этой проклятой, прокаленной солнцем, населенной непонятными, живущими в средневековье людьми стране. И опять раскалывалась на части голова его лучшего друга. Опять он тер и не мог оттереть от присохшей крови руки. Снова впереди стоял дувал, за которым прятались духи. Не те, бесплотные и никому, по сути, не опасные привидения из сказок, а люди из плоти и крови, готовые убивать всех, кого считали чужими. А у него заканчивался магазин, и не было времени, чтобы его сменить. И ни одной гранаты...

Он, не раздеваясь, упал на кровать и застыл, продолжая мысленно переживать свою — не свою жизнь, год за годом...

В дверь несколько раз робко стучали, но не дождавшись ответа, уходили. Стемнело, а он все так же лежал, почти не двигаясь и пытаясь понять, что произошло.

Если бы не прочитанная не так давно... Или теперь уже невероятно давно, в будущем? Он выругался вслух, припоминая все самые черные ругательства, которые только знал. Да, книга, в которой описывалось, как инопланетяне засовывали сознания людей в самые разные тела в прошлом, стремясь заставить их работать на себя. В конце концов герои

попали в тела Сталина и одного из его генералов и устроили немцам антиблицкриг в сорок первом.

Но он-то ни с какими инопланетянами не сталкивался и к тому же он практически ничего не помнит о жизни этого... тела. Отрывки воспоминаний, умение говорить и читать... по-английски. Толик-Том засмеялся, представив, что Гарри, тот самый Гена Водохлебов, с которым он играл в футбол, лазил по чужим садам, гонял на великах — инопланетянин. Мозг, казалось, готов был расплавиться от размышлений, когда сработал какой-то защитный механизм и неожиданно для себя Толик заснул. Успев только подумать, что утро вечера мудренее...

Утро, вопреки пословице, оказалось не только нисколько не мудрее, но не приятней, чем вечер. Голова не то чтобы болела, но была словно налита свинцом. На полу остатками вчерашнего пиршества хрустели осколки пары тарелок и стакана. Уцелевшая часть посуды откровенно припахивала. Тело неприятно чесалось после сна в одежде. Двигаться не хотелось, но Толик, еще раз вспомнив любимые ругательства замкомвзвода, прапорщика Мимоходова, все же встал, привел постель в относительный порядок, сдвинул в угол кучку из осколков посуды и наконец, в завершение всех утренних хлопот, принял душ и побрился.

Было не совсем комфортно думать, что все это проделывает чужое тело. Но было приятно снова почувствовать себя двадцатилетним и знать, что ты ничем не отличаешься от остальных жителей этой страны.

«Черт побери, а ведь теперь это моя страна. И что делать?» — к американцам Толик относился двояко. С одной стороны, как к людям сумевшим построить сильное и удобное для жизни государство, с другой — как к врагам его родины, сделавшим все, чтобы ее разбить и унижить. Поэтому оказаться в шкуре такого врага было... неприятно. Но бросаться под поезд было не в его характере, и Толик начал мысленно прикидывать план действий. «Как это называется? Инфильтрация? Штирлиц шел по коридору рейхсканцелярии и никак не мог понять, почему все узнают в нем шпиона. Неужели по ордену Красной звезды, или по буденовке на голове?» — мысли постоянно сбивались на незатейливый юмор, словно отгораживаясь от шокирующей правды.

Закончив бриться, он уже хотел выйти в коридор и вызвать кого-нибудь, чтобы убрали в номере, как вдруг вспомнил о конверте. Судя по солнцу и наручным часам, время было раннее, а значит в военкомат (Толик тут же мысленно поправил себя, напомним, что военные комиссариаты остались где-то там, в будущем) можно было не торопиться.

Достав слегка помятый конверт, он уже хотел вскрыть его, когда в дверь постучали. Конверт стремительно скрылся под подушкой...

— Кто? — что-то заставило Тома насторожиться. Предостерегающе заняла даже несуществующая рана в боку. Он осторожно подошел к двери, встав, по старой афганской привычке, прижавшись к стене, так чтобы не перекрывать дверной проем. Щелкнул замок...

Дверь рывком открылась и в комнату ворвался... Точнее — влетел, споткнувшись о вовремя выставленную ногу, шкафообразный громила. Большой шкаф падает обычно громко. Не стал исключением и этот случай. Но Толику было уже не до того. Его нога, продолжив прерванное столкновением с нижними конечностями первого нападающего, продолжила свое движение. Неожиданный удар в самое важное для мужчины место заставил второго нападающего согнуться в три погибели. Второй удар, сцепленными в замок двумя руками в основание черепа. Вот и второй упал, выронив большой, блестящий пистолет на ковер прямо под ноги. Толик обернулся, готовый ко всему. Громила уже приходил в себя, пытаясь

приподняться. При взгляде на него у любого нормального человека неминуемо возникло бы чувство предсмертной тоски. И Том не стал исключением. Непомерно широкий в плечах, выше среднего роста громила с блестящим кастетом, зажатым в левой руке, пугал одним видом. На низком, с развитыми надбровными дугами лбу начала возникать шишка, а лицо, порезанное об осколки посуды, напоминало зомби из фильма ужасов. Толик мысленно вздохнул и легким, отработанным, плавным движением («настоящее мастерство — не пропешь!») оказался возле «шкафо-зомби». Удар! Еще один! Прапорщик Мимоходов, вбивавший в него приемы рукопашного боя, остался бы доволен своим учеником. Открывший рот, полный обломков гнилых зубов, «зомби» рухнул второй раз. И застыл, на этот раз навсегда.

Толик печально оглядел окончательно разгромленный номер и выругался вслух. Быстро подошел к открытой двери. Выглянул. В коридоре и на видимом из номера участке лестницы было тихо и пустынно, как ночью в центре Аляски. Ни одного человека, ни звука. Удовлетворенно хмыкнув, Толик запер дверь. Проверил наличие пульса у обоих тел. Естественно, не ожидая положительного результата — настоящий рукопашный бой, это убийство голыми руками, а не балет. Удовлетворенно кивнул, узнав, что не ошибся и, морщась от боли в мышцах, быстро покидал все вещи в чемоданчик, не забыв и конверт из-под подушки. Осмотрел номер, несколько минут подумал — брать или не брать пистолет. Решил не связываться с криминальным стволом и, подхватив чемодан, вышел из номера.

Портье, увидев спускающегося по лестнице Тома, удивленно распахнул глаза, дернулся и тут же начал с деловым видом перебирать что-то за стойкой, изображая бурную деятельность. Решив не осложнять себе жизнь, Толик кинул на стойку еще десятку и, не прощаясь, покинул отель.

3. Десант в прошлое

Призывной пункт напоминал офис небольшой компании накануне обеденного перерыва. Если не учитывать, конечно, что из пятерых присутствующих трое были в военной форме. Правда, учитывая, что на двоих из них форма сидела как на корове фартук, понятно было, что настоящий кадровый военный тут только один. Старший сержант, как расшифровал Толик его нашивки, распекал за что-то одного из подчиненных, негромко, но внушительно. Даже Толик от одной донесшейся до ушей интонации невольно перешел на строевой шаг. Заметив его, мастер-сержант отпустил распекаемого и с явно выраженным удовольствием наблюдал за подходом рекрута. Подойдя к начальственному столу, Том вытянулся по стойке смирно и поздоровался.

— Вольно, мистер, — встав со стула, ответил военный. — Служили? Где?

— Нет, сержант, — ответил Толик, неожиданно вспомнив, что его носитель не служил и не мог служить, — вневойсковая подготовка, сэр.

— Хорошо вас подготовили. Инструктор был из немцев? — забирая повестку, заметил сержант. — Думаю и со здоровьем в порядке? И куда хотите? К нам, в пехоту?

— На здоровье не жалуясь, сэр! И хотелось бы в парашютисты, сэр!

— Не стоит так тянуться, мистер Томпсон. Вы пока еще гражданский, — мастер-сержант вздохнул. — Вы хотя бы представляете, что такое десант? За пятьдесят долларов доплаты вы получите столько работы... С парашютом прыгали?

— Так точно! Три раза, — преуменьшил свои достижения Том.

— Хм, — окинув его недоверчивым взглядом, сержант, не поворачивая головы, скомандовал. — Капрал Райан! Проводите рекрута к медикам!

Медкомиссия ничем практически не отличалась от той, что проходил когда-то Толик. Те же «звери в белых халатах», разве что женщин не было. Не дошла еще видимо, женская эмансипация еще до таких «высот» или «извращений». Но в целом процедура несколько не изменилась: «Пройдите туда... сюда, разденьтесь, встаньте, лягте, наклонитесь...». Рекрутов, вопреки опасениям Толика, постепенно прибавлялось и к обеду набралось не меньше сотни человек. Увидев такую толпу народа, он успокоился, решив, что ни один самый отмороженный мафиози ничего не станет предпринимать при таком числе свидетелей.

Столовая напомнила обычное советское заведение годов восьмидесятых с самообслуживанием. Разве что столы и стулья, сделанные полностью из натуральных материалов, да плакаты на стенах с надписями на английском выбивались из общей картины. Обед был обильный, пусть и не слишком изысканный. Подали огромный кусок обжаренной говядины с жареной же картошкой и напитки по выбору. К удивлению Толика, соус и приправы отсутствовали, из-за чего многие рекруты поглощали блюда без всякой охоты. Сидящий же напротив худощавый, веснушчатый парень съел все до капли и с явным сожалением разглядывал остатки на тарелках соседей. Перехватив любопытный взгляд Томпсона, он усмехнулся и негромко спросил:

— Не был безработным?

— Нет, — ответил удивленный Толик, — и что?

— Тогда понятно. Поел бы хотя бы месяц бесплатного супчика от Армии Спасения, ты бы добавки раза три попросил, — пояснил он.

Пристыженный, Том быстро допил довольно таки скверный кофе и поднялся из-за стола. Пришлось почти пять минут простоять со своим подносом, дожидаясь, пока поевшие раньше сдадут их в специальное окно приемки. Но вот и эта нудная процедура закончилась и он вышел из пропахшего тяжелыми кухонными запахами помещения во двор.

При взгляде на собравшихся у курилки рекрутов, ему тоже захотелось закурить, но Толик без труда подавил это неуместное желание. Это грязное дело он бросил сразу после армии, по просьбе девчонки, которую очень любил и не курил до последнего дня в прежнем теле. Нравилось ли это Тому, Толику было неинтересно. Впереди была война, пусть и не столь тяжелая как на Восточном фронте, но вполне реальная и он не хотел, чтобы самая малейшая мелочь помешала ему выжить.

Дальнейшее было совсем неинтересно. Мастер-сержант с помощью своих помощников с трудом построил непривыкших к дисциплине рекрутов. Неожиданно быстрая церемония присяги, после чего сержант выдал короткую, абсолютно казенную, патриотическую речь и отправил, как он выразился, «это стадо» на вокзал, вместе с уже знакомым капралом Райаном. Там их уже ждал поезд. Всех запихнули в один вагон. Капрал выдал документы назначенному старшим среди отправлявшихся в лагерь подготовки высокому бугаю по фамилии Джонсон и, отдельно, Толику. Он даже уделил последнему на несколько минут больше, чем всем остальным, любезно объяснив, что Тому еще предстоит пересадка на поезд, идущий в Форт-Беннинг.

Капрал оказался настолько добр, что даже попрощался с новоиспеченными солдатами. Он стоял в конце вагона, у дверей, невысокий человек средних лет, подтянутый и пока еще довольно стройный, несмотря на начинающий отрастать и уже слегка заметный под обтягивающей формой животик.

— Там, куда вы направляетесь, будет нелегко, — сказал капрал, обращаясь к притихшим новобранцам. — Когда вы попадете в лагерь подготовки, то сразу поймете, насколько это не похоже на гражданскую жизнь. Вам это не понравится. Вы даже решите, что ваши командиры требуют от вас слишком многого. Вы подумаете, что все они полные дебилы. Вы будете думать, что попали к самым грубым и жестоким людям в мире. Я собираюсь сказать вам одну вещь. Вы сильно ошибетесь! Если вы хотите облегчить себе жизнь, прислушайтесь к моим словам сейчас. Делайте все, что вам говорят, и держите рот на замке.

— Спасибо, капрал! — ответил кто-то, и все засмеялись. Они еще не знали насколько он прав, не представляли всего, что их ждет и веселились, словно дети на каникулах. Один Толик сидел мрачный, пытаясь понять, насколько опыт советской учебки и службы в ВДВ сможет ему помочь. Впрочем, и он скоро отбросил в сторону все эти размышления, очарованный интересными видами из окна неторопливо, по меркам его опыта, едущего поезда. Остальные новобранцы, давно привычные к подобным пейзажам, откровенно скучали, не зная, чем заняться. Но скоро нашлись карты. В другой части вагона сбилась в кружок тесная компания вокруг одного из парней, рассказывающего интересные истории и короткие анекдоты. И только Томпсон сидел в гордом одиночестве у окна, разглядывая непривычную и в тоже время смутно знакомую жизнь. Поездка заняла почти два дня. И только к вечеру второго он оказался у ворот лагеря, где уже толпились еще с десятка два таких же как он, одетых в гражданское, парней и ждали вызванного караулом сержанта-инструктора.

Подошедший сержант выглядел так, словно сошел прямо с экрана голливудского фильма. Высокий, мускулистый, в идеально подогнанном обмундировании, на котором,

казалось, нельзя было найти ни пятнышка, с лицом настоящего стопроцентного белого англосаксонского американца^[5], он так и просился на обложку иллюстрированного журнала. Заметив реакцию и сержанта, командовавшего караулом, Толик сразу понял — ничего хорошего ждать от этого человека не стоит. Но первое время все прошло без происшествий, хотя Толик и был наготове в ожидании какой-нибудь подлянки.

Сержант отвел их в столовую, где новобранцев покормили холодным ужином из колбасы и фасоли. После чего, дав всего пару минут на отдых после еды, инструктор собрал всех в некое подобие строя и минут тридцать гонял на плацу, заставляя ходить туда-сюда небольшой колонной и обрушивая на обалдевших от такой неожиданности рекрутов целые потоки брани. Толику досталось меньше всего, хотя и он получил свое. За неправильное выполнение строевых приемов. Почти все они выполнялись совершенно не так, как привычно пытался делать Томпсон, опираясь на старые навыки.

— Кто тебя учил такой пакости, проклятый ублюдок? Ты двигаешься, словно джерри (немец), а не добропорядочный американский солдат! Придется позаниматься с тобой дополнительно! — прорычал сержант стоящему в первой шеренге Толику. Услышав же чей-то сдвленный смешок, сержант вообще рассвирепел и минуты две орал, что если стоящие перед ним павианы думают, что их неумение передвигаться строем лучше, чем пусть неправильные, но армейские навыки рекрута Томпсона, то они дико ошибаются. И он, сержант Чак МакГвайр, докажет им это в ближайшие дни. После чего, заставив еще раз пройти строем по плацу, повел их колонну к интендантскому складу.

У склада их уже ждали еще несколько групп новобранцев. После того, как их всех построили и завели внутрь склада, началось превращение толпы гражданских индивидуалов в единообразный строй солдат. Каждый новобранец по очереди подходил к одному из четырех недовольных неожиданно свалившейся работой интендантов, раздевался и стоял, слегка подрагивая от холодных прикосновений портновского метра и напряженных взглядов стоящих в очереди. Все происходило быстро, относительно тихо и напоминало конвейер. Вот только что перед Толиком стоял бравый ковбой в пропыленной, еще сохранявший слабый запах лошадиного пота одежды. А буквально через несколько минут он исчез в глубине склада и появился у другого выхода, уже одетый в новенькую, топорщащуюся униформу, с набитым остальными вещами мешком в руках, обалдевший и даже как бы еще не понявший, что произошло. Вот и сам Томпсон (или все же Пискунов?) уже стоял голый перед скучающе-озлобленным сержантом и так же непроизвольно вздрагивал от холодных прикосновений железных наконечников. И тут же получил огромное, просто непредставимое количество пилоток, шапок, перчаток, носков, ботинок, нижнего белья, рубашек, ремней, штанов и мундиров. Из всего этого изобилия Толику больше всего понравились ботинки. Настоящие прыжковые «коркораны» из натуральных материалов, мечта российского парашютиста восьмидесятых. Впрочем, как всегда, реальность оказалась совсем не похожей на мечту. Но обувь была вполне сносной, то есть носимой. Впрочем, как и вся форма. Разве что галстуки к повседневной форме, удавки, которые Толик тихо ненавидел еще ТАМ. Но деваться было некуда, и вот он уже занял место в строю сразу за бывшим ковбоем. Форму, конечно, требовалось ушить, но и сейчас, он ее слегка обдернул, кое-где подтянул и выглядел, на его взгляд, более-менее удовлетворительно. Что, однако, явно не понравилось сержанту МакГвайру.

— Это кто у нас тут такой умник ящеголовый? Ну-ка, выйди из строя. Ты думаешь, что ты в модном салоне, ублюдок? Червяк поганый, понял?

— Так точно, господин сержант червяк поганый, сэр! — ответил Толик, вызвав несколько неуверенных смешков в строю за спиной.

— Остряк-самоучка из яйцеголовых? Ничего, ты меня еще не знаешь, но ты меня узнаешь. И не обрадуешься, щенок! — рывкнул на едином дыхании разозленный «дрилл-сержант» (сержант-инструктор). И добавил, усмехаясь. — Джамп! (Прыгай!).

К удивлению сержанта, Толик, задержавшись буквально на секунду, сгруппировался и, подпрыгнув в воздух, с криком. — Одна тысяча, две тысячи, три тысячи, четыре тысячи! — приземлился на согнутые, пружинящие ноги, с растопыренными руками. Откуда было знать простому дрилл-сержанту из Америки, что многократно читанная-перечитанная книга о Джине Грине была одной из немногих, которые Толику нравились.

— Отставить! — снова рывкнул сержант. — Ложись! Тридцать отжиманий!

Конечно, новое тело было нетренированным, но чисто на упрямстве Толик, очередной раз удивив Чака, сделал тридцать пять отжиманий, крикнув в конце. — И пятерочку за десантуру!

— Встать! Самый хитрый? — немного смягчившись, однако все еще недовольно, спросил сержант. Но видимо поняв, что теряет время, скомандовал. — Становись в строй! Взвод! Направо! Бегом!

Бежать пришлось недалеко, иначе бы Том совсем запыхался.

В новом здании их уже поджидали со своими инструментами парикмахеры.

Теперь, обритые наголо, одетые в униформу они все казались одинаковыми. Настоящими солдатами. Но только казались. Сержантам пришлось еще раз потрудиться, чтобы снова собрать из них более-менее организованную колонну и отвести к казармам. Где им «щедро» выделили полчаса на обустройство, душ и прочие туалеты. Но Толику, подсознательно ожидавшему еще какой-нибудь пакости, времени хватило как раз. Остальные, особенно те, кто раздевался медленно, мчались в душ бегом, расталкивая сослуживцев, и быстро мылись, чтобы успеть забежать еще и в туалет. А кое-кто не успел и вылетал из душа под крики и брань сержантов. Наконец все собрались у коек. Сержант МакГвайр медленно прошелся вдоль центрального прохода, разглядывая стоящих с обернутыми вдоль бедер полотенцами солдат.

— Ладненько, ублюдки, — сказал он, дойдя до конца помещения. — Пора спать. Приготовится к отбою! — и тут же прозвучала команда «Ложись!» Новобранцы как ужаленные, рванули к койкам. Легли, затаились.

— Спать! — скомандовал сержант, выключая свет. И в казарме наступила тишина, прерываемая лишь редким кашлем кого-то из новобранцев. Но Толик никак не мог заснуть. Спокойно обдумывая свое поведение, он вдруг осознал, что вел себя как последний дурак. Убил, так и ничего не узнав, двух мафиози (не важно, что их в нынешних штатах «нет», уж на «братков» Толик в девяностые насмотрелся), в призывном пункте и здесь устроил представление. А ведь помнил же, что в армии таких «слишком умных» не любят. Помнил, а сделал все наоборот. «Тело, что ли, со своими привычками, подводит? Вообще-то, если мой пациент тоже мафиози, наверняка привык творить, что левая нога пожелает. Черт побери, надо как-то сдерживаться, иначе меня тот же сержант заклюет, — не отрывая голову от подушки, он приоткрыл глаза и всмотрелся в темноту. Все было спокойно. Пока спокойно. — Будь проще, екарный бабай, говорил же мне в свое время прапорщик Мимоходов, и люди к тебе потянутся». Он еще некоторое время обдумывал, как же теперь ему выйти из той ситуации, в которую попал из-за собственного разгильдяйства и, так

ничего не придумав, неожиданно крепко заснул.

Утро началось с рева сержанта. А дальше начался привычный круговорот армейской жизни. Бег вокруг лагеря, зарядка, быстрый завтрак, который Том проглотил, сейчас же о нем забыв. Потом они получали учебное оружие — длинные и тяжелые винтовки, напоминавшие русские «трехлинейки» или английские «буры». Сержант, критически оглядев строй неуклюже державших оружие новобранцев, вопреки ожиданиям Томпсона, ругаться не стал, лишь быстро отвел их в казарму и приказал оставить винтовки там.

А потом пошел хорошо знакомый Толику «курс молодого бойца». Их муштровали до потери сознания, до тех пор пока от усталости они не начинал пошатываться из стороны в сторону как пьяные. Самой сложной для Толика внезапно оказалась как раз шагистика, очень уж отличались американские строевые приемы от советских, которые он невольно пытался повторить. Но он довольно быстро научился подавлять свои привычки. Стоило только задуматься о чем-нибудь постороннем, а тело само повторяло вбиваемые в него сержантами приемы. Но все равно, Тома подолгу держали по стойке «смирно» под безжалостными лучами солнца. Он, как и другие рекруты, то и дело нес наряды по кухне, до блеска отмывая столы в солдатских столовых. Он чистил отхожие места.

МакГвайр пытался заездить его. Но Толик не сдавался. Тому, кто прошел КМБ еще сорок лет тому вперед, выжил в Афгане и после распада Союза, все эти американские «приемчики» казались наивной детской игрой. К тому же новое, двадцатилетнее тело оказалось не сильно побито всякими жизненными излишествами и легко адаптировалось к ранее непривычным физическим и психологическим нагрузкам.

В результате, Том легко пробежал утреннюю дистанцию и быстро реагировал на команды. Даже на надоевшую к концу второй недели всем команду: «Прыгай», которая могла прозвучать в самый неожиданный момент, и которая, по уверениям сержантов, готовила их к прыжкам с парашютом. Его винтовка была всегда безукоризненно чистой. Он до совершенства отрабатывал сложные приемы строевой подготовки, в образцовом порядке содержал свое обмундирование и снаряжение.

Однако его упорство и жизнерадостность были вознаграждены не только прекращением придинок сержанта. Для начала, у него появилось много друзей. Первым стал тот самый бывший безработный, Джордж С. Девис, которого все во взводе звали Джоди. Общительный и незлобивый парень, он быстро сошелся не только с Толиком, но и с державшимся несколько отстраненно ковбоем из Техаса, Джоном Уэйном. Попытки нескольких «коренных янки» и итальянцев ввести во взводе свои порядки провалилась после того, как Толик скрутил их лидера, Генри Бадди. Попытки вмешаться в драку нескольких подлипал Бадди пресекли Джон и Джоди, а также несколько ранее обиженных бандой Генри солдат-ирландцев...

А когда на третьей неделе их повезли на полигон, Томпсон сумел поразить не только мишени, но и командовавшего стрельбами лейтенанта Мидберри, не говоря уже о сержанте МакГвайре. Попав впервые на настоящее стрельбище, безгранично радуясь перерыву в скучных, до тошноты надоевших тренировках на учебном станке, он прицеливался в мишень с некоторым волнением. Все же это не привычный по прошло-будущему «калаш». Отдача оружия его приятно поразила. Несмотря на мощный патрон, она казалась какой-то... мягкой. Да и сама винтовка, при всей ее громоздкости и весе, была неплохо сбалансирована, и стрелялось из нее легко. Если бы не надо было передергивать затвор — он бы даже сказал, что выполнил упражнение с удовольствием. Отстрелявшись, они подбежали к мишеням, и тут

Толик впервые увидел удивленного до глубины души Чака.

— Ого! Для первого раза ничего, — МакГвайр пытался сделать вид, что ничуть не удивлен. Но удавалось это Чаку плохо. — Из винтовки раньше не стрелял?

— Не стрелял, сэр. — «Ну да. Только из автомата. Но уж из него столько, сколько тебе, сержант «Чак» и не снилось. И не в таких полигонных ситуациях».

— Из мелкашки? Или ружья?

— Из мелкашки, сэр! Из ружья не имел возможности, сэр! — отвечал Толик, пытаясь понять, что он опять сделал не так.

Скоро выяснилось, Толик выбил максимально возможную сумму очков на дистанции в триста ярдов. Такой результат, обычный для бывалого ветерана или сержантского состава, оказался достаточно впечатляющим для новобранца. А когда он практически повторил свой результат при стрельбе на пятьсот ярдов, то к мишени подошел даже присутствовавший на стрельбище лейтенант.

Еще через два дня Толик сидел в казарме и начищал свои «коркораны», когда в казарму вошли лейтенант и сержант-инструктор.

— Смирно! — успел крикнуть заметивший офицера Толик, вскочив и от неожиданности даже выронив ботинок. Рядом вытянулся побледневший Джоди. Оба стояли в образцовой строевой стойке, глядя прямо перед собой с ничего не выражающими лицами. И гадали, что такое сдохло в лагере, если лейтенант лично заглянул к новобранцам.

— Вольно, — лейтенант критически оглядел обстановку и неторопливо присел на стул, подставленный сержантом. — Спасибо, Чак, — поблагодарил он и добавил, глядя на Джоди. — Вы свободны, а вас, рядовой Томпсон я попрошу остаться.

— Есть, сэр! — оба рекрута отреагировали так дружно, что их ответы фактически слились в один. При этом Толик едва удержался от смеха, заметив довольную рожу МакГвайра.

Лейтенант, очевидно проследив за взглядом Тома, оглянулся через плечо на стоявшего сзади сержанта. Улыбаясь, Чак продолжал носком башмака постукивать по лежащему ботинку Толика.

— Этот вот рядовой, — спросил офицер, — воображает, будто бы уже все постиг. Как ты на это смотришь, сержант?

— Так точно, господин лейтенант, сэр, — отозвался МакГвайр. Он обошел сидящего офицера, подошел поближе к вытянувшемуся Толику и уставился на него в упор.

— Э, сержант, — неожиданная реплика лейтенанта, заставила Чака опустить глаза и отойти на шаг. — Вы считаете, что он недостаточно хорош?

— По мне — это обычный сопливый рекрут с гражданки, сэр!

— Погоди-ка, сержант МакГвайр, — повысил голос Мидберри. — По-моему, тут кое-что еще можно поправить. Конечно, этот рекрут и дерьма еще не стоит, да только остальные ведь и того хуже. Так что, думаю, этот все же подойдет.

— Он вроде бы и ходить умеет — по линейке пройдет, не свалится, — поддержал офицера МакГвайр.

— Это верно. Да и выбора особого у нас с тобой нет, — поднимаясь, лейтенант еще раз пристально поглядел в лицо Тому. — В общем считай, что мы сделали выбор... Доведешь, в общем, сержант.

— Есть, господин лейтенант, сэр! — Чак вытянулся не хуже Томпсона, и тут же, расслабившись, повернулся к Томпсону. — Понял, убудок?

— Не понял, сэр?

— Нам нужен командир третьего отделения. Вот мы тебя им и сделали. Назначили короче. Ясно, ублюдок?

— Так точно, сэр! — ответил Толик изумленно.

— Что ты там сказал? — воспользовавшись уходом офицера, сержант, кажется, готов был еще поиздеваться над рядовым. Но Толик быстро нашелся. — Виноват, сэр! Это я от неожиданности, сэр! Рядовой Томпсон благодарит сержанта-инструктора за назначение, сэр! — причем рывкнул он это без передышки и так громко, что в казарму заглянули удивленные солдаты. Но, заметив стоящего инструктора, торопливо скрылись.

МакГвайр поощрительно осклабился.

— Смотри-ка, соображаешь. Получишь временного сержанта на три оставшиеся недели, а там все будет зависеть от успехов твоего отделения. Понял..., — тут он явно проглотил очередного «ублюдка».

Толик еще больше вытянулся и отдал честь.

— Ну, ну, служи..., — Чак снова осклабился во все свои тридцать зубов и, резко развернувшись, вышел.

Вернувшийся вместе с Уэйном Джоди с удивлением смотрел, как разозленный Томпсон, ругаясь на непонятном языке, пнул сначала стул, а затем и подвернувшийся под ногу ботинок. После чего, продолжая ругаться, но уже нормально, по-английски, поднял стул. Постояв, залез под кровать, достал ботинок и сел, собираясь его дочищать.

— Ты чего, Том? — осторожно подойдя к продолжавшему что-то ворчать себе под нос Томпсону, спросил Джоди.

— Назначили, так их и растак, командиром отделения, — ответил еще не остывший Толик.

— Так тебя можно поздравить! Получишь капрала, десятку сверху! — радостно завопил Джон. — Кстати, нас тоже можно поздравить, свой парень в начальниках будет.

— Поздравить?! — Толик был готов обрушить на голову обрадованного ковбоя лавину ругани, но сдержался. «Неужели это идиот не понимает, что теперь мне придется отвечать не только за себя, но и за почти дюжину охламонов, составляющую третье отделение? Или надеется, что теперь ему-то будет легче служить? Типа того, что я по дружбе закрою глаза на его неопрятную обувь?» — Джонни, — как-то само собой получилось, что тон голоса Толика стал ласково-угрожающим, словно он разговаривал с мастером в цеху, планировавшим поставить его на самую грязную и низкооплачиваемую работу. — Джонни, — повторил он еще раз, — ты что думаешь, мне стадом коров управлять придется? Мне же от одних шуточек Джоди повеситься можно будет. Да и ты... обувь в порядок приведи! — внезапно перейдя на командирский тон, рывкнул он. От неожиданности оба его собеседника вытянулись по стойке смирно. Кто-то из появившихся за это время в казарме солдат хихикнул, но тут же словно подавился. Толик медленно обвел помещение взглядом, не сулившим ничего хорошего шутнику.

— Слушаюсь, почистить обувь, господин сержант, сэр! — вдруг ответил Уэйн. И все захохотали, включая и Толика.

— Ну ты силен, Том, — заметил, отсмеявшись, Джоди. — Прямо мой старик, когда переберет и начинает наводить в доме порядок.

Опять все посмеялись, но теперь, как заметил Толик, как-то с опаской, словно опасаясь его задеть. День прошел, как всегда в суете занятий, только теперь Томпсону, получившему в

канцелярии нашивки сержанта и приказ о присвоении постоянного звания капрала, пришлось строить остальных, включая и своих друзей.

Неожиданно оказалось, что управление отделением не такое уж и страшное дело. Главное, четко провести грань между служебным и неслужебным временем, чтобы друзья не сели на шею. Через несколько дней Толик даже заслужил одобрительное ворчание МакГвайра, когда его отделение построилось на утреннюю проверку не только первым, но и полностью, как положено, экипированным.

А в субботу их всех ожидал неожиданный, но приятный сюрприз. Им наконец разрешили увольнение в воскресенье. Вечером в казарме гудели возбужденные голоса солдат, обсуждавших планы на завтра. Даже после отбоя из всех углов доносились шепотки, словно никто не мог заснуть в предвкушении.

Том, Джоди, Джон, еще два солдата из третьего отделения — Генри Райан и его однофамилец Джон, получивший прозвище Второй, решили сразу отправиться в бар «Бизарре», о котором среди обитателей учебного лагеря ходило множество слухов. Бар, расположенный сравнительно недалеко от КПП, напомнил Толику что-то из увиденных в прошло-будущем старых американских фильмов. Народу было много, в основном такие же, как они, новобранцы, получившие первое за несколько недель увольнение. Сквозь шумные выкрики и веселые разговоры пробивалась музыка небольшого оркестрика, наигрывавшего что-то ностальгически-знакомое.

Несмотря на забитое помещение, столик для пятерки друзей нашелся практически сразу, что немного удивило Толика. Но после того, как Джоди и Второй принесли от стойки по двойному виски, он как-то отвлекся и забыл об этом. Как и о странном ощущении, что за ним следят, появившемся сразу после того, как они подошли к бару.

Виски оказалось так себе. Самогон, который Толик пил у себя в Выксе, был, пожалуй, намного лучше этого пойла. Которое, к удивлению окружающих, он проглотил одним глотком, почти и не поморщившись.

— Ну, ты даешь, парень, — восхитился Джон-ковбой. — У нас на ранчо так только один Маслански мог. Поляк. Ты тоже поляк?

— Нет, я русский, — помрачнев, ответил Том. Только сегодня он прочел в газете свежий репортаж о тяжелых боях в России и наступлении нацистов. А он в это время сидит в баре и пьет местный самогон. И ничем не может помочь своим.

— Русский? Был у нас в Кентукки один русский, — тут же среагировал Джоди. — Очень хороший парень, помог как-то моему старику, когда тот не смог дневную норму нарубить.

— Ты что, из шахтеров? — удивился Джон Второй.

— Убежал я оттуда. Сам понимаешь, никакого расчёта вкалывать за еду и товары из лавки компании нету. А уж в шахте...

Тут Генри приволок еще пять двойных и пять кружек пива. Толик, отсалютовав, одним глотком выпил виски и тут же запил пивом, ополовинив кружку.

— Не, наш русский такого не мог, — улыбнулся Джоди.

— Погоди-ка, — Толик почувствовал, что спиртное на него наконец подействовало. Как всегда после выпивки, краски стали ярче, музыка — сильнее и даже мозг вроде заработал быстрее. Тут же он вспомнил, почему слова Кентукки, шахты и лавки вызывали у него ощущение чего-то знакомого. «Гарри, Гарри, как он любил... любит... полюбит эту песню. А почему бы мне и не спеть?» — почему-то последняя мысль показалась ему очень удачной.

Опустошив кружку с пивом, он поднялся, не отвечая на недоуменные вопросы друзей. Пробраться сквозь забитый людьми зал было трудновато, но сидели они недалеко от оркестровой площадки, так что Толик дошел до музыкантов без происшествий. Пошептался несколько минут с главным из них, игравшим на гитаре. Еще несколько минут они подбирали мелодию и ритм, причем заинтригованные происходящим посетители понемногу прекращали разговоры и с удивлением смотрели на происходящее.

— Для моего друга из Кентукки! — громко объявил Толик и повторил коронный номер артиста, исполнявшего эту песню — задал ритм, щелкая пальцами.

— Богач считает, что создал бог
Людей из грязи, но мы — та же плоть
Такие же мышцы и такая же кровь
Такая же кожа, и мозг таков.

Посетители внимательно и молча слушали. Только Джоди и еще несколько человек, уловив ритм, поддержали песню, прищелкивая в такт.

— Шестнадцать тонн умри, но дай
Живи в кредит, в долги залезай
Работай молча, не надейся на рай
И душу компании в лавку продай...

После второго куплета припев подхватили уже несколько голосов, а когда Толик проорал последние слова, зал разразился одобрителем свистом и криками:

— Шестнадцать тонн умри, но дай
Всю жизнь работай, весь век страдай
Но знай дружище, что в день похорон
Мы за тебя нарубим шестнадцать тонн!^[6]

Возвращаясь к столику и лавируя между восхищенно приветствовавших его посетителей, Том опять почувствовал, что за ним кто-то следит. Но ему было уже все равно.

Столик встретил его восторженным ревом и криком Джоди.

— Ну ты даешь, сержант! Сам сочинил?

— Нет, конечно. Слышал как-то раз, вот и запомнилась.

— Это точно кто-то из наших написал. Такое пережить надо. Вот только последний куплет немного странный, но тоже отличный. Прямо о нашем русском.

Даже местный виски, по вкусу — натуральный самогон, лился в глотку вполне свободно, как вода. Вечер пролетел незаметно, причем их компания ухитрилась даже ни с кем не подраться.

Только вот утром бежать было очень тяжело. Ноги двигались, словно чугунные, во рту было суше, чем в пустыне Сахара в разгар летнего сезона. Похоже, старые привычки Толика и организм Тома оказались не совсем совместимы и теперь боролись друг против друга. Но

Толик все же победил, еще раз доказав, что здоровый дух всегда одолеет здоровое тело. Но весь день было действительно трудно, что было понятно — понедельник, он тяжелый день не только в России.

Ну, а со следующего дня стало полегче. Но не намного. К обычному изучению документов, уставов и наставлений, занятиям строевой добавились тренировки в поле, и стрельба из «кольта» и самозарядной винтовки. Винтовка Толику в целом не понравилась. Кургузая, с очень толстой, непропорциональной ложей и малопонятной неудобной механикой. Попастись пачкой с патронами в пазы приемника — еще та задачка, особенно в бою. И целиться навскидку через диоптр не столь удобно, как с открытым прицелом — мишень теряется. Правда на пятьсот ярдов и с готовой позиции благодаря тому же диоптрическому прицелу стрелять намного удобнее, чем из учебной винтовки. Но больше всего Толик возненавидел звук вышибаемой пустой пачки. Ясно было, что его услышат на расстоянии нескольких десятков метров даже днём. Он сразу сообразил, что в условиях не слишком интенсивного боя, на реальных городских или лесных дистанциях (метров пятьдесят), звон пачки будет слышен вполне явно для противника. Особенно если пачка падает на камни или металлические конструкции. Короче, заглушить этот звук может лишь канонада интенсивного боя. Эхо выстрела звон не скрадывало — как специально засек Толик, пачку вышибло вместе с экстрагированной гильзой, уже после звука выстрела. Конечно, деваться-то некуда, Гаранд — это не автомат Калашникова, но, как известно, за неимением горничной приходится довольствоваться тем, что есть.

Хваленый кольтовский пистолет тоже вызвал явную неприязнь. Большой, брутальный в лучших американских традициях и, соответственно, очень тяжелый. Единственные удобства — ухватистая рукоять и большие, легко управляемые рычаги затворной задержки и предохранителя. А все остальное, значит — неудобства. Если честно, то стрельба из Кольта оказалась для Толика очень непривычной именно из-за большого веса. Держать такую «дуру» одной рукой — еще то удовольствие. Хорошо хоть, что отдача, вопреки ожиданиям, оказалась сравнительно плавной и не слишком чувствительной. Вот только стрелять из него больше чем на десяток метров было очень трудно. Тяжелая пуля при малой скорости имела очень высокую траекторию, заставляя непривычно задираť пистолет. «Надо будет при первом же удобном случае поменять на что-нибудь более легкое и приятное при стрельбе, — сразу после первых же выстрелов решил Толик. — Помнится, немцы выпускали... черт, выпускают сейчас, пистолет очень похожий на наш Макаров. Надо поискать обязательно».

Так, в заботах и занятиях, незаметно пролетело оставшееся время начальной подготовки. После чего взвод, в котором служил Томпсон, построили, зачитали приказ о присвоении очередных званий и предоставлении пятидневного «ар-энд-ар» — отпуска. Пять дней полной свободы. Хочешь, езжай в любое место Штатов (куда успеешь, конечно), хочешь — гуляй и пей здесь, ночуя в казарме. Новоиспеченный сержант Томпсон решил съездить в Вашингтон. Остальные рядовые, поднявшиеся из второго класса в первый и столь же новенький, блестящий, как только что вышедший из-под пресса никель, капрал Джоди, решили отметить переход в парашютисты, никуда не уезжая из лагеря...

Первая пара строчек куплета появилась из письма Джона Тревиса — брата автора песни Мерле Тревиса. Он писал брату о гибели известного журналиста Эрни Пайла на войне в 1945-м году: «Это как работать в угольной шахте. Ты выдал 16 тонн, а что получил? Только стал ещё на день старше и ещё глубже влез в долги». Четвёртая строчка припева — фраза, которую бросил отец Мерле соседям в ответ на вопрос, как он поживает: «Не могу позволить

себе умереть. Я заложил свою душу корпоративной лавке». Имелся в виду «company store» — в тридцатых и сороковых годах в Америке не платили шахтёрам деньгами, а выдавали ваучеры, на которые можно было купить товары в магазинах, принадлежащих самой корпорации. Таким образом рабочие не могли копить наличность. Когда эту песню исполнял Теннесси Эрни Форд — в его исполнении эта песня впервые получила свою бешеную популярность — его фирменным ходом было начинать песню с отбивания ритма щёлканьем пальцев. Потом Эрни начинал петь.

4. Отпуска нет на войне

Скоростной поезд прибыл на Центральный вокзал строго по расписанию. Сержант Том Томпсон взял лежащий на полке вещевой мешок и вышел из вагона поезда, напоминавшего ему о виденном давным-давно фильме «В джазе только девушки».

Поискал глазами такси и сразу увидел знакомый по тем же американским фильмам, окрашенный в желтый цвет автомобиль. Оказалось, что это действительно такси, причем свободное и водитель готов отвезти его куда угодно всего за десятку. После небольшой, но весьма оживленной беседы, Тому удалось договориться, что его доставят до центрального почтамта только за пятерку. В сочетании с погодой, жаркой и влажной, все окружающее напомнило Толику давнюю поездку в Одессу. Тем более, что и говорок у таксиста, с поправкой на другой язык, точно напоминал одесский.

Но свою работу он знал и доставил Томпсона к требуемому месту без приключений и довольно быстро. Быстро по меркам сороковых, конечно. Привыкшему к другим скоростям попаданцу казалось, что машина едет совсем медленно. Настолько неторопливо, что он даже успел составить впечатление о столице США. Город поразил его какой-то невероятной схожестью зданий с Выксой, отсутствием подсознательно ожидаемых небоскребов, небольшим, словно в СССР, количеством автомобилей на улицах и висящими повсюду в окнах полосатыми навесами от жары. Автомашин, как и везде в этом мире, представляли просто рай для любителей антиквариата. Причем часть автомобилей, выпущенная в двадцатые, выделялась своими квадратными, напоминавшими каретные, кузовами, плоскими хромированным радиаторами. Остальные, более современные, напоминали какую-то советскую послевоенную хронику. Еще больше поразил Толика старинный бело-зеленый вагончик трамвая, в отличие от виденных им ранее, в прошло-будущем, ехавший по рельсам на подрезиненных колесах. Единственное, что мешало в полной мере расслабиться и насладиться поездкой — вновь появившееся чувство следящего за ним недоброго чужого взгляда. Потом он заметил коричневый фورد, очень похожий по описанию на сбивший его в Хилл-Вэлли, неотступно, как показалось Тому, следовавший за такси.

Не обнаружив этого авто около почтамта, Толик несколько успокоился. Но не расслабился. Потому что сейчас ему предстояло сделать самое главное. Наследством, оставленным для него бывшим хозяином этого тела, надо было распорядиться и распорядиться с умом.

Сержант в повседневной униформе, вопреки опасениям Толика, не привлек ничего внимания. Народу, в том числе и в форме, было достаточно много, несмотря на довольно раннее время. Несколько минут стояния в очереди, предъявленная в качестве удостоверения личности купюра в один доллар — и небольшой, не слишком толстый пакет перешел в его руки. Обычный конверт, ничем не примечательный, из-за которого, тем не менее, уже погибли не менее десятка человек. И Толик отнюдь не рвался пополнить их ряды. Поэтому он спокойно дождался, когда у дверей соберется побольше народу и выскользнул из здания вместе, как минимум, с семьей сопровождающими. Сразу же, пока большинство шло к остановке трамвая, он свернул за угол и оказался на соседней улице. По его наблюдениям, никто не пытался повторить этот маневр. Но, как известно, береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет. Поэтому Том быстро перескочил через проезжую часть, вызвав несколько негодующих гудков владельцев механических средств передвижения. Их

негодование вызвало у Толика лишь саркастическую улыбку, так как здешнее движение в надвигающийся, как он сообразил, час пик и наполовину не дотягивало до творящегося на улицах тихой провинциальной Выксы начала следующего века. Самого главного он добился — отсек возможную слезку напрочь. И с легкой душой Толик сел в первое же попавшееся такси.

— Отделение Чейз банк.

— Слушаю, мистэр, — в отличие от первого таксиста, этот был молчалив и даже не пытался торговаться. Ехали дольше, чем первый раз, пришлось несколько раз стоять в довольно-таки ощутимых пробках на перекрестках. Водитель при этом ворчал, что с началом войны понаехало столько новых чиновников, что в городе стало невозможно жить.

— Извините, а что, чиновников действительно стало намного больше? — спросил Толик.

— Канешна, господин офицер, сэр, — повысил его в звании водила. — Размножающца, словно мухи в летнюю жару, сэр. Народу в Дистрикте стало за последние два года на треть, скажу я, больше. А еще куча федеральных чиновников в штатах появилась.

— Так это же хорошо для вас — работы больше, — подначил его Том.

— Работы больше, но и налогов больше, — проворчал, выворачивая машину на боковую улицу, шофер. — И вообще, скоро они будут за нас решать, куда нам тратить деньги и как спать с женой. С вас доллар сорок сэнтов, сэр, — добавил он, тормозя перед довольно таки скромно выглядевшим зданием, на котором красовалась вывеска «Чейз нейшл бэнк оф сити Нью-Йорк».

Только тут Толик понял, как его развел первый таксист. Подумав, что волноваться теперь уже поздно и сунув водителю два доллара, он с некоторым волнением поднялся по широкой лестнице ко входу и зашел в большую, несколько пошарпанную дверь. Заметно было, что дела у этого отделения банка идут не столь хорошо, как у его соперников. Видимо поэтому даже скромного сержанта с вещевым мешком за спиной приняли радушно, как потенциального клиента.

Что делал сержант в банке в течение полутора часов в сопровождении угодливо улыбающегося клерка и почему так долго задержался в этом здании, Толик не хотел бы рассказывать никому. Уж очень опасным было это знание. Из банка он вышел удовлетворенный и успокоившийся. Теперь мафия пролетала, как фанера над Парижем, а в случае его гибели на фронте (Толик был реалистом и даже ненавидя планировать будущее, обязан был предусмотреть любой вариант) содержимое сейфа сможет получить лишь товарищ Громыко. И никто иной.

Теперь оставалось проехать пару остановок на трамвае, поселиться в гостинице и поискать встречи с русскими дипломатами. «Только вот как с ними встретится? И не решат ли они что это какая-то провокация ФБР или ЦРУ (Толик не знал, что до создания ЦРУ еще целых пять лет). А у меня остались всего сутки, — раздумывал он, карябая ручкой письмо для товарища Сталина. — С этими шариковыми ручками совсем писать разучился, черт побери». Больше всего его поразило, что русские буквы практически получались похожими на английские, рука автоматически выводила привычные очертания.

На следующее утро, оставив вещи в номере, Толик отправился погулять по городу, а заодно проверить возможности передачи письма в советское посольство. Проехал на трамвае с нанесенным на борт логотипом «Кэпитал Транзит Компани» несколько остановок. Пришлось заплатить десять центов за билет, вместо вчерашних трех. В отличие

от порядков в будущем, здесь билет на транспорте стоил в зависимости от продолжительности поездки.

На Белмонт-серкл он прошелся вдоль невысокого забора, огораживающего трехэтажный, в псевдоклассическом стиле дом, с большими окаймленными полуколоннами, окнами второго этажа, с балкончиками и капителями, с пристроенным флигелем. Продефилировав сначала в одну, потом в другую сторону, он внимательно осмотрел местность и понял, что передать что-то незаметно, без проникновения в посольство не получится никак. Только проходить мимо полицейских и неизвестного числа агентов ФБР прямо в посольство Толику совершенно не хотелось. Конечно, можно попросить убежища и гражданства СССР. Но тут сразу возникают некоторые соображения, которые, скорее всего, решатся отнюдь не в его пользу. Вряд ли его посчитают столь ценным, чтобы ссориться с очень важным союзником, к тому же он будет считаться дезертиром. А как станут относиться к дезертиру во время такой войны, Толик примерно представлял. Как и оценка полученных от него сведений в таком случае.

Именно поэтому он считал необходимым передать все письменно, причем не раскрывая себя. Посчитают, что получено от какого-нибудь доброжелателя, которых сейчас в США много. Хорошее отношение американцев к Советскому Союзу, которое, к немалому его удивлению, поддерживалось их пропагандой, стало для Толика еще одним удивительным открытием. Попадались, конечно, и антикоммунисты и просто русофобы, но большинство относилось к СССР весьма доброжелательно.

Толик уже думал, не переиграть ли все и не поехать в Нью-Йорк, где вроде бы находилась главная резиденция советской разведки, когда из ворот вышел немолодой, лет пятидесяти, человек. Провожавший его сотрудник посольства громко попрощался с ним, называя Василием Михайловичем. Одетый как средний американец, он ничем не выделялся среди прохожих и, если бы попаданец не заметил, как этот человек выходит из советского посольства и разговаривает по-русски, он никогда бы не подумал, что этот пожилой очкарик — русский дипломат. Осмотревшись и не обнаружив ни одного такси, мужчина пожал плечами и спокойно пошел к ближайшей остановке трамвая. «Это шанс» — приостановившийся, словно для того, чтобы повнимательней рассмотреть рекламу, Толик, стараясь не выдать своих намерений, пошел вслед, постепенно нагоняя русского дипломата. Тот как раз остановился, наблюдая за подходящим трамваем. Толик, воспользовавшись моментом, подошел вплотную и сунул конверт прямо в карман плаща. Тут же, воспользовавшись суетой при посадке, отодвинулся в сторону и быстренько отошел подальше. Следить за севшим в трамвай дипломатом он не стал, боясь выдать себя. Пошел по улице, утираясь платком от внезапно выступившего пота. На его счастье, в ближайшем доме оказался бар. Пришлось зайти, выпить кружку пива, на удивление неплохого. Бар, кстати, назывался «Тевтонский». И пиво оказалось сваренным специально для этого заведения, как пояснил бармен. С гордостью добавив, что в мирное время сюда приходили выпить пива даже немецкие дипломаты, которые говорили, что оно ничуть не хуже немецкого. И так огорченно посмотрел на полупустой зал, что Толику стало немного стыдно. Словно это он лично устроил мировую войну, из-за которой упала посещаемость бара. Пришлось, в виде компенсации, заказать еще кружечку пива. Неторопливо допивая пенный напиток, Толик пытался обнаружить возможную слежку. Но все было тихо и спокойно, агенты ФБР не врвались в бар с намерением его арестовать. А парочка сидевших девушек даже поглядывала на мужественно выглядевшего сержанта (надо признаться, что за

последнее время Толик неплохо накачал мышцы). И когда одна из них, симпатичная блондинка, поднялась и прошла мимо него к двери, бросив искоса весьма выразительный взгляд, Толик одним глотком «добил» кружку и, расплатившись с барменом, устремился вслед, предвкушая интересное приключение.

Приключение, как обычно бывает в жизни, не заставило себя ждать...

Пока же Толик отходил от впечатлений и ждал последствий своего поступка, резидент НКВД в Нью-Йорке, вице-консул СССР Василий Михайлович Зубилин (в действительности носивший фамилию Зарубин), опытный разведчик-нелегал, работавший до этого во Франции и Германии, уже несколько раз сменил средства передвижения, каждый раз тщательно проверяясь. Слежки не было, но никто не мог дать гарантии, что его не возьмут прямо где-нибудь в поезде или у входа в консульство.

Попытку засунуть ему в карман конверт Василий почувствовал сразу. Успел и определить, кто это сделал, заметив поспешно уходящего военного. Но выкидывать конверт сразу не стал, если это провокация, его могли схватить именно при попытке избавиться от компромата. Тем более, что исключать такую возможность, несмотря на хорошие отношения между странами, разведчик не имел права. Просто потому, что знал, сколько имеется в США противников сближения с СССР, способных пойти на все, чтобы разрушить союз с «проклятыми богом коммунистами». Поэтому после одной из пересадок Василий зашел в почтовое отделение и отправил, вложив в новый конверт, письмо своему агенту в Нью-Йорке. Потом, если все будет, нормально, он спокойно заберет послание. Пока же надо без происшествий добраться до Нью-Йорка. Еще раз проверившись, Зубилин-Зарубин вошел в здание вокзала. Билет был приобретен заранее, теперь оставалось только дожидаться времени отправления и сесть в поезд...

Предвкушая приятно проведенный вечер, Толик торопливо выскочил из двери, стараясь рассмотреть, куда же направилась так понравившаяся ему блондинка. И не обратил внимания ни на стоящий рядом с тротуаром автомобиль с работающим на холостом ходу мотором, ни на пару мордovorотов неподалеку. Поэтому удар под дых и толчок в спину застигли его врасплох. Двое громил, действуя привычно-слаженно втолкнули согнувшегося от боли Томпсона в автомобиль, уселись, не давая ему опомниться, сами и машина рванула с места, словно за ней гнались все черти ада.

Толик, мгновенно забыв обо всем постороннем и полностью протрезвев, пытался сообразить, кто же его похитил. «На ФБР не похоже, они обычно одеваются строго, Гувер в этом отношении очень привередлив. Кроме того, агенты ФБР сразу предъявят ордер на арест. А тут... классическое гангстерское похищение» — машина притормозила, сидевший рядом с шофером пассажир повернулся в профиль, посмотрев в окно. И Том мысленно выругался, узнав портье из отеля в Хилл-Вэлли. — «Все ясно, это гангстеры». Капелька пота скользнула по спине попаданца. «С этими «быками» просто не справишься», — Толик скосил глаза на расположившегося справа громилу. Тот сидел, тупо глядя вперед с таким видом, словно ему все давно надоело, и что-то методично жевал. На коленях бандита лежал прикрытый его правой рукой пистолет, дулом направленный прямо в бок Тому. Несмотря на внешнее безразличие, гангстер сразу заметил движение подопечного и, подхватил оружие, прижав его к боку сержанта.

— Не дергайся, солдатик, — пробасил он. — Иначе мы можем обидеться и сделать тебе больно. Да, Базз?

— Ага, — согласился второй неожиданно тонким голосом, не переставая жевать.

Причем по запаху и консистенции того, что успел заметить Том во рту первого бандюги, жевали они отнюдь не «Ригли Сперминт», а жевательный табак.

Решив дождаться более удобного момента, Толик замер, пытаясь лишь понять, куда они едут. Что, само собой понятно, было не просто для человека, незнакомого с городом. Поэтому он бросил и это, просто сидя и мысленно настраиваясь на будущее. Ехали долго, начало уже темнеть, когда машина подкатила к огороженному высоким забором загородному дому. Водитель посигналил, ворота открылись, и они заехали на слабо освещенный двор.

Авто остановилось около угла дома, Толика, придерживая за руки, вытолкали из машины и поставили лицом к стене коттеджа. Рассматривая деревянную обивку, он напряженно вслушивался в разговоры за спиной.

— Джо, вы идиоты! Не знаете, что здесь происходит? Не могли отвезти его на хазу?

— Так копы могли прикопаться. А здесь надежнее. И босс до этого говорил, чтоб его сюда приволокли. Не?

— Джакомо, не разочаровывай меня, — продолжал кто-то, замысловато выругавшись. — Это было когда? А сейчас — совершенно другое дело. Ну да ладно, раз притащили его сюда, запирайте пока в подвале. Слышишь, Базз? Или вдвоем...

— Ага, — за спиной у Толика сплюнули. — Один. Солдатик не будет трепыхаться. Дырка в ноге случ чо будет, парень. Пнял? Двигай вперед!

Его подтолкнули в сторону, причем по ощущениям — чем-то вроде пистолетного ствола. Толик учел и это, как и то, что Базз будет один.

Они свернули за угол, сопровождающий подошел вплотную, снова ткнув в спину пистолетом и, сделав шаг, попытался открыть левой рукой дверь в подвал. В результате ствол слегка развернулся в сторону, а потом... Потом Толик сделал одно слитное движение всем телом... и громила Базз, оставив оружие в руке Толика, с грохотом покатился вниз по лестнице, в глубину подвала.

— Эй, Базз, что стряслось? — крикнул из-за угла обладатель баса. — Ты лоха не пришиб случаем? — Толик быстро отпрыгнул от двери и прислонился к стене. Вышедший из-за угла Джакомо успел удивленно уставиться на открытый вход в подвал и тут же получил два хороших удара. Но устоял, хотя и выронил пистолет. Только согнулся, словно пытаясь прикрыть больное место в паху. Пришлось добавить ему третий удар, рукояткой «Браунинга» (а пистолет Базза оказался самым настоящим, знакомым по Афгану тринадцатизарядным «Хай Пауэром») по затылку. После чего гангстер наконец с грохотом, который, казалось поднимет всю округу, упал на землю. Толик усмехнулся, аккуратно положил пистолет и, нашарив висевшие на спине ножны, достал оттуда небольшой, но очень остро отточенный нож. Некстати вспомнилось, что мог сделать с таким ножом прапорщик Мимоходов. Куда там киношным Рембо, Сигалам и прочим «Вам Дамам» вместе с Чаками Норрисами. Простой советский прапорщик из взвода разведки перерезал бы этих «героев Голливудских войн» всех вместе меньше, чем за пять минут, не особо напрягаясь. Конечно, сержанту Пискунову до этого мастера было далеко, но уж перерезать бесшумно горло, да еще ухитрившись при этом не испачкаться, и не нашуметь он мог даже сейчас. Что и проделал, не испытывая никаких моральных терзаний. Бандит должен сидеть на электрическом стуле. А если нет — почему бы обычному сержанту американской армии не исправить эту ошибку американской же Фемиды. После чего он осторожно заглянул за угол коттеджа, держа наготове нож и поднятый пистолет. Как ни странно, на дворе было тихо. Шофер закрывал

двери гаража, у въездных ворот прогуливался еще один мордovorот. При этом никого не интересовало, что творится за углом, у входа в подвал. Впрочем, Толика это устраивало. Пока никто ничего не сообразил, он мог попробовать тихо уйти или... Он снова прислушался. Кажется, Базз в подвале шумно пытался подняться. Пришлось бегом вернуться к двери и заглянуть внутрь. В свете горящей в подвале тусклой лампочки было видно, что Базз еще не пришел в себя, но уже шевелился на полу, пытаясь встать. Недолго думая, Толик захлопнул дверь. Щелкнул замок. За спину отныне можно было не бояться, замок, как успел заметить попаданец, можно было открыть только снаружи. Дверь была достаточно толстой, чтобы заглушить любые звуки и даже выдержать натиск разъяренного гризли. Потом Толик вернулся к телу второго гангстера, быстренько забрал у него еще «Кольт» и запасной магазин. Подумав при этом, что поспешил с подвалом, надо бы сначала оттащить туда труп, а потом уже запираться. Теперь было поздно, к тому же он был вооружен, зол и очень опасен для тех, кто его найдет.

Осталось разобраться с тем, какому боссу он понадобился и зачем. То есть зачем, он знал почти наверняка. Широко известный в узких кругах конверт, то есть его содержимое. А вот кто о нем узнал здесь, Толика заинтересовало. Впрочем, проще всего этот вопрос решался по методике, приписываемой товарищу Сталину. — Нет человека — нет проблемы. — Хотя подобные приемы устранения неприятностей стары как мир и, если судить по Библии восходят еще к спору между Каином и Авелем. Конечно, Том не забивал себе голову подобными рассуждениями. Солдат в бою думать не должен, думать надо до боя, иначе он станет трупом. Снова становиться трупом Толику не хотелось абсолютно. Поэтому он забрался на козырек, прикрывающий вход в подвал. А уже оттуда забрался внутрь дома через открытое, видимо по случаю почти летней жары, окно.

В коридоре, в который он попал, было пустынно и тихо. Лишь откуда-то доносились голоса. Несколько человек где-то впереди, за одной из-за закрытых дверей, обсуждали свои вопросы. Судя по донесшемуся веселому смеху — отнюдь не неприятные. «Ну что же. Устроим им веселый вечерок», — со злостью подумал Том, меняя «Браунинг» на «Кольт» и проверяя, не выпадет ли при прыжках из-за ремня очень понравившийся ему «Хай Пауэр». После чего, прислушиваясь, двинулся вдоль дверей к источнику звука.

Неожиданно одна из дверей распахнулась и на него выскочил, уперевшись животом в ствол, какой-то мужик, по внешнему виду — южанин, скорее всего — итальянец. Заметив Томпсон, он открыл было рот и потянулся к висящей на боку кобуре... И на этом все кончилось. Ударив левой по кадыку, Толик втолкнул хрипящего бандюгу в комнату, к счастью для попаданца — пустую. Добавив представителю местных жителей украшение в виде кровавого пятна в районе сердца, Толик аккуратно вытер нож. И снова выглянул в коридор. Нет, сегодня ему определенно везло. Если не считать непонятно чем занятого гангстера, в доме, похоже, было пусто. По-видимому «высокие» разговаривающие стороны не желали, чтобы их разговор мог кто-то подслушать.

Но Толик все равно шел, как в ауле на боевом выходе. Осторожно, практически бесшумно и со стволом наготове. Жалея только о том, что ствол не привычный «калаш» и что местные бандюги не имеют привычки носить с собой гранаты. После нескольких боевых выходов он навсегда запомнил, что в комнату входит сначала граната, потом очередь из автомата, а уж потом сам солдат. Хотя с учетом того, что ему будут противостоять отнюдь не «духи» и того, что есть должно было хватить с избытком.

Он осторожно подбирался к двери, из-за которой доносились голоса, когда с улицы

донесся тревожный выкрик. Кричавший обнаружил труп напарника Базза, о чем громко сообщал в окружающее пространство. Томпсон прыжком преодолел оставшееся расстояние, дернул на себя дверь. Четверо, сидевшие в зале, вскочили, и это было последнее, что они успели сделать. «Кольт» в руках сержанта рывкнул семь раз. Затем, на ходу меняя магазин, Толик пробежал через зал. Еще один выстрел — добивающий, все же этот американский пистолет так и не «лег» ему на руку.

«Без постоянных тренировок этот пистолет, пожалуй, хуже, чем ПМ. Даже намного хуже, высокая траектория тяжелой пули не даст стрелять дальше пяти-семи метров с приемлемой точностью. Поэтому лучше оставить себе «Браунинг». Толку больше», — как всегда в бою мысли текли отдельно и практически независимо от происходящего. Тем более, от действий. Которые не прерывались ни на секунду.

Он быстро подскочил к столу, сгреб лежащие на столе бумажки и, безжалостно сминая, сунул в карман. Судя по крикам, в коридор соваться было уже опасно. Поэтому он проскочил зал, стараясь не мелькать напротив окон, и распахнул вторую дверь. За ней оказался еще один коридор, точнее коридорчик. С лестницей ведущей вверх и еще одной — вниз. На секунду задержавшись, чтоб прикрыть дверь, он сбежал вниз. Принятое интуитивно решение оказалось верным — нижняя лестница вела в гараж.

Оказавшееся более просторным, чем выглядело снаружи, помещение гаража было тесно заставлено автомобилями. В нем стояло не менее полдюжины легковушек и один небольшой грузовичок. Подумав, Толик запер изнутри дверь на защелку. Потом подкатил к двери, поставив на ребро, тяжелую бочку с надписью «Газойль». В этот момент кто-то дернул ручку, но прислоненная к двери емкость была слишком тяжелой и дверь даже не дрогнула. Толик, навскидку, выстрелил через дверь и с удовольствием услышал слабый, едва различимый крик. Не дожидаясь ответного огня, он отбежал в сторону. Проскочил, пригибаясь, вдоль гаража, прикрываясь от обстрела машинами, к противоположной стене. Тем временем несколько стрелков пытались расстрелять вход в гараж, заодно попадая в бочку с бензином и стоящие внутри автомобили. Но до того, как все это загорелось, Толик успел найти дверь, ведущую в сад. И выскочить, как раз тогда, когда внутри гаража произошло то, что должно было произойти. Вспыхнуло. Огонь быстро понесся по лужам натекшего бензина. Закрывая дверь, Том пожалел, что сгорят машины, а до Вашингтона не на чем будет добираться. Впрочем, мысль мелькнула и тут же исчезла. Пока более актуально было выживание.

Толик осмотрелся. В саду (или парке?) было темно. Как раз настолько, чтобы скрыться от возможного наблюдения. Или вообще сбежать, пока все уцелевшие разбираются, кто виноват и что делать. Вот только куда бежать?

Но тут ему снова повезло. Пробираясь к забору, Толик заметил среди кустов пятно света из окна. Осторожно подобравшись поближе, он понял, что это что-то вроде сторожки или садового домика. И решил обойти его, когда дверь распахнулась и на крыльцо выскочил тот самый бывший портье. Вот тут «десантник в тылу врага» не удержался. Через пару минут стреноженный по всем правилам «портье» со страхом глядел на поблескивающий в пробивающихся сквозь кусты лучах света нож и что-то испуганно мычал сквозь вбитую в рот старую тряпку.

— Значит так. Если не будешь кричать, я кляп выдерну. Кивни, если согласен, — речь Томпсона, подкрепленная блеском стали, звучала настолько убедительно, что голова портье чуть не оторвалась от шеи. Толик, держа нож у горла, так, чтобы допрашиваемый чувствовал

его прикосновение, аккуратно вытащил тряпку.

— Я не виноват, мистер, — шепотом начал оправдываться портье. — Ничего личного, только бизнес. Мне сделали предложение помочь вас найти или меня бы убили.

— Кто? — не отводя ножа, для убедительности, спросил Толик.

— Люди..., — портье испуганно дернулся, чуть не порезавшись, но все же продолжил, совсем тихим, еле слышным на фоне доносящегося от коттеджа шума, — Чарлза Бинаджо. Что мне оставалось делать?

— Понятно, — столь же тихо ответил Том, зажимая портье рот и вонзая нож. — Ничего личного, парень, только бизнес, — прошептал он, глядя в стекленеющие глаза. — Какою мерою мерите, тою и вам отмерится, — добавил он, вытирая нож и прислушиваясь к окружающему. Судя по крикам, пожар разгорался серьезный и уцелевшим бандитам было не до исчезнувшего неизвестно куда, к тому же неизвестно зачем привезенного, «солдатика». Поэтому Толик подобрался поближе к забору, переждал несколько минут и, вспомнив навыки по преодолению штурмовой полосы, незамеченным перескочил на улицу. Тем более, что окружающему гнездо местных мафиози забору было, прямо скажем далековато до той же стенки, которую десантники в свое время перескакивали на тренировках.

Потом он почти полчаса бежал по темному полю, освещенному неверным светом ущербной луны. На блестящей от выпавшей росы траве, к неудовольствию Тома, тянулся заметный даже при скудном освещении след. Оставалось только надеяться, что гангстерам сейчас не до него, а к утру он будет уже далеко. Повезло уже тем, что по пути встретилось небольшое озеро, или пруд. Разбираться с тем, что это такое, Толик не стал, зато избавился от некоторых улик.

Наконец сержант вышел к шоссе. Белая извилистая лента уходила куда-то вдаль, к отражающемуся на горизонте сиянию огней большого города. Толик прикинул расстояние и от души выматерился по-русски. Если не появится попутка, он никак не сможет добраться до города в приемлемые сроки. К тому же неизвестно, посадит ли его кто-нибудь в автомашину. Но ему опять повезло. Третья проезжавшая мимо машина, небольшой грузовик, неторопливо ехавший в сторону столицы, притормозил напротив неторопливо бредущего сержанта.

— Что солдатик, в город? Садись, подвезу, — по виду типичный «реднек», деревенский недотепа, выглядел за рулем машины несколько странно, на взгляд Пискунова. К тому же он не ожидал такого бескорыстия. Но для американца в этом, видимо не было ничего необычного.

— Денежки прогулял, небось? — ехидно осведомился деревенщина, переключая передачи и трогая с места так, что Том еле успел захлопнуть дверцу.

Машина бодро мчалась вперед, под рокот мотора и аккомпанемент непрерывной болтовни водилы. Не давая Тому открыть рта даже для ответа, он сам задавал вопросы и сам же на них отвечал, рассказывая одну за другой истории, очень похожие на сказки дядюшки Римуса, которые Толику читали в далеком детстве. Только вместо зверей в них действовали знакомые и соседи шофера, которых он запросто называл по именам и прозвищам. Впрочем, такая обстановка Тому была на руку. У него начался «отходняк» после боестолкновения, и мирная болтовня помогала расслабиться.

Наконец, грузовичок остановился на окраине столицы, у ближайшей остановки. Заметив, что Том пытается достать деньги, водитель рассмеялся.

— Не стоит. Бензин все равно — компании, да и машина тоже. Ты же помог мне

добраться до места и не уснуть. Так что мы в расчете, солдатик.

Удивленный Толик только покачал головой и отправился ждать первого трамвая. А спустя еще несколько часов поезд уносил его прочь от федерального округа Колумбия и Столицы, в которой медленно разгорался пожар политического скандала.

5. Время собирать камни...

Двигатели мерно рокотали, неся тринадцать тонн летающей машины вперед, к полигону. Сидящий напротив Тома Джоди непрерывно что-то тихо шептал себе под нос. О чем-то, неразборчиво из-за громкого гула двигателей, переговаривались, точнее перекликались Райаны. Первый прыжок для всех и почти двадцатый для Толика. Но он все равно волновался. Смущало, что первый раз придется прыгать с парашютом, уложенным кем-то, а не им лично. Хотелось посмотреть в иллюминатор, но с громоздким снаряжением на это требовалось столько усилий, что это желание умирало, едва родившись. Но все же ему было легче, чем сидящему рядом и отчаянно трусившему Джону Уэйну. Нет, внешне бывший ковбой выглядел почти нормально, но необычное для него бледное лицо и устремленный в одну точку взгляд сигнализировали Толику, что надо принимать какие-то меры. Он наклонился к Джону и, перекрикивая грохот, спросил. — Историю про парашютиста в отпуске слышал?

Уэйн первоначально пропустил вопрос мимо ушей. Тогда Толик ткнул его в бок и повторил вопрос. Джон наконец отреагировал и отрицательно помотал головой.

— Нет? Так слушай! — проорал Толик. — Сидит генерал Риджуэй в кабинете. Вдруг раздается звонок из Нью-Йорка. Говорит директор зоопарка Центрального Парка: «Алло Господин генерал, ваш десантник попал в клетку с тигром!» Мэтью в ответ: «Ну и что?» «Господин генерал! Вы не поняли — ваш солдат попал в клетку с тигром!» — уже кричит директор. «Ну и что?!» «Тигры не кормлены, свирепы, а ваш парашютист с ними в клетке!!!» Генерал ему так спокойно отвечает: «Ваши тигры — вы их и спасайте».

Уэйн заржал, кажется, заглушив на время даже рев двигателей, так, что ему наверняка позавидовали бы все жеребцы с его ранчо. Все сидящие заинтересованно уставились на заливающегося смехом Джона. Первым не выдержал сосед ковбоя и попросил того пояснить, отчего он так развеселился. Буквально через десяток минут выпускающий с удивленным видом пробирался в хвост самолета к грузовому люку мимо отчаянно смеющихся, прямо-таки ржущих, солдат. Несколько движений и... дверь открылась. После команды «Встать!» выпускающего, стоящего у открытой грузовой двери, все десантники с лицами, в большинстве своем искаженными мужеством, неуклюже соскочили со своих скамеек. Выстроились в две шеренги лицом друг к другу. Громко прозвучала команда «Защелкнуть крючья!», каждый прицепил вытяжной фал к натянутому над головой тросу. Каждый чувствовал, что ему в спину упирается другой, стоящий сзади в очереди. Вспыхнула зеленая лампочка, выпускающий выкрикивал раз за разом «Пошел!», после чего десантник резко выбрасывал тело вперед, падая вниз в горизонтальном положении. Наконец все парашютисты, оружие: «Джеронимо!!!» вывалились в открытый зев люка, за которым раскинулась пугающая, но в то же время манящая синева.

Время замедлило свой бег, большинство звуков пропало и только ранее оглушительный грохот моторов задел в ушах жужжанием шмеля. Томительные четыре секунды свободного падения, сопровождающиеся подсчетом тысяч (Толик сознательно не стал применять вбитую в память в «войсках дяди Васи» систему отсчета) завершились рывком открытия купола. Падение сменилось полетом. Осмотревшись, Том увидел внизу и сбоку несколько куполов ранее выпрыгнувших солдат. И неожиданно отвлекся, вспоминая...

Первый день после отпуска запомнился ему переселением в новую казарму и вечерним

построением. Взвод в полном составе построился на плацу в составе роты «Джи». Им представили последовательно командира взвода лейтенанта Линна («Бак») Комптона, комроты капитана Эдвина Сейера, командира батальона майора Горхэма и наконец, командира пятьсот пятого полка восемьдесят второй парашютно-десантной дивизии полковника Гейвина. Потом начались полторы недели рутинной для уже проходившего подобный курс Толика наземной подготовки. Они детально изучали устройство и практическую укладку парашюта, старательно тренировались, неоднократно повторяя различные элементы прыжка, в том числе с макета самолета — старого списанного ДиСи-Два с отрезанными крыльями. Изучали и управление парашютом в воздухе, приземление, сбор парашюта после приземления. Потом шло выполнение прыжка с парашютом с вышки и обучение десантированию в составе подразделения. Все это было бы скучно, если бы не мучительные размышления о судьбе отправленного русским послания. Добавляло перца в обыденность дней и ожидание возможного визита полиции или даже агентов ФБР, расследующих происшествие в окрестностях Вашингтона. Том даже не пошел в воскресенье отдыхать вместе с сослуживцами. Он зашел в гарнизонную церковь, при которой был небольшой читальный зал, в котором можно было полистать газеты. Почитал несколько, старательно разыскивая любое упоминание о происшествиях в округе Колумбия, Мериленде и Виргинии. Сначала было несколько сдержанных сообщений в различных газетах о гибели в пламени пожара сенатора со смутно знакомым Толику именем и еще нескольких неизвестных ему уважаемых людей. Потом Тому попал в руки самый свежий номер «Нью-Йорк Таймс» с сенсационной статьей о происшествии в загородном доме в штате Мериленд.

Отвлечшись от посторонних мыслей, Том приземлился и ловко погасил купол. Собирая парашют, он почему-то опять вспомнил содержание статьи. В ней сообщалось, что несмотря на заявление специального агента ФБР Малдера о причастности к происшествию агентов стран Оси, полиция имеет иные сведения. Гибель несколько известных политиков и главы итальянских гангстеров Канзас-Сити Чарлза Бинаджо — это результат борьбы между ирландской бандой Грязного Гарри и итальянцами, превратившейся в настоящую войну двух банд. Произошедшее, написал корреспондент, напоминает события «ревущих двадцатых». В предыдущих столкновениях уже погибло большинство членов ирландской преступной группировки и сам глава банды Гарри МакГрегор. Теперь ирландцы отомстили, уничтожив главу итальянцев и его главного советника. Но основное содержание статьи было посвящено вовсе не этой эффектной, но второстепенной новости. Главное, что описывала статья — неожиданно выяснившиеся тесные связи между сенатором Труменом, главой комиссии по делам вооруженных сил, знаменитым политиком и главой демократов в Канзас-сити Ханеганом и итальянской преступной группировкой города. Корреспондент делал намеки, что такая связь имеется не только в этом случае. Не был ли связан с ней прежний глава демократов Том Прендегаст, как известно умерший два года назад в тюрьме, спрашивал автор статьи. Все содержание статьи, как заметил Том, незаметно приводило к выводу о связи большинства правых демократических политиков с преступностью, причем преступностью, организованной в масштабах страны.

«Вот бы узнать, как прореагировал этот самый Гувер на статью. Он же зуб дает, что мафии нет. А тут такой облом» — двигаясь к месту сбора, подумал Томпсон. Впрочем, он тут же отбросил всякие посторонние мысли, так как назад надо было возвращаться походным порядком. Загрузили собранные парашюты на грузовик. Потом ждали окончания прыжков, строились, пересчитывались. Оказалось два человека из взвода попали к медикам,

но ни одного подчиненного Томпсона среди них не было. Солнце склонилось к вечеру, когда длинная колонна десантников отправилась по дороге домой. Они пели недавно появившуюся песню, уже ставшую неофициальным гимном дивизии:

— Как новичок в десанте, он от страха весь дрожал.
Проверил парашют он и что дальше будет ждал.
Летел он в самолете, под двигателей рев:
«Он не будет прыгать вновь!»

Кровавый, очень странный выбран способ умереть
Кровавый, очень странный выбран способ умереть
Кровавый, очень странный остается только спеть:
«Он не будет прыгать вновь!»

Пока Толик и его сослуживцы занимались важным делом, готовясь к будущим боям с нацистами, в остальном мире происходили не менее интересные события.

Переданное неизвестным доброжелателем послание, трижды опечатанное, лежало в вализе дипкурьера, который после долгой дороги на перекладных, три дня назад прибыл в Москву. Потом его извлекли, распечатали и после совещания у самого высокопоставленного начальника спецслужб Советского Союза каждый из присутствующих получил задание на срочную проверку изложенных в нем фактов по своему отделу.

Поэтому сегодня с утра, вместе с другими документами послание лежало в папке, которую доставал из портфеля невысокий полноватый человек в форме генерального комиссара госбезопасности СССР, поблескивая стеклышками пенсне.

Состоявшееся после этого обсуждение могло бы заинтересовать не только непосредственных участников беседы, не только сержанта Томпсона из восьмидесят второй воздушно-десантной, но и большое количество людей по обеим сторонам Атлантики.

— Так вы полагаете, — глуховатым голосом с легким кавказским акцентом уточнил хозяин кабинета, — что изложенное в послании не дезинформация?

— Как я уже докладывал, мы провели тщательное расследование по приведенным в нем фактам. Тем, что можем проверить. Считаю, НКВД может гарантировать, что дезинформацией данное письмо не является. Наиболее вероятным может быть некая ангажированность послания, то есть источник видит возможное развитие событий под воздействием только тех факторов, о которых он знает.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Дезинформацией не является... — задумчиво повторил, прохаживаясь вдоль стола, хозяин кабинета. Остановился. Помедлив, взял со стола чуть дымящуюся трубку и с наслаждением затянулся. Окутавшись дымом, несколько секунд молчал, после чего продолжил. — Я помню доложенные вами сведения по теме «Энормоз» и тоже заметил полное совпадение по известным нам обстоятельствам. Поэтому, — он опять затянулся, — ...есть мнение, что к полученному сообщению надо отнестись максимально внимательно. И проработайте наши возможности в Бельгийском Конго и Нью-Йорке...

Продолжая потягивать трубку, он неторопливо прошел вдоль стола, тихо, по-кошачьи ступая по толстому ворсу ковра ногами, обутыми в мягкие сапоги. Сидящий за столом

человек плавно развернул вслед голову вслед, бросив на висящую на стене напротив карту пару солнечных зайчиков от стекол пенсне. Его сосед на движение не реагировал, продолжая смотреть в лежащий перед ним блокнот.

— Некоторые соображения позволяют полагать, что недавно начавшийся скандал с этим сенатором, — прервал молчание хозяин кабинета, и сделал паузу, словно забыв фамилию.

— Трумэн, — подсказал второй из сидевших.

— Да, именно с ним, — подтвердил, снова выпустив клуб дыма, собеседник, — имеет отношение к анализу возможного развития послевоенных отношений, переданных нам неизвестным доброжелателем...

— Или группой таковых, — вклинился в очередную паузу сосед человека в пенсне.

— Или группой, ты прав, Вече, — вновь подтвердил курильщик, — но это для нас пока не принципиально. Важнее уточнить все имеющиеся данные о господине Трумэне, его друзьях и его взглядах. Все, без исключений. И обо всех, кто тесно связан с этим господином. Особенно об их взглядах и возможности прихода этой группировки к власти.

— Кое-что о его взглядах нам известно уже сейчас, Коба, — вновь вступил в разговор Вече. — Вот, что он сказал год назад, после нападения фашистов на нас: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях. Никто из них не думает выполнять свои обещания».

— Есть мнение, что необходимо уточнить истинность этих сведений, а самое главное, возможность прихода этих людей к власти. Понятно, товарищ Берия?

— Все ясно, товарищ Сталин. Выполним.

— Хорошо, товарищ Берия. Выполняйте. И ты, Вячеслав, по своей линии тоже, — закончил разговор хозяин кабинета. Попрощался с уходящими. Не обращая внимания на темноту за окнами, устроился за столом, продолжать работу с бумагами.

Еще больше, чем совещание, происходившее в другом полушарии, Толика мог заинтересовать разговор, происходивший намного ближе, всего примерно в восьмистах сорока милях от полигона, над которым кружились рукотворные птицы с парашютистами. В мрачноватом, классического стиля здании федерального суда, расположенном на Центральной Сороковой улице Нью-Йорка, арендованном одним очень серьезным федеральным учреждением, встретились два джи-мена^[7], занимавшиеся расследованием взаимосвязанных дел. После учтивых приветствий (надо признать, что собеседники друг друга недолюбливали) и предварительной словесной разминки речь пошла о том, что интересовало их обоих.

— Есть что-то конкретное по этому делу, Эд? — спецгент Кошен первым перешел к делу.

— Конкретное? Шутишь, Лемми? После того, как там порезвилась толпа пожарных корреспондентов и дебилов-полицейских? Залили все следы водой, затоптали, все что можно. Местная полиция появилась самой последней, и даже пыталась заявить, что пожар произошел из-за неосторожных действий обитателей дома. Теперь определить, что случилось на самом деле, способен только сам Господь.

— Не кощунствуй, Эд, — поморщился Кошен. — То, что пули выпущены из того же пистолета, что применялся в убийстве Грязного Гарри они все же смогли определить.

— И что это меняет? Было бы все просто, если бы этой экспертизы не было, — экспансивно начал Малдер, но тут сбавил тон и оглянулся. — Двое убитых холодным оружием и один — голыми руками. Почерк скорее немецких диверсантов, чем бандитов. Тогда ирландцы вроде бы не при чем... А теперь гадай..., — он обреченно махнул рукой.

Оба спецагента замолчали, дружно осмотрелись и, не произнеся ни слова, пошли по коридору к выходу из здания.

Естественно, сержант Том Томпсон, за глаза уже прозванный Томмиган [\[8\]](#), ничего про эти беседы не знал и не мог узнать. К тому же в данный момент его больше волновали совершенно другие заботы. Он отошел на обочину, пропуская мимо идущих по-походному подчиненных. Дождавшись, пока с ним поравняется мрачно вышагивающий молчаливый Уэйн, он пристроился рядом. Несколько шагов они прошли молча, потом Джон не выдержал.

— Ну что? — негромко спросил он, продолжая смотреть прямо в спину идущего впереди солдата.

— Ничего, — спокойно ответил Том. — Отчего мрачный? Съел что-то не то?

— Я? — попытался изобразить удивление Уэйн и тут же сдался. — Черт побери, Том, ты словно наш капеллан, в душу без мыла лезешь. Э-э-э, понимаешь... — задумчиво протянул он, — я никогда не считал себя хуже киноактера. Даже взбесившегося бычка как-то усмирил. И не дрогнул... Но покидать нормально летящий исправный самолет... не по себе мне...

— Ну, ты придумал тоже. Думаешь мне, или Джоди такое нравится? — усмехнулся Том.

— Тебе? Тебе как раз нравится, — заметил Джон. — Не притворяйся, ты словно вернулся на любимую работу, по тебе видно.

— Э...хм, — честно говоря, замечание Уэйна поразило Толика до такой степени, что он чуть не поперхнулся. — Может внешне и так, — наконец нашелся он, — но внутри я... переживаю ничуть не меньше остальных. К тому же, нам за риск неплохо доплачивают, — добавил он.

— Вот из-за этих лишних баксов я здесь и оказался, — неожиданно признался Джон.

— Семья?

— Точно. И кроме деда, ни одного работника, чтобы их поддержать. Каждый доллар на счету, — снова помрачнел Уэйн.

— Ладно, не переживай. Жизнь она такая... полосками. Когда-нибудь эта черная полоса кончится, — неуклюже попытался подбодрить друга Том.

— Я и не волнуюсь. Только полоска очень длинная, — мрачно пошутил Джон. И они замолчали, думая каждый о своем. Но Толик сделал для себя соответствующие выводы.

Когда на следующий день командир второго отделения сержант Ципи Ливни после неудачного приземления попал в госпиталь как минимум на полгода, Том Томпсон первым ходатайствовал о назначении на освободившуюся должность рядового Уэйна. Так во втором отделении, получившем прозвище «Ковбои», у Толика появились преданные друзья.

Назначение Джона они отметили в первое же увольнение с таким размахом, что об этом вспоминал весь батальон по крайней мере в течение месяца. Тогда же от одного из военных полицейских они первый раз услышали новое прозвище их дивизии. Вместо «All American» (Вся американская нация), раздраженный капрал обозвал их «All Alcoholics» (Все алкоголики). Похоже, этого капрала слышали не только они, но и вся американская нация, потому что позднее это прозвище встречалось нашим друзьям постоянно. К удивлению

Толика, в остальном это происшествие обошлось практически без последствий. Ни его, ни остальных участников даже не оштрафовали, не говоря уже о дисциплинарных взысканиях. Кажется, начальству было просто не до них, офицеры каждый день собирались на совещания, один из планерных полков (которых все парашютисты звали «прямоногими» за то, что там служила обычная пехота) куда-то отправили. Вслед за ними начали понемногу паковаться и остальные части. Прыжки практически прекратились, зато все чаще взвод гоняли на тактические занятия с непременным рытьем окопов и стрельбами. А так как наступила зима, пусть и не такая морозная и снежная, как в Выксе, то рыть в подмерзшей земле окопы стало занятием не столь простым, как раньше. Все, включая и Тома, ворчали, считая, что в такой ситуации им могли бы дать поблажку. Тем более, что основные события войны, если верить газетам, происходили в Африке и на Тихом Океане, где зиму ожидать можно было только с большого бодуна.

Газеты Толик читал все чаще, надеясь понять, что же происходит в там, в заснеженных полях Поволжья. Писали много, но как-то бестолково и было непонятно, то ли у журналистов нет фактов, то ли они просто получили указание запутывать как своих, так и чужих. Но в статьях все время мелькало название города, которое знал любой школьник в Советском Союзе. Бои шли в Сталинграде, и Том с нетерпением ждал сообщения о начале русского наступления, которое должно было изменить ход войны. Но пока газеты сообщали о мелких боях за неведомые атоллы и наступлении в Африке, где союзники один за другим захватывали города во французских колониях и громили немецко-итальянские силы в грандиозной (если верить журналистам) битве под Эль-Аламейном. И на фоне этих сообщений почти никто не обратил внимания на сообщение о начале русского наступления под тем же Сталинградом. Никто, кроме Толика. Но и он старался не выдать своего особого интереса к этому событию, хотя и отметил начало наступления в том же баре, напившись и даже спев знаменитую в его время песню английских летчиков.

— Был озабочен очень воздушный наш народ
К нам не вернулся ночью с бомбежки самолет.
Радисты скребли в эфире, волну ловя едва,
И вот без пяти четыре услышали слова:
«Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы ползем на последнем крыле,
Бак пробит, хвост горит, но машина летит
На честном слове и на одном крыле.
Ну, дела! Ночь была!
Их объекты разбомбили мы дотла!
Бак пробит, хвост горит, но машина летит
На честном слове и на одном крыле.

На фоне всеобщего ликования от побед союзников, он нисколько не выделялся, поэтому веселился без опаски. Не зная, что очередной раз отнимает хлеб у будущего автора слов ^[9]. Находившийся в баре журналист сумел записать слова и песня, обработанная композитором Джимми Макхью со временем стала популярной по обеим сторонам Атлантики, особенно среди летчиков.

Единственное, что очень тревожило Толика — слухи, что их дивизию пошлют на Тихий океан. Он помнил, что американцы воевали там с большими потерями и без особых успехов до сорок пятого. Как-то не очень хотелось погибнуть, освобождая никому не нужный в конечном итоге, заброшенный неведомо в каких водах атолл.

Но судьба опять порадовала Тома и всех его сослуживцев. Их отправляли в Африку. Полк, уже сидевший на чемоданах, собрали в течение двух часов, погрузили в эшелон и вывезли в какой-то порт. Какой, Толик так и не поинтересовался, хотя просидели они в казармах на берегу несколько дней. «Меньше знаешь — крепче спишь», учил его в свое время прапорщик Мимоходов. Поэтому вместо изучения места временного базирования сержант повторял со своими бойцами приемы и методы выживания в бою. И готовился сам. Тем более что при отправлении на фронт офицеры смотрели сквозь пальцы на перевооружение солдат в соответствии с их предпочтениями. Так в отделении Томпсона появилась снайперская винтовка «Спрингфилд», два ручных пулемета БАР вместо одного, дробовик, а сам Том обзавелся только что поступившим на вооружение десантников карабином «Беби Гаранд». И все это обошлось всего в сотню с небольшим долларов. Если бы не отсутствие хорошей кобуры к «Хай Пауэру», Том мог считать себя готовым к предстоящим боям. Впрочем, проблемку с кобурой он планировал решить чуть позже.

Но, как правильно отмечал полковой капеллан Отто Кац, заканчивая обычно свои проповеди словами с кольца царя Соломона: «Все проходит. И это пройдет». Действительно, прошли и несколько относительно спокойных дней у моря. Кстати, о капеллане Том вспомнил, глядя на тот неизбежный суетливый бардак, который воцарился в казарме после приказа на сбор. Вспомнил, как к своему удивлению обнаружил, что буква К в его личном номере означает, что он, сержант Том Томпсон — католик. И пришлось таки ему идти в церковь и знакомиться с капелланом. Впрочем, тот оказался свойским парнем, не дураком выпить, и любителем хороших песен. Поэтому даже посещение исповеди для Толика превратилось в повод глотнуть на халяву хорошего виски. А какой же истинно русский, тем более, если он еще и американец, откажется от халявной выпивки. В общем, о переживаниях по поводу своей принадлежности к католикам Толик благополучно забыл.

А сейчас он вспомнил еще одно любимое высказывание Каца: «Суета сует и всяческая суета» и подключился в помощь взводному сержанту Лассарду, строя свое отделение.

Корабль ждал их неподалеку, у одного из ближайших причалов. Несмотря на жалкую роль обычного войскового транспорта он был огромен и красив. При самом беглом взгляде становилось ясно, что некогда это судно знавало лучшие времена. Том готов был поставить золотую двадцатку против старого никеля, что этот «пароходик» до войны пытался отнять у «Королевы» ее «голубую подвязку».^[10] Но, скорее всего неудачно, приз, кажется, так и остался у англичан до конца войны.

Но плавание именно на таком корабле не могло не радовать Толика. Из рассказов уже побывавших за морем инструкторов, кадровых сержантов, он знал, что переделанный в войсковой транспорт лайнер перевезет их через море за неделю максимум, в отличие от медленно ползущего конвоя. Да и шансов безопасно добраться до места на таком судне больше. Как запомнил Толик, такие корабли шли на максимально возможной скорости, что давало возможность легко уходить от вражеских субмарин. Существовал даже, как говорили, строжайший приказ не останавливаться ни при каких обстоятельствах, даже для спасения терпящих бедствие. А для отражения же атак с воздуха, как заметил Том, на палубе были смонтированы сорокамиллиметровые зенитные установки Бофорса. Значит, судно берегли,

такие зенитки на флоте были, как слышал Том, еще в большом дефиците и их ставили не на всякий боевой корабль.

Грузились быстро, стоящие у трапов и на палубах моряки непрерывно подгоняли и без них торопливодвигающихся парашютистов. Было видно, что полк прибыл на погрузку последним. Часть палубы уже была заставлена какими-то ящиками, в коридорах попадались уступающие дорогу пассажиры в штатском и униформе.

Разместили их отделение в трех каютах по четыре человека в каждой. Кроме обычных коек, стояли еще специальные складывающиеся, напомнившие Толику советские «раскладушки». Заняв каюту и бросив вещи в рундук под полкой, Томпсон проверил, как устроились его солдаты и, постоянно прижимаясь к переборкам, чтобы пропустить встречный поток, выбрался на палубу. Там всю царила предотъездная суета и он спрятался за ближайшей спасательной шлюпкой. Но спокойно посидеть не удалось, из-за корпуса лодки донесся знакомый тенор капеллана, с пьяной настойчивостью распекавшего кого-то за то, что его вместо бара притащили неведомо куда. Пришлось выйти из-за шлюпки и пробиться к Отто.

— Оу, ты тоже здесь, Автомат (Tommygun), — пусть пьяный, как и положено священнику, «до положения риз», но Кац все-таки узнал сержанта. — И тебя черти приволокли в это чистилище?

— Какие черти? — только и смог спросить ошеломленный Том, пораженный внезапной догадкой, что капеллан подхватил «белую горячку» и сейчас начнет ловить чертей прямо на палубе. На всякий случай он даже попробовал найти среди глазевших на бесплатное развлечение солдат кого-нибудь из полковых медиков.

— Да вот эти, воистину сыны преисподней, которые не дали мирному служителю церкви нормально отдохнуть, и приволокли меня в сей Вавилон, — капеллан махнул на стоящих позади него рядовых, которые выглядели так, словно их кто-то долго бил пустым мешком по голове.

— А, ты вон о чем, — успокоился Том и скомандовал. — Так, бойцы. Вещи в руки и несите в каюту. А с господином капелланом останусь я, — взглядом задавив зарождающиеся вопросы сопровождающих, Том подхватил Каца под руку и потянул к шлюпке. От неожиданности капеллан не сразу начал сопротивляться, но все же успел ухватиться за одного из стоящих рядом зевак в тщетной надежде остановить Тома. Напрасно, сейчас его не задержал бы даже танк или сам командир полка. Который, как и прочие офицеры части, младшие и не очень, к счастью для капеллана рядом так и не соизволили появиться. Благодаря чему Томпсон, надо признаться честно, с помощью неожиданного напарника, утащил Каца с центра палубы за шлюпку. Внезапно оказавшийся в спокойной обстановке Отто тотчас расслабился и размаху уселся прямо на палубу. Сумев, однако, одновременно вытащить из-за пазухи неведомо как поместившуюся там квадратную флягу, емкостью на глаз не менее чем в английскую пинту. И, тут же, не говоря худого слова, присосался к ней, как некормленный младенец к материнской груди. После нескольких внушительных глотков, сопровождавшихся восхищенным присвистом невольного помощника Тома, Кац протянул флягу Тому со словами. — Тут еще есть, — и сразу весь обмяк и закрыл глаза.

— Умер? — испуганно заметил неизвестный.

Отто, повернувшись на бок, проворчал. — Кто из вас умер, обязан в течение суток доложить об этом мне, чтобы я включил его в очередную сводку.

— Напился, — махнул рукой Том.

— Понял. Мне говорили, что мы плывем вместе со «Всеми Алкоголиками», но я как-то не поверил, — невольный свидетель неожиданно вспомнил, что он разговаривает с незнакомцем и представился. — Извините. Меня зовут Джеймс Бонд, инженер.

— Инж...?! Извините, — Толик едва успел задавить смех. — Том Томпсон, сержант. Извините еще раз, просто у меня был один знакомый полный ваш тезка, — постарался объяснить Том приступ веселья. Только сейчас он заметил, что его собеседник одет не в настоящую униформу, а в нечто полувоенное — Кстати, а что вы тут делаете, на нашем Ноевом ковчеге?

— Представляете, мистер Томпсон, — начал рассказ Джеймс, но сержант сразу же его перебил.

— Зовите меня Томом.

— Джеймс — протянул руку инженер и продолжил после рукопожатия. — Работаю в АйБиЭм, в оружейном отделе. Вместе с бригадой рабочих направлен... — он помялся. — Короче будем ремонтировать оружие на месте и вносить предложения по усовершенствованию.

Капеллан в это время пошевелился и проворчал.

— Главное — не перебрать...

— Спи, чудовище, — огрызнулся Том, тут же переключившись на Бонда. — А разве вы не счетные устройства выпускаете?

Тут инженер, совершенно забыв про валяющегося на палубе капеллана, начал вдохновенно рассказывать о том, что, как и когда выпускала АйБиЭм. Оказывается, компания производила широкий спектр уникального по тем временам оборудования, включающего системы учета рабочего времени, весы, автоматические резчики мяса и перфокартное оборудование, и в том числе те же счетные устройства — табуляторы. Кроме того, с началом войны ее рабочие занялись выпуском винтовок и пулеметов, в том числе БАР и карабинов «Беби Гаранд», прицелов для бомбометания, запчастей для моторов и прочего военного снаряжения.

— Погодите, а вы чем занимаетесь? — кажется, недавно появившаяся у Толика идея получила реальный шанс воплотиться в металле, который упускать не хотелось. И Толик протянул флягу инженеру. Тот автоматически взял, понюхал, поморщился, но отпил глоток, вернув флягу Толику. Он столь же автоматически принял, глотнул и поморщился.

— Кукурузный виски, — улыбнулся Джеймс. Толик лишь утвердительно кивнул. Подумав при этом, как отлично умеют американцы маскировать словами действительность. Обозвать красиво обычный деревенский самогон — это надо суметь.

— Неплохой, — заметил он, отдышавшись. — Еще?

— Нет, хватит, — покачал головой инженер. — Крепкий, зараза.

— Точно... — подтвердил Том и завязал разговор о своей идее. Как всегда бывает, сначала Джеймс принял его мысли с иронией. Но потом заинтересовался и у них начался очень интересный разговор с разбором возможностей придумок Толика. Они даже на время забыли о мирно храпящем на холодной палубе Каце. Пожалуй, он подхватил бы радикулит или даже воспаление легких, если бы не появившийся боец, бывший сопровождающий капеллана, который вернулся предупредить, что корабль уже отплывает.

С помощью бойца они, пользуясь тем, что большинство пассажиров столпилось у обращенного к причалу борта, отволокли полностью расслабившегося Каца в его каюту. И разошлись, договорившись встретится завтра у той же шлюпки.

6. Африка грез и действительности

Гудок пронзительно завыл, заставив Тома дернуться и выругаться сквозь зубы. Корабль неторопливо протискивался в гавань Касабланки, полную разнообразных судов и кораблей, военных и гражданских. Понятно было, что выгрузки на берег придется ждать долго и от этого настроение Томпсона, как и остальных солдат, было отнюдь не самым лучшим. Тем более, что стоять приходилось в жару, в тесноте, обвешанным всем наличным снаряжением («Слава богу, что без парашютов» — подумал Толик). Как оказалось, пресловутый «ефрейторский зазор» применялся не только в Советской Армии.

— Сардж, долго еще они собираются нас мариновать? — не выдержал пулеметчик, парень из Миннесоты, Фредерик Пэккер. Высокий, не уступавший в росте самому Тому, он отличался выносливостью и одновременно непоседливостью. Поэтому и сейчас он нетерпеливо топтался на месте, задевая стоящих рядом и недовольно ворчащих солдат своей длинной «автоматической винтовкой Браунинга».

— Сейчас сбегая, спрошу у полковника. Разрешишь, солдат? — ответил вопросом на вопрос, да еще с тем же акцентом, как у бойца, Том. — Фредди, я что, Господь Бог или командир полка, чтобы все знать? — под смех солдат добавил он.

— Ты, Фред, вообще, как «яйцеголовый», который машину предсказаний изобрел, — продолжил Томпсон, вспомнив очередной анекдот.

— Как это, сардж? — спросили сразу несколько заинтересованных голосов. Всем было скучно, поэтому неожиданному развлечению обрадовались без исключений.

— Все было так, — вокруг притихли, вслушиваясь в негромкий рассказ Тома. — Один ученый изобрел машину, которая должна была предсказывать будущее. — Кто-то заметил:

— Нам бы такая тоже не помешала...

— Может быть. Только была она размером с дом и стоила полмиллиона баксов. — Фред восхищенно присвистнул. — Ага. Ну, думает, яйцеголовый, сейчас проверю, как работает, а потом буду миллионы заколачивать. Кто же откажется от возможности будущее узнать? Включил вечером, дождался, пока заработает и задал ей вопрос: «Что я буду делать через час?». Машина загудела, а он пошел кофе пить. Час пьет, другой, третий...

Тут судно мягко стукнулось о причал и донеслась команда: «Приготовиться к высадке!»

— А чем кончилось, сардж? — не выдержал образовавшейся паузы Фред.

— Подошел он утром к машине, а там ответ, только что напечатанный: «Будешь пить кофе и ждать моего ответа!» — перекрикивая поднявшийся шум, закончил рассказ Том. Расслышавшие окончание дружно рассмеялись и так, веселясь и подшучивая друг над другом, двинулись вперед на выгрузку.

В порту кипела жизнь. Пока рота строилась на причале, Том успел заметить как минимум тройку кранов, таскающих грузы из трюмов прямо на причал. Кроме того, стоящие неподалеку несколько более мелких судов разгружались по старинке, из трюмов по трапам спускалась на сушу цепочка нагруженных мешками негров. «Странно, а контейнеров не видно. Или их еще не изобрели? — подумал Толик. — Надо уточнить. Глядишь у АйБиЭм появится еще одно поле деятельности. Вот бы еще знать, они уже работают над компами или еще не начали?» — он попытался вспомнить, где читал о разработке компов именно этой фирмой, но не успел... Прозвучала громкая команда и, отбросив посторонние мысли, Том во главе отделения повернул налево и двинулся вперед походным шагом. Рота прошла по

набережной, свернула на широкую улицу, окруженную обычными европейскими двух- и трехэтажными домами, очевидно конторами и прочими портовыми и припортовыми административными учреждениями. Промелькнули последние дома и солдаты вышли на просторную, мощеную камнем улицу. Запахи и шумы порта сменились городскими. Ветерок доносил откуда-то слева ароматы жареной рыбы и мяса. Иногда их перебивал запах нечистот, но и его забивал запах свежесваренного мятного чая. Пахло соблазнительно, хотелось открыть флягу и сделать большой глоток. В глаза бросались торговцы водой в красных одеждах и в широких соломенных шляпах с кисточками, увешанные козьими бурдюками, привлекающие внимание жаждущих звоном колокольчиков.

Солдаты негромко переговаривались и изредка присвистывали, увидев в толпе прохожих симпатичную женскую фигурку. Впрочем, гораздо чаще среди арабов в традиционных длинных одеждах, европейцев в легких тропических костюмах, негров, американских и французских военных, встречались женщины, полностью затянутые в мешкообразные костюмы. Первый раз увидев такое, идущий за Томом капрал выругался от неожиданности.

— Что, Джоди, не ожидал такое увидеть? Да еще за счет правительства?

— Я, конечно, слышал об этом... — признался Джоди, — но считал, что это было много лет тому назад.

— Аборигены оказались более консервативны, чем ты ждал? — пошутил Том.

— Это точно, сардж. Поэтому европейцы их и задавили и держат за второй сорт. Они, похоже, тупее, чем наши индейцы и негритосы.

— Они просто другие...

— Ерунда, сардж. Все люди примерно одинаковы. Просто одних Бог создал умными, а других тупыми и все. Эти — тупые.

На этом дискуссия и закончилась, потому что в конце улицы их ждали грузовики. Самые натуральные армейские грузовики с тентами, в кузовах которых были установлены импровизированные поперечные скамейки. Солдат забили в кузова, словно селедку в бочки для засолки. Для полного сходства не хватало только рассола, который с успехом заменял ядреный мужской пот. Тенты спасали от прямых солнечных лучей, но не от жары. Поэтому за недолгую поездку Том пропотел лучше, чем в финской бане, и выпил всю флягу. Спасло его только то, что отвезли их совсем недалеко и высадили около железнодорожной станции. Едва выбравшись из кузова, Том, вместе со всеми солдатами встал в очередь к колонке с водой. И только наполнив флягу и даже окатив голову приятно холодной водой, он заметил, что саму станцию и прилегающие пути охраняют вооруженные отряды темнокожих людей в бело-голубых халатах, весьма напоминающих банные и служащих им униформой. В грязных халатах и не менее грязных тюрбанах, вооруженные длинными старинного вида ружьями со штыками, они выглядели персонажами какой-то оперетты.

— Эй, сардж, — окликнул его восхищенным тоном Джоди. — Видал солдатиков? С таким ружьем мой прадед вместе с Кастером при Литтл-Бигхорн дрался. И одеты, как клоуны.

— Местные..., — пожал плечами Том. — Для охраны железки от других дикарей хватит и таких.

— Ага. Дружественные индейцы, — перевел капрал увиденное в привычные термины. — Ого, а вот и вагончики. Тоже из эпохи Первой Трансконтинентальной (1865 г), — добавил он, удивив неожиданными знаниями Тома.

Пока Том и его сослуживцы плыли через Атлантику, отмечая по пути Рождество и Новый. Год, высаживались на берега Африки и тряслись в железнодорожных вагонах, в оставленной стране и мире происходило множество интересных событий, о части из которых Толик мог узнать из газет, а другие так и остались неизвестными ни ему, ни большей части населения Земли.

Политический скандал в США разгорался все сильнее. Конечно, американцы не были наивными людьми и знали о тесной связи политиков и организованной преступности. Но обычно такие делишки обдeldывались «по-джентльменски», негласно. А тут два знаменитых политика, причем федерального масштаба, погибли в бандитской перестрелке, широко освещенной в газетах. Кроме того, погибшие считались одними из сторонников президентской команды, что сразу вызвало невероятный ажиотаж среди оппозиционной прессы. Зашаталось даже кресло под одним из самых прочно сидящих на своей должности чиновников в Штатах. Джон Эдгар Гувер, основатель современного Федерального Бюро Расследований, идеальный чиновник и просто «отличный парень» (у которого, по мнению многих, в аккуратно собранном архиве лежал компромат почти на всех действующих политиках) обвинялся в бездействии, коррупции, покровительстве организованной преступности, применении незаконных методов следствия, и нарушении прав и свобод граждан США. Припомнили все, от масонства и отсутствия результатов в борьбе с немецкими шпионами, до массовых арестов «подозрительных», организованных им совместно с министром юстиции Палмером в двадцатых годах. Больше всего в обличении директора Бюро неистовствовали как раз те, кто опасался наличия у него компромата. Но даже появление в нескольких газетах одновременно статей, иносказательно обвиняющих директора в гомосексуальной связи с его заместителем, Клайдом Толсоном, ни к чему не привело. Вовремя поднятые папки с компроматом, намеки секретаря президента кому надо — и Гувер остался на своем месте, хотя Толсону и пришлось уйти. Спасло положение и то, что ФБР совсем недавно раскрыло две группы немецких диверсантов, пытавшихся обосноваться в Штатах. О том, что поимка удалась только потому, что один из них решил сам сдать и сдать всех остальных, широкая публика так и не узнала. А те, кто знали, положили этот факт на полки, опасаясь ответного удара «непотопляемого Герберта»..

В это же время в штаб-квартире ФБР в Нью-Йорке спецагент Малдер изучал папку за папкой разнообразные досье и протоколы один за другим, чувствуя, что истина где-то рядом. Но чувство чувством, а истина в руки никак не давалась. Даже запрошенное досье на Тома Томпсона — католика, безотцовщину, мать проживает в настоящее время в Сан-Франциско, подозреваемого в двух ограблениях, по неподтвержденным данным участвовавшего в ограблении Первого Национального Банка Хилл-Вэлли вместе с бандой Грязного Гарри никаких намеков на правильное направление поиска не дало. Пришлось с печальным вздохом сдать его в Архив и отправиться встречать Рождество. Причем настроение у джигмена было отнюдь не рождественским.

Начавшееся девятнадцатого ноября наступление советских войск завершилось разгромом в двух румынских и одной итальянской армии, а также окружением в Сталинграде двух немецких армий. И как раз в дни, когда парашютисты восемьдесят второй дивизии передислоцировались в Африку, окруженная группировка нацистов агонизировала в котле. Пока еще они сопротивлялись. Геббельс безапелляционно заявлял, что они будут держаться вечно, но читавший газеты Том точно помнил, что дольше конца января немцы не продержатся. И даже как-то озвучил свое мнение, невольно вызвав бурную дискуссию среди

однополчан, докатившуюся даже до офицеров. Впрочем, спор никаких внешних последствий для Тома не имел. А что про него подумало начальство, он так и не узнал, в голову же этим майорам и полковникам не залезешь. Правда лейтенант «Бак» Комптон, стал относиться к нему намного лучше, реже ставил в наряды и то — только в караулы, о ненавистных кухонных нарядах Том забыл совершенно.

Вот так и летело время, как обычно в армии — между нарядами, занятиями, редкими прыжками и свободным временем, потраченным на подготовку к занятиям. И с не менее редкими увольнениями в ближайший городок, которые Толика не особо и волновали. Реальная Африка довольно сильно разочаровала его. Понятно, что он давно вышел из детского возраста и не воспринимал выученные наизусть строки «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы», буквально. Но хотя бы негры в Африке должны быть? А не какие-то смуглые, похожие не то на кавказцев, не то на евреев типы? Негры же здесь отсутствовали, как класс, кроме увиденных в той части, что охраняла железную дорогу. Кстати, название этих охранных частей Толику запомнилось как «гуны». И он долго думал, нет ли там какой-то связи с немецкими племенами, которые, как он помнил со школы, в Африке в средневековье имели свое государство. Но был очень разочарован, узнав, что на самом деле этих вояк называют «Гумы». Еще одним разочарованием стали некоторые результаты проводимых тактических занятий. Выяснилось, что снайпер в боевые порядки отделения ну никак не вписывается. Как они ни старались «впихнуть невпихуемое», даже с помощью лейтенанта, ничего не вышло. Снайпер оказался лишним и только отвлекал как минимум двоих бойцов, больше нужных в боевой цепи. Пришлось срочно придумывать и комбинировать. В результате винтовку удалось сменить в штабной роте на еще один карабин и пару дополнительных гранат. Теперь у Толика в подчинении было одиннадцать стрелков, два из которых — с ручными пулеметами. Подумав и получив разрешение у Бака, Толик разбил его на две подгруппы. Первая — «огневая», с двумя ручными пулеметами и одной переделанной винтовкой «Гаранд», всего два звена по три человека, должна была поддерживать огнем вторую, названную «штурмовой» тоже из двух звеньев. В штурмовой группе имелось более разнообразное вооружение, включая дробовик, два карабина, «Гаранды» и один самостоятельно приобретенный пришедшим вместо Уэйна в отделение солдатом, Полем Маслански, пистолет-пулемет Томпсона. Несколько учений, проведенных в таком составе, порадовали своим результатом, но Толик решил на этом не останавливаться. Как он доложил взводному сержанту Гарри Мюллеру и лейтенанту Комптону:

— При высадке может случиться всякое. Кого-то забросит ветром в сторону, кто-то поранится. Поэтому надо провести учения с импровизированным составом отделений, произвольно перемешанным. Чтобы наши парни могли привыкнуть ко всему.

— Разумно, — обдумав предложение Тома, согласился лейтенант. — Думаю, сегодня поговорю с капитаном, и мы внесем эти занятия в план.

Но никаких специальных учений не потребовалось. Неожиданно обычные занятия прервались и начались интенсивные тренировки, на первой же из которых роту выбросили с парашютами темной ночью. Недалеко, над начинающейся примерно в сотне километров от лагеря саванне. Даже для привычного ко всему Толика, ночью в этом новейшем-старинном самолете показалось неудобно. За иллюминатором стояла сплошная темень, и момент отрыва от полосы ощущался слабее, чем днем. Самолет понемногу набирал высоту. Внизу рассыпалась цепочка посадочных огней, в стороне виднелись отсветы от фонарей базового

лагеря, мало отличимые от освещения небольшого города. Потом огни внизу пропали, лагерь остался позади, летчик развернул самолет курсом на зону прыжков. Летели недалеко, но все равно, время тянулось медленно, словно резиновое. Хотелось спать.

Получив привычную команду и встав вместе с остальными, Толик подошел к открытому люку. Отметив про себя, что выброска идет медленнее, чем днем, он выглянул в проем. За открытым люком расстилалась непроглядная тьма, из которой доносился гул моторов и свист ветра. Чтобы ступить за борт, потребовалось сделать над собой усилие.

На секунду Томпсону показалось, что он повис в каком-то бездонном черном колодце. Но легкое покачивание и мягкое давление упругого воздуха на лицо возвратило его к действительности. А ведь на земле должны быть зажжены сигнальные огни, но их совершенно не было видно. Вообще ничего не видно, все поглотила непроницаемая обжигающе-холодная темнота. Через несколько секунд темнота словно начала редеть и он заметил перед собой какую-то серую волнистую массу. Мелькнула тревожная мысль: «Земля», Том даже начал группироваться. Но тут же до него дошло, что это облака, которых до этого Томпсон не замечал и каких по метеосводке быть не должно. Но они были. Хорошо, что очередным порывом ветра его отнесло в сторону от этой обманчивой «равнины».

Том тщетно пытался определить расстояние до земли, но так и не смог увидеть никаких ориентиров. Определить свою высоту в полной темноте было трудно. На счастье Толика, он все же заметил какой-то огонек и несколько сориентировался. Но ночной ветерок довольно быстро уносил его в сторону от замеченного огня. Он все же развернулся лицом по ветру и приготовился к приземлению. Несмотря на то, что с приближением земли темнота опять сгустилась, на этот раз ему показалось, что он различает под собой кое-какие ориентиры. Но это только показалось. Как и обычно, встреча с землей произошла совершенно неожиданно. Резкий удар по ступням, разворот... Несколько мгновений, пока не погас купол, его волокло по каким-то кочкам, покрытым жесткой травой. Но в конце концов он справился с парашютом, встал на ноги тут же выругался. Левая болела, похоже, он ее подвернул. Теперь ему предстояло найти место сбора в полной темноте, да еще с больной ногой. С учетом того, что вокруг не мирные и безобидные земли штата в цивилизованной Америке, а дикая африканская природа, это могло быть не просто.

Ориентироваться было трудно, замеченный с высоты огонек обнаружить с земли никак не удавалось. Но пока Том собирал на ощупь парашют, заряжал пистолет и перематывал ноющую ногу, небо полностью очистилось от облаков. Сориентировавшись по звездам, Томпсон вскинул на плечо свернутый парашют и неторопливо побрел примерно в том направлении, где горел огонек.

Звезды не слишком хорошо освещали дорогу, но даже и такой свет, был лучше чем полная темнота. Глаза понемногу адаптировались и Том стал реже спотыкаться о корни, норки и путаться в зарослях высокой травы. Немного пугали непонятные звуки, похожие то на плач ребенка, то на безумный хохот, то на бульканье воды в трубах. Впрочем, большая часть их явно доносилась издалека, учитывая, что звук ночью разносится очень далеко. Поэтому Толик особо и не волновался даже тогда, когда слышал пронзительный визг, мгновенно захлебнувшийся и тут же сменившийся свирепым рычанием и всплеском криков. Не волновался, но кобуру все же расстегнул.

Впрочем, никаких захватывающих приключений сержанту пережить так и не пришлось. Все было куда более обыденно — где-то через полчаса блуждания по равнине он наконец

увидел огонек. Это оказался пост местного отряда тех самых «гунов» или «гумов». Пятёрка негров, один из которых, судя по всему, исполнял обязанности сержанта, встретила его веселым смехом и попытками что-то объяснить на ломанном французском (как посчитал Том) языке. После нескольких минут невольной неразберихи из-за попыток объясниться жестами, Томпсон понял, что к утру на пост должен прибыть грузовик, а пока его приглашают отдохнуть внутри хижины, которая и служила помещением поста. Подумав, что внутри санитарные условия вряд ли соответствуют нормальным, он устроился на улице, завернувшись в парашютный шелк. Поспасть, конечно, не удалось, но переждать время до утра и слегка покемарить — вполне.

А утром он уже трясся в кузове грузовика вместе с парой других парашютистов, и завернутым в шелк парашюта телом еще одного, невезучего десантника, сломавшего шею при приземлении. Ехал, цепляясь руками за скамейку, подпрыгивая на ухабах и ругая себя за то, что слишком поздно вспомнил о том, что американцы позднее практиковали учебные прыжки с рюкзаками, вывешиваемыми под парашютистом на фале длиной до сорока футов (12 м). Звук удара рюкзака о землю хорошо слышится и ощущается по уменьшению натяжения троса. Стукнуло — значит осталось две секунды до касания. Посетовав, что не вспомнил такую простую вещь сразу, Том попытался вспомнить еще что-нибудь, но его постоянно отвлекали все новые и новые «пассажиры». Судя по тому, что рассказывали забравшиеся в кузов самостоятельно или с чужой помощью парашютисты, первый блин получился не просто комом, а большой кучей дурнопахнущих слоновьих испражнений. Пару трупов погрузили в кузов, словно дрова, а большинство из остальных десантников имели травмы. Некоторые даже заявляли, что никогда больше не будут прыгать с парашютом, уж лучше перейти в пехоту, там хотя бы не так мучают перед фронтом.

По прибытии в лагерь Тома, как и остальных бойцов, опросили несколько офицеров. Они интересовали условиями при прыжке, ориентированием на местности и насколько помогали в сборе выданные для обнаружения специальные трещотки. И все. Остальное, включая потери, никого не интересовало. Ни один из офицеров не был наказан, а все изменения свелись к тому, что роту, потерявшую несколько десятков человек, до прибытия пополнения и излечения травмированных отстранили от прыжков в полном составе...

И отправили на помощь саперам для постройки укреплений. Причем строился целый укрепрайон и строился не по наставлениям американской армии.

— Вот ерунда какая, чтоб их..., — разродился руганью Джон Уэйн во время перекура на третий день работ. Осмотрелся, нет ли рядом его подчиненных, и добавил, обращаясь к Тому. — Ты, Автомат, смотрю ничуть не расстроен? Или знаешь чего-нибудь. Делись, Томми.

— Не знаю точно, Ковбой, но догадываюсь. Смотри, вчера мы закончили стройку вон там, а теперь строим пулеметные гнезда здесь. Ничего странного не замечаешь.

— Да тут все странно! Укрепления в тылу во время успешного наступления, да как-то странно расположенные.

— Вот именно. А впереди у наших войск...

— Этот, как его, Тунис...

— Тунис, Джонни, можно уже списывать со счетов. Джерри с итальяшками долго не продержатся. А вот дальше — море и острова.

— То есть...

— Ну, ты меня понял, Джон, — хлопнул друга по плечу Том. — Бросай курить, пойдём

наших слоников гонять, а то они слишком долго отдыхают...

Пока Том и его сослуживцы строили непонятные укрепления, части американских и английских войск добивали немцев и итальянцев в Африке, а на Восточном фронте шли ожесточенные бои под Харьковом.

В тоже время в кабинетах по обе стороны Атлантики происходили события не менее, а порой и более важные, чем кровопролитные сражения.

Так, в одном из кабинетов Министерства Обороны на углу улиц Двадцать Первой и Вирджинии, состоящем из двух комнат, состоялся весьма интересный разговор. В комнате, обстановка которой состояла из пары обычных канцелярских столов и нескольких сейфов, было душно, так как вентиляционные отверстия в ней заделали из соображений безопасности. Но уже привычные к этому обитатели, бригадный генерал и его секретарь, не обращали на спертый воздух никакого внимания. Сложнее было посетителю в чине полковника, который непрерывно утирал обильно потеющее лицо платком, быстро потерявшим первоначальную свежесть.

— Как вы помните, сэр, в первый же день уже был разговор на эту тему.

— Помню, несомненно. Основной темой была проблема обеспеченности проекта урановой рудой. Тогда выяснилась весьма неблагоприятная ситуация. Единственной нашей надеждой была руда «Юнион миньер», о которой вы узнали от русских. Которым она якобы понадобилась для получения противотанковых боеприпасов нового поколения. Я еще дал вам указания еще раз встретиться с Сенжье и подписать оферту не только на эту руду, но и на все, что они смогут добыть в дальнейшем. А также решить вопрос с возвращением руды и передать дело о возможной утечке в военную разведку.

— Так точно, сэр, — полковник сегодня был до отвращения официален, явно вопрос был не из простых. — С утечкой разведка еще разбирается, никаких следов пока не выявлено. А вот с возвращением...

— Что за сложности?

— Сэр, для сохранения секретности мы не могли настаивать на возвращении. Просто предложили вернуть для обработки нам, с обязательством возместить поставками уже готовых снарядов. Однако русские заявили, что снаряды такого типа мы поставить не сможем..., — полковник развел руками и снова утерся платком. Точнее не утерся, а размазал пот по лицу.

— Ясно. Спасибо, Генри, за доклад. Будем решать этот вопрос другим путем.

— Простите, Лесли. Стоит ли? Наш чрезмерный интерес к руде может подтолкнуть русских к нехорошим выводам.

— Вы считаете, Генри, что у них нет своего Манхэттенского проекта?

— Сэр, я полагаю, наша разведка вполне компетентно высказалась по этому поводу. Их, — полковник на несколько мгновений задумался, припоминая, — да, «Урановый комитет» — всего лишь сборище теоретиков. Тем более, что один из их основных ученых, как мне доложили, убедительно доказал, что наш проект невозможен...

— Вы проверили эти доказательства у наших «битых горшков»?

— Несомненно. Они очень смеялись, найдя как минимум две ошибки.

— Будем надеяться, что вы правы, Генри...

Неожиданным последствием этого разговора стало приглашение примерно через полгода военного атташе США в СССР на показательные испытания новых противотанковых снарядов.

Но Толику было совершенно не до этого. Ему хотелось выжить в предстоящих боях. И не только ему, если подумать. Причем большинство из его сослуживцев относились к такой возможности скептически. Их уже не радовали ни лишние полсотни баксов, ни даже новости о предстоящем переезде поближе к большому городу, в котором, кстати, было все для развлечения. Даже, как говорили штабные писаря (самый, как известно, компетентный во всех делах народ) — «кошачьи дома». Тем более что отсутствие «постельной гимнастики», даже при таких повышенных физических и психологических нагрузках, сказывалось и на Толике. Он стал раздражительным и плохо спал по ночам, а недавно ему опять приснился тот самый сон. Хотя и перенес он его совершенно спокойно, словно практически безобидный детский кошмарик, но симптом был тревожный и Толику не понравился.

Хотя еще больше ему не нравилось отношение командования к предстоящей высадке. Никаких выводов из их ночного «эксперимента» начальство принципиально не сделало и делать, похоже, не хотело. Провели еще одну ночную выброску, теперь уже другой роты, в том же районе в лунную ночь и решили, что такого света будет вполне достаточно для ориентировки авиаторов, а десантники соберутся сами. Ну, в крайнем случае, воспользуются выданными им детскими трещотками и свистками. Ничего сложного в сборе высадившегося десанта они не ожидали, даже Бак, обычно прислушивавшийся к Томпсону, на этот раз отмахнулся от его замечаний. «У роты А все прошло отлично, собрались девяносто процентов состава. Отдельные неудачники, плохо управляющиеся парашютом и неспособные найти в баре стойку — не считаются, — заявил он Толику в конце концов. — Занимайтесь своим делом, сержант!» Пришлось последовать букве знаменитого приказа Петра Первого и сделать вид «лихой и придурковатый, дабы разумением своим начальство не смущать». И уйти, вспоминая прочитанного перед армией «Швейка» и размышляя, что все армии мира одинаковы, а офицерам явно вместе с первой звездочкой на погонах обрезают часть здравого смысла. Пришлось готовить к предстоящему только свое отделение, а через Джонни — и его подчиненных. Надеюсь, что даже две дюжины парашотистов, собравшиеся быстро вместе смогут многое.

А увольнение в город они все же получили. Начальство решило, как подумал Том, дать подчиненным разрядку перед предстоящими боями.

Город Кейруан был сильно похож на виденные в Афгане — такие же кварталы местного населения, кривые пыльные улицы, ограниченные сплошными стенами и глинобитными заборами, плоские крыши домов, над которыми возвышались стрелы минаретов. Более интересным показался европейский район — окруженные небольшими островками зелени виллы, двух- и трехэтажные каменные дома французской архитектуры. Решив прогуляться по арабским районам, Толик растерял своих спутников. Теперь, выбравшись из паутины кривых, непонятно куда ведущих дорог, он пытался сориентироваться. Прохожих было мало и все, как один неевропейского вида, так что даже спросить дорогу. Внезапное ощущение опасности заставило его резко отпрыгнуть в сторону. Едва не сбив идущего навстречу и с испугом отшатнувшегося араба, он отпрыгнул в сторону. Развернулся лицом к опасности. Глухой стук за спиной заставил еще раз обернуться. Рядом с глинобитной стеной поблескивал нож. Моментально он повернулся назад. Делая шаг в сторону, пригибаясь и выхватывая из кобуры пистолет, он успел заметить мелькнувшую тень. Причем одетую, как осталось в памяти, в обычную армейскую форму. То есть американского военнослужащего. Толик медленно убрал в кобуру «браунинг», осмотрел моментально опустевшую улицу, на

которой лишь несколько не успевших скрыться прохожих жались к заборам. Вернулся к забору. Поднял нож. Осмотрел и хмыкнул себе под нос. Нож не был похож на армейские боевые. Это было какое-то весьма профессиональное метательное оружие с легкой, обмотанной кожей ручкой и тяжелым острием. Способное, брошенное умелой рукой, отправить человека на тот свет метров с десяти. Он прикинул расстояние до поворота. Примерно... ярдов, то есть двенадцать — тринадцать метров. Если бы не отточенная службой в «горячей точке» реакция, он сейчас глядел бы в небо остекленевшими глазами. В лучшем случае — пытался бы позвать на кого-нибудь на помощь. И не факт, что прохожие помогли бы ему добраться до госпиталя, а не до Господа Бога. Он чужак, а таких здесь не очень-то и любят.

Размышляя о превратностях судьбы и возможных заказчиках (мафия, похоже, решила если не отобрать у него добычу, то хотя бы отомстить), Том незаметно добрался до столь желанной цели. Скромная вывеска на двухэтажном домике, несколько стоящих в сторонке солдат, уже получивших свое, и теперь поджидающих в тени своих сослуживцев или обменивающихся впечатлениями... Том подмигнул одному из них, сержанту из роты Си, и смело вошел в двери. Вопреки его ожиданиям, внутри было сравнительно благопристойно. Столики с сидящими группами солдат и девиц, слегка, но в меру накурено, пахнет спиртным и присутствием большого количества людей. Напряженно вращаются несколько больших вентиляторов под потолком, стараясь разогнать горячий воздух, но лишь добавляя в атмосферу у столиков побольше табачного дыма. К нему медленно, плавно покачивая бедрами, подошла невысокая блондинка и спросила на английском с чудовищным французским прононсом:

— Отдохнуть, солдатик?

На что он ответил с не менее чудовищным английским, но по-французски:

— Пуркуа па?^[11]

7. Камень и пламя

Двигатели мерно гудели, унося их в ночь. В летнюю лунную ночь, когда так хорошо гулять с девушкой. Только вместо улицы был тесный грузовой отсек привычного уже транспортника, вместо пения птиц — гул моторов, а вместо рук девушки тело «нежно» обнимали ремни подвесной системы. Где-то вдали, за тысячи километров от него, русские перемалывали немецкую танковую мощь в одном из величайших сражений войны, а здесь Том и его сослуживцы летели, чтобы высадиться прямо на «мягкое подбрюшье Европы». Так Черчилль называл Балканы, но откуда было об этом знать Тому и тем более Толику. Зато выражение он помнил и оно ему почему-то нравилось.

Под крыльями самолетов темнели воды Средиземного моря, а впереди их ждала Сицилия, набитая итальянскими и немецкими солдатами. Именно об этом говорилось в приказе, зачитанном им на построении. «Если пилот и старший команды парашютистов не смогут точно определить место выброски, солдаты все равно должны прыгать и сражаться в меру своих сил», — вспомнил Том заключительные слова. Неожиданно иллюминаторы слева озарились вспышками оружейных выстрелов. Огонь был настолько сильным, что все встревожились. Кто мог, выглядывал в иллюминатор, стараясь рассмотреть, что же происходит за бортом. Впрочем, все быстро успокоились. Самолет накренился, свернув куда-то вправо, потом еще раз развернулся... и его вдруг встряхнуло. В иллюминаторах снова появились проблески огня. Но на этот раз вспышки были где-то рядом, к тому же самолет сильно трясло. Том почувствовал еще один крен. «Дакота» явно поворачивал и снова вправо. Ясно было, что группа, а скорее всего и вся эскадрилья попала под зенитный огонь и сейчас пытается выскользнуть из зоны поражения. Времени на размышления у него оказалось совсем мало. Как только вспышки взрывов исчезли вдали, раздалась команда: «Приготовиться!». Все шло привычным порядком, как на учениях, и Толик несколько не волновался до самого последнего момента. Только оказавшись в проеме люка, он неожиданно осознал, что внизу не учебные укрепления, а самые что ни на есть настоящие. А главное, он вдруг вспомнил, что в одной из высадок десанта американцы ухитрились сбросить парашютистов прямо в расположение немецких войск. Кажется, это было во Франции, но вот на то, что он запомнил этот эпизод правильно, Толик не поставил бы и дохлой мыши. От столь неожиданных воспоминаний вместо привычного уже крика «Джеронимо» из его глотки вырвался невообразимый, краткостью и глубиной заложенного в нем чувства превосходящий все большие и малые боцманские, петровские и прочие загибы, клич.

А дальше:

Парашюты рванулись
И приняли вес...

Стараясь отвлечься от навязчивых мыслей, Толик, автоматически пытаясь компенсировать сильный ветер, относящий его куда-то в сторону, вспомнил давний случай из времен службы в армии... Парашютные прыжки. Вместе с бойцами прыгает приехавший в часть (по шефским делам — привёз подарки из колхоза-миллионера) бывший дембель. Всё

как обычно — старенькая «Аннушка»^[12], трясущийся в воздушных ямах, около десятка лиц, искаженных мужеством, с основным парашютом на пятнистом горбу. Вышли в зону и приготовились прыгать. Первый пошел, за ним — ветеран. И тут бывший боец как заревёт диким зверем перед обрезом кабины — и за борт! Всех в самолете аж заколдобило... На земле Толик снова шефа увидел — довольный, словами не передать. Его спрашивают — а ну поделись, чего ты там крикнул. Тот смущённо отнекивается. В конце концов — уговорили. Все настроились внимать. Тот набрал воздуха, повернул голову вправо, потом влево и как заревёт: «И-и-и-о-о-о-паннный слон!!!» Десантники — народ не из слабонервных, ВУС как-никак обязывает. Но часть аж в коленях присела... «Силён мужик! — усмехнулся назло бьющему в лицо ветру Том и снова вдруг вспомнил. — А внизу дивизии «Эдельвейс» и «Мертвая голова». Черт побери эти воспоминания! Не эти, так другие немцы точно внизу есть...»

Но расстраиваться стало уже некогда. Тома довольно жестко приложило о землю. На ногах он не устоял и несколько драгоценных минут все же потратил на то, чтобы погасить купол и отстегнуться. В отличие от большинства сослуживцев Томпсон прыгнул хорошо вооруженным, вместе с карабином, а не с одним пистолетом. Поэтому ему не надо было бегать, сломя голову, в полутьме и искать контейнер с оружием. Достаточно было отстегнуть и разложить складной приклад, переделанный в оружейных мастерских по его эскизу (напоминающий приклад АКС-74) и Том был готов к бою. Только вот кроме него, никого из десантников рядом не было. Зато пулеметная точка, пока азартно лупившая куда-то в сторону, обнаружилась совсем недалеко. Настолько недалеко, что Том хорошо видел бьющееся пламя, а пули свистели, пролетая, казалось, у самой макушки. Прикинув примерное положение амбразуры, Том несколько раз быстро нажал на спусковой крючок, выпустив примерно треть магазина. Пулемет вдруг замолчал, словно поперхнувшись и до ушей сержанта донеслись неразборчивые выкрики. Одновременно откуда-то сбоку несколько раз твкнул «гаранд». Грохнул взрыв и над головой откатывавшегося в сторону Тома просвистели осколки.

— Твою задницу! — только и успел высказать свое отношение к происходящему Томпсон, когда сзади раздались чьи-то шаги, а впереди неожиданно снова ожил и забасил очередями пулемет. Обдирая локти и колени, Том по-пластунски отполз чуть в сторону, за холмик, прикрывающий от очередей итальянцев. И сразу наткнулся на ствол винтовки. Дульный срез возник, словно из-под земли, буквально в дюйме от носа, заставив его экстренно затормозить. Сердце вдруг бухнуло словно бы у самого горла, а глаза невольно уставились в огромное, словно пушечное, отверстие, из которого прямо в нос Тому смотрела затаившаяся смерть.

— Дерьмо, — невольно вырвалось у него (тем проще, что слово это по-английски содержит всего три звука и Толик, под воздействием кино, часто ругался им раньше).

— Сам такой, — ответил знакомый голос, тут же сменив ворчание радостным вскриком: — Сержант?!

Пулеметчики, похоже, что-то слышали и над головой Томпсона пронесся очередной рой рассерженно гудящих шмелей.

— Не ори, Джоди, — прошептал Том себе под нос. Но как ни странно, капрал его расслышал и ответил. — Ты один?

— Слушаюсь, господин сержант, сэ. Здесь я и Второй, — шепот Джоди был немного погромче, поэтому Томпсон его расслышал. А вот пулеметчики, похоже, нет. Поэтому,

успокоившись, перенесли огонь куда-то влево. В ответ несколько раз сухо пророкотал Браунинг. Сразу же на обнаруживший себя расчет «ручника» обрушился сосредоточенный огонь всех четырех, как успел сосчитать осторожно выглянувший Том, пулеметных точек итальянцев. Их поддержали и отдельные стрелки из траншеи, проходившей ярдах в трехстах от лежащих за едва прикрывающим укрытием американцев.

— Наши, похоже, попали в дерьмо по самые уши, — меланхолично отметил Джоди.

— Даго усиленно обороняют свои запасы макарон, — пошутил Райан Второй, заслужив одобрительный кивок Толика. «Молодец. Первый бой, а он не теряет», — фоном пронеслось в голове. Одновременно сержант осмотрелся, прикидывая, куда им отойти. Холмик, за которым они втроем едва поместились, от огня четвертой пулеметной точки не прикрывала никак. Поэтому он быстренько прикинул путь до кустов и довел его бойцам в нескольких весьма красочных выражениях, жалея только о том, что английский не так богат в этом смысле, как русский.

— Удираем, сардж? — уточнил удивленно Второй.

— Не удираем, а осуществляем стратегическую перегруппировку, парень, — ответил ему Том. И даже успел расслышать ворчание Райана: «Храбро двигаем в тыл».

Пользуясь отвлечением итальянцев на пулеметчика, который, надо отметить держался весьма грамотно, непрерывно меняя позиции и продолжая отстреливаться сразу от целой роты, коллеги начали отползать на несколько ярдов назад. И отползали до тех пор, пока не наткнулись на торчащий из внезапно появившейся на пути ямы ствол. И негромкий, еле слышный среди стрельбы окрик по-английски.

— Кто идет?

— Свои, — с облегчением ответил Том.

Они дружно свалились в яму, похоже — воронку от бомбы, в которой уже сидело примерно полдюжины парашютистов, большинство из которых было вооружено только «кольтами» и гранатами. Только двое из этой сборной солянки держали в руках «гаранды». Среди рядовых не оказалось ни одного из отделения Томпсона, как и ни одного сержанта. Поэтому пришлось принять командование на себя. Двоих «пистолеро» он послал назад, искать сброшенное оружие. Еще двое отправились искать другие возможные укрытия, а все стрелки с винтовками, рассредоточившись вдоль края ямы, которая при более внимательном рассмотрении оказалась воронкой, как минимум от тысячефунтовой авиабомбы, открыли прицельный огонь по обнаружившим себя огневым точкам итальянцев. К ним ненадолго присоединился и Том, выпустив из своего карабина остаток магазина. И вовремя, пулемет, до того отвлекавший внимание итальянцев, внезапно замолчал, но после отвлечения трех пулеметных точек на вновь появившихся стрелков снова начал стрелять. Кроме того, словно ободренные внезапным появлением подкрепления, начали стрелять и другие десантники, сумевшие добраться до контейнеров с оружием. Поэтому укрывались от стрельбы парашютисты недолго. Усиленно обстреливаемые с нескольких сторон итальянцы на время притихли. И тут же, вместе с двумя посланными за оружием бойцами, в воронку сполз посыльный от лейтенанта.

— Кто тут старший? — спросил он, но тут же заметив Тома, подобрался к нему и продолжил, стараясь говорить так, чтобы слышал только сержант. — Бак приказал готовиться к атаке. Сразу после усиленного обстрела из всего оружия. Понятно?

— Принял. Ты дальше? — спросил Том, одновременно меняя магазин.

— Да, где-то правее вас еще группа должна быть.

— Давай, ищи — еще раз кивнув, Том повернулся к притаившимся ящик бойцам.

— Что нашли, парни? — по довольным лицам втаивших в воронку ящик солдат было ясно, что лежащее в ящике им очень и очень понравилось.

— «Базука», сардж, — доложил, улыбаясь во все тридцать два зуба, доложил один из «кладоискателей», парашютист из третьего отделения, Джон «Мейджор».

— Зачем алкашу «Рояль»? — невольно вспомнил шутку из своей первой жизни Толик, вовсе не ожидая отклика. Но вокруг рассмеялись, видимо все же оценив «музыкальные» сравнения. — Стреляешь из нее хорошо? — спросил он Мейджора. Тот в ответ утвердительно кивнул. — Вот и бери, пугнешь хотя бы пулеметчиков... Стоп. Сколько гранат?

— Десяток, — коротко ответил напарник Джона.

— Тогда разрешаю выстрелить пару раз по пулеметам. Остальные беречь, вдруг макаронники пустят танки, — скомандовал Том. — Приготовились парни, — добавил он, услышав короткую очередь из «Браунинга». И добавил в ответ на чье-то недовольное ворчание: — Никто не живет вечно. А десантников в рай пускают без очереди...

— Это тебе капеллан сказал, сардж? — успел пошутить Джоди.

— Конечно. Ему личная телеграмма от Петра-ключника пришла! — крикнул в ответ Том. Расслышал кто-нибудь их диалог или нет, так и осталось неизвестным из-за начавшейся в этот момент стрельбы. Казалось, стреляет вся округа. Итальянцы отвечали слабо, и Толик подумал, что лейтенант не так уж и неправ. Возможно, он ошибся, и столь плотного огня вполне хватит, чтобы даго сломались и прекратили сопротивление.

Грохот перестрелки внезапно смолк и Том, обреченно выдохнув, закричал.

— Вперед, десант!

Все вскочили. Том успел только выкарабкаться наверх, когда мимо проскочил со своей «базукой» Мэйджор, чуть не прибив его длинной трубой гранатомета. Отшатнувшись, Том едва удержал равновесие, не упав назад в воронку. Поэтому он отстал от остальных. И оказался в опасной близости от Мейджора, который решил подавить открывший стрельбу пулемет.

Впереди грохнуло, оглушив на время. Рядом, буквально в нескольких дюймах от Тома, пролетел ослепляющий сноп пламени. От неожиданности сержант свалился на землю. И не видел, как очередь другой пулеметной точки сбила гранатометчика и прошла, словно коса, по бегущим парашютистам. Закричали раненые. Итальянцы оказались храбрее, чем ожидали слышавшие рассказы о боях в Африке американцы. Не испугавшись стрельбы десантников, они дождались, пока силуэты американцев станут заметны на фоне светлеющего неба и открыли подавляющий огонь. В результате атака захлебнулась на последних ярдах перед окопами. Только в одном месте американцы захватили стрелковую ячейку охранения и одного пленного. Но и там они не могли поднять головы, настолько плотен был огонь противника. К ранее стрелявшим точкам прибавилось еще как минимум тройка, судя по темпу стрельбы, ручных пулеметов.

— Отходим! — ворвался в наконец-то прочистившиеся уши чей-то крик. Том осторожно приподнял голову и увидел лежащие в нескольких шагах впереди два трупа. Рядом валялись базука и сумка с выстрелами. Мгновенно сообразив, что ползти назад почти столь же опасно, как и в перед. Поэтому он по-пластунски добрался к телам убитого Мэйджора и его напарника. Укрывшись, он первым делом осмотрел карабин. Инстинкт старого воина его не подвел, затвор и ствол при падении остались чистыми. Отложив его в

сторону, он потянулся за базукой. Аккуратно, стараясь не высовываться из-за тела напарника, имени которого он так и не вспомнил, подцепил и подтащил к себе гранатомет, потом сумку с гранатами. Теперь надо было решать как хотя бы вернуться назад, в воронку. Итальянцы продолжали расходовать боеприпасы, словно им платили за каждый выстрел. Время от времени пули с противным чавканьем вонзались в укрывающие Тома тела. А уж противный свист пролетающих над головой твердых предметов, казалось ввинчивался в уши, заглушая все другие звуки. Где-то недалеко стонал раненый, но добраться до него было столь же реально, как дойти пешком до Африки.

«Чтоб этого гения-полководца черти унесли! — мысленно обругал он лейтенанта. — Сейчас нас тут всех перестреляют, как куропаток на охоте...»

Додумать он не успел. Уши опять заложило. Земля содрогнулась, словно в приступе кашля. Потом еще раз и еще. Том приподнял голову. Почти рассвело и видно было хорошо. Между позициями итальянцев и лежащими на земле темными фигурками десантников вставали высокие, подсвеченные изнутри пламенем, столбы разрывов. По их виду было ясно, что стреляла корабельная артиллерия, причем скорее всего главным калибром.

Короткий обстрел прекратился также неожиданно, как и начался. Том соображал, что делать дальше, осматривая поле и пытаясь определить, где же лежит раненый. Пока он терял время на раздумья (Хороший солдат в бою думать не должен! — говорил в свое время прапорщик Мимоходов), лейтенант успел принять решение.

Удивленный Том заметил, как из какого-то необнаруженного им ранее окопчика выскакивает фигурка в итальянской форме и с белым флагом и бежит в сторону позиций макаронников. Томпсон успел найти шевельнувшегося раненого и даже примерно просчитал возможность к нему подползти, когда над итальянскими окопами взвились сразу несколько белых флагов. Один из шпандартов, вывешенных неподалеку от укрытия сержанта, вызвал его невольный смех. Даго не нашли ничего лучше, как вывесить белые исподние панталоны. Причем женские.

«Интересно, откуда они их взяли? И самое главное — с чего это они так легко сдались?» — поднимаясь, вешая на плечо сумку и хватая базуку, подумал Том. К раненому уже подбежал кто-то из уцелевших десантников, присел рядом и начал его перевязывать. Но Том тоже пошел туда, неожиданно, узнав в лежащем раненом Джоди. Солнце уже поднялось и стало можно рассмотреть все поле ночного побоища. На котором, как заметил Толик, всюду лежали тела. Раненые или убитые, сразу не разберешь. Но неожиданно много. Пожалуй, столько сразу он видел лишь после налета «крокодилов» на «духовский» караван. Он тряхнул головой, отгоняя налетевшие воспоминания, и ускорил шаг. Бежать с навешанным на нем барахлом все равно не получалось, а вот добраться до Джоди чуть побыстрее хотелось. По пути он успел еще раз осмотреться и подумать, что, судя по результатам атаки, лейтенанта стоило бы назвать не Баком, а Батчером). «Джоди хотя бы ранило. А сколько лежит убитых?»

Когда Томпсон спустя несколько долгих томительных минут наконец добрался до Джоди, тот уже даже не стонал, а лишь редко и тяжело дышал.

— Что с ним? — спросил Том у солдата.

— Два попадания, сардж. Нога и правый бок, — коротко ответил боец, приподнимаясь. — Нужны санитары.

— Знаю, — ответил Томпсон, наклоняясь и пытаясь нащупать пульс на шее лежащего Джорджа. Пульс едва чувствовался, сердце билось неровно и так тихо, что казалось — вот-

вот остановится.

— Эх, Джоди, как же ты не уберегся, — проворчал Том себе под нос.

— Что? — удивленно переспросил солдат.

— Как тебя? — вместо ответа спросил Томпсон.

— Бен, сардж!

— Вот что, Бен, — перебрасывая гранатомет за спину, командовал Том, — бери раненого за ноги. Аккуратно поднимаем и несем к окопам. Идешь впереди. Понял?

— Так точно, сардж, — солдат наоборот, перекинул винтовку на грудь, развернулся и, присев, подхватил Девиса за ноги. В тоже время Томпсон подхватил его под мышки. Поднимали Джоди осторожно, как только могли, но даже этого хватило, чтоб растревожить его раны. Девис громко застонал и, не открывая глаз, пробормотал.

— Больно, Боже мой... как больно. Пристрелите меня, не выдержу этих мучений...

— Брось, парень, глупости. Будем жить, — попытался утешить его Том, но поняв, что раненый снова потерял сознание и ничего не слышит, замолчал. Не особенно поговоришь, таща на себе и на руках около двух центнеров груза. Казалось, что пальцы сейчас разожмутся сами и Джоди упадет на землю. А рядом упадет и сам Томпсон, не способный сделать ни шагу. Но как ни странно, руки пока держали, ноги шли, и только в глазах постепенно темнело, да гранатомет все сильнее бил по спине, а карабин и сумка с гранатами все сильнее давили на бока.

Неожиданно в поле зрения, сузившимся до пары метров под ногами, появились чьи-то руки, перехватили тело Джоди и грубоватый голос ангельским тоном предложил отдать раненого санитарам.

— ... Мы итальянцев задействовали, сержант, — пояснил он же напряженно дышащему Тому.

— Понял, — наконец отдышавшись, ответил Томпсон. — А с чего это они так неожиданно белый флаг выбросили?

— Лейтенант «помог» — иронически усмехаясь, ответил боец, которого Томпсон наконец-то узнал: рядовой первого класса Джим из отделения Ковбой. — Он мигом сообразил, как обстрел нашего флота использовать, и послал пленного итальяшку сказать своим, чтоб сдавались. Иначе мы передадим уточненные координаты, а артиллерия просто разнесет их укрепления к дьяволу. Макаронники поверили и сдались.

— Молодец Бак, — улыбнулся Том, тут же забыв о своих недавних размышлениях.

— Точно, наш лейтенант не промах. Думать умеет, — подтвердил Джим.

— А где Ковбой?

— Не знаю, сардж. Не видел. Похоже, его вместе с частью парней выбросили где-то в стороне.

— Понятно, — эта короткая беседа позволила ему отдышаться и Томпсон смог неторопливо двинуться к окопам. А там уже царила привычная суэта. Солдаты исправляли окопы с тыловой стороны, переставляя трофейные пулеметы и готовя новые огневые точки для своего тяжелого оружия. Он прислушался. Точно, где-то неподалеку слышался знакомый бас лейтенанта. Пройдя немного по окопу, Том увидел и самого лейтенанта, отчитывающего за что-то сержанта Уэйна.

— Здравия желаю, лейтенант, сэр! Привет, Ковбой! — поздоровался Томпсон, принимая стойку смиренно и отдавая честь.

— Ага, сержант и ты цел, — небрежно отмахнувшись, ответил лейтенант. — И даже

трубой обзавелся, прямо как Бёрнс выглядишь.

— Гм, — только и смог выдавить из себя Том, восхищенно подумав, как элегантно Бак обозвал его клоуном. «И ведь не придерешься, черт побери!»

— Ладно, на левом фланге проходит дорога, — жестом отпустив тут же убежавшего Уэйна, лейтенант занялся Автоматом. — Возьмешь еще два расчета, которые как раз там наготове стоят, себе помощника найдешь и организуешь противотанковый заслон. Здесь танки пройдут с трудом, — заметив недоумение на лице Тома, пояснил Комптон, — а вдоль дороги самая удобная местность. Пушек у нас нет, поэтому остерегаться боши не будут. Поймай их, сардж! Отбей у них желание лезть сюда. Нам бы хотя бы день простоять...

— И ночь продержаться, — усмехнулся Толик, вспомнив прочитанную в школе книгу.

— Ночь мы уже выстояли, — не поняв шутки, ответил Бак. — Теперь надо выстоять до подхода «прямоногих» Не позднее второй половины дня они должны подойти. Плохо одно, сардж. Контратаковать будут фрицы, а они пострашнее макаронников. Так что я на тебя надеюсь, Томми. Сделай!

— Есть, сэр, — теперь Том уже не тянулся и так же небрежно отмахнувшись, как перед тем лейтенант, побежал выполнять приказания. Может Бак где-то и в чем-то мясник, но голова у него варит.

— А, Ковбой, — встретив Уэйна, активно «воспитывавшего» пытавшегося увильнуть от работ рядового, затормозил напротив «сладкой парочки» Томпсон. У кого можно уточнить, что произошло в действительности, как ни у своего друга-сержанта. — Ты мне не расскажешь, чего это даго так резко белый флаг выбросили?

— Вперед, Джим... А ты не знаешь? — отправив солдата и ответив вопросом на вопрос, рассмеялся Джон. — Это их Бак припугнул. Послал к ним плененного нами макаронника, чтоб тот им заявил, что следующий залп мы точно на их позиции направим. А то, что у нас связи с водоплавающими нет, им никто, понятно, говорить не стал. Ну, сам понимаешь, итальяшкам сразу захотелось в сдаться, чтобы под тяжелые снаряды не попасть.

— Да, это здорово, — деланно восхитился Том, тут же снова прикинув, что будет, если вдруг кто-то из флотского командования решит обстрелять этот квадрат еще раз. «И все-таки этот Бак натуральный мясник! — попрощавшись с Ковбоем и пробираясь по траншее дальше, Том продолжал рисовать в уме разнообразные картины возможного обстрела. — Нет, все-таки авантюрист наш лейтенант, Мавроди позавидует. С таким героем мы все рискуем попасть в рай раньше времени, причем без малейших усилий со стороны противника. Наш бравый ковбой сам нас подставит под дружественный огонь». В общем, Толику дважды уточненная ситуация явно не нравилась. Но вот изменить ее было не в его силах. Он еще обкатывал в голове размышления в стиле «Кто виноват» и «Что делать», когда за очередным поворотом наткнулся на разыскиваемую им пятерку десантников. Быстро, буквально на ходу, познакомившись с ними и узнав, кто лучше стреляет из противотанкового гранатомета, Том повел свою небольшую команду на крайний левый фланг позиции.

За поворотом окопа открылась и дорога, и окружающая ее равнина. Действительно, по сравнению с покрытой расселинами и непонятными канавами местностью правее это поле практически идеально подходило для танков. Несколько зарослей ничего не скрывающего кустарника, трава и ровное поле, на котором практически невозможно ни спрятаться, ни убежать от атакующей боевой машины.

Пришлось «пораскинуть мозгами» и попотеть, тем более, что солнце уже встало и наступила жара, чтобы организовать три более-менее замаскированные и защищенные на

случай обстрела огневые точки. Соединить их траншеей нечего было и думать, слишком далеко они располагались друг от друга. Поэтому Том постарался довести до своих напарников, что каждый из них должен сам выбирать цель и сам определять момент стрельбы.

— Но учтите, если это будут немецкие танки, им надо бить в бок. Не забыли? И не трусьте, наши «базуки» отличное оружие против танка. Не слишком дальнобойное, но очень мощное. Танкисты вас не увидят до выстрела, а после — сразу меняйте позиции, — закончил он.

— Сардж, мы давно все это слышали, — скептически улыбнулся один из гранатометчиков, крепкий, самоуверенный парень из Массачусетса, Боб Круз. — Давай лучше занимать выбранные места, — ухмыльнулся он с намеком, что Томпсону досталась позиция ближе к окопам, а ему — самая передовая. Том сделал вид, что намека не понял и назревающий скандалчик, так и не родившись, умер. А через несколько минут стало совершенно не до того. Сначала над позициями десантников пронеслась четверка самолетов с крестами на крыльях. С ними захотели срочно встретиться истребители с белыми звездами в синем круге на крыльях. Оба звена поднялись повыше и там завязали малопонятный снизу смертельный балет. Но и его досмотреть Тому не дали. До него донесся отдаленный гул моторов, затем ветер принес грохот выстрела и неподалеку от окопов, сразу позади укрытия Тома, взорвался снаряд.

— А вот и боши, — откомментировал Том, разглядев выворачивающий на дорогу угловатый, словно слепленный из спичечных коробок танк (в детстве Толик клеил такие для игры в войнушку). — Гранату!

Его напарник, рядовой Боб Трейси из Чикаго, несколько поспешно, но грамотно подхватил гранату, и зарядил «базуку», которую Том уже держал на плече.

— Готово!

— От сопла, — предупредил Томпсон, примериваясь, и поводя ружьем справа налево. Боб поспешно прилег в сторонке.

Тем временем, раскачиваясь на выбоинах грунтолки, танк пер вперед. Тяжелый, опасный, готовый, как казалось снести все встреченное на пути. Длинный, увенчанный набалдашником ствол раскачивался в такт движению, словно дирижируя музыкальным сопровождением в виде рева и рычания мотора. «Четырех моторов, — внезапно понял сержант и, чуть приподнявшись на носках, осмотрелся. Самый первый танк уже подобрался к позиции Круза почти вплотную, на сотню ярдов, не больше. — Черт, почему он не стреляет? — только успел подумать Томпсон, как танк рывком ускорился. — Что за...?» Затрещал пулемет, срезая на бегу неожиданно выскочившего перед танком человека без оружия и каски. Затем танк несколько раз крутанулся на месте, словно сравнивая что-то с землей. И как ни в чем не бывало покатыл дальше, вслед за успевшими уйти чуть вперед напарниками.

Позади танков, за поднятой ими пылью и дымом выхлопов, Том разглядел темные фигурки наступающей пехоты. Фигурки иногда падали, словно обо что-то споткнувшись, а танки, устрашающе ревя, продолжали ползти вперед. Только теперь до него дошло, что странный шум, давящий на уши, на самом деле — огонь из-за спины, с основных позиций. Мысль об этом мелькнула и тут же и пропала. Ближайший танк влез в прицел всем своим коробчатым корпусом. Влез и тут же начал разворачивать башню, видимо заметив в прицел пулеметную точку. Том чуть повернул и приподнял ствол. Неторопливо прижал спусковой

крючок, приоткрыв рот. Громыхнуло. Яркое даже на фоне июньского солнечного света пламя мгновенно преодолело триста ярдов. На башне танка вдруг расцвел огненный цветок. Танк еще немного прополз вперед, потом изнутри в люки ударили языки пламени. Вырвались и пропали, снова возникли... и танк весело закоптил, словно сделанная из киноплёнки дымовушка. Конечно, дым был совершенно другой по цвету и даже, пожалуй, куда более интенсивный, но никакой более подходящей аналогии в голову Тома не приходило. Впрочем, ему было и не до того, чтобы отвлекаться на что-то еще, кроме боя. Боя, который, как оказалось, уже закончился. Когда переползший на запасную позицию вместе с громоздкой трубой ружья, карабином и прочим снаряжением, а также напарником (шутка), Томпсон сумел наконец оглядеться, то увидел. Что три уцелевших «тигра», один из которых нес на лобовой броне подпалину попадания, торопливо отползали подальше от столь негостеприимно встретивших их американцев. Отстреливаясь на ходу, вслед за ними отходили и пехотинцы в серых мундирах. Сержанту показалось, что не прошло и четверти часа с начала атаки. Несколько раз протрещал, словно прощаясь и ни в кого не попав, пулемет, в ответ столь же безрезультатно рывкнуло орудие одного из отъезжавших задним ходом танков...

И наступила тишина, только поднявшийся ветер шелестел в ушах. Этот же ветер донес до залегшего расчета и клубы дыма от догорающего немецкого панцервагена, заставляя сдерживать порывы желудка и кашель. Где-то и когда-то Толик читал или слышал, что победа пахнет танками — металлом, маслом, соляром и порохом. Еще в Афгане оказалось, а сейчас подтвердилось, что гораздо чаще она пахнет совершенно по-другому и совсем не романтично — горелым человеческим мясом. Запах, напоминающий запах пережженного шашлыка, смешанный с кисловатым дымком кордита, попадал в ноздри чаще всего...

Вторая стычка с неприятелем стоила парашютистам меньших жертв, чем высадка и ночная атака. Но среди потерь оказался расчет Круза. И Тому очень хотелось понять, почему так случилось. Поэтому, как только рядом с окопчиком появился первый же спокойно вышагивающий пехотинец из подошедшего подкрепления, Томпсон оставил «базуку» Трейси и побежал к подбитому танку. Огромная коробка уже догорела и лишь откуда-то изнутри лениво поднимались отдельные струйки дыма. Стараясь не обращать внимания на вонь, Том осмотрел место попадания, прикинул расстояние от машины до своего укрытия и поразился, поняв, что в горячке боя сильно преувеличил дистанцию стрельбы. На самом деле было не триста ярдов, как ему показалось, а вдвое меньше. Получалось, что попал он в башню по чистой случайности, еще бы чуть-чуть и граната пролетела бы выше. «Удача любит дураков и безбашенных, — кстати припомнил Том очередное высказывание Мимоходова. — Но почему же не стрелял Боб?» — двигаясь по следу танка, пытался понять он. Пробежка чуть не закончилась конфузом. Он наткнулся на полураздавленное тело напарника Круза и потрясенный всеми предыдущими событиями организм непроизвольно попытался выкинуть все оставшееся в желудке. А учитывая, что ел он последний раз целую вечность назад, до вылета, удалось выдавить лишь немного желчи. Реакция на увиденное в самом окопе, возможно из-за привыкания организма (хотя и говорят, что к такому привыкнуть невозможно) была намного слабее. Как ни странно, ружье пострадало меньше всего. Танковая гусеница лишь слегка прошлась по дульному срезу, смяв его и отбросив, вместе с оторванной кистью руки, продолжавшей сжимать рукоятку, в сторону. По всему выходило, что Круз целился в танк до последнего, но почему-то так и не выстрелил.

«Черт возьми! — неожиданно вспомнил Том. — Батарейки!». Действительно, сухие

батареи, от которых производилось электровоспламенение реактивного заряда при выстреле, часто разряжались. А про их проверку не вспомнили ни он сам, ни его подчиненные. Том неожиданно вспотел, представив, как он безрезультатно жмет на спуск, а танк все едет и едет на него.

«Нет уж, надо от противотанковой ружбайки отбиваться в любом случае, — подумал Том. — Охота на танки не способствует долголетию. Лучше уж продолжать командовать отделением». От размышлений его отвлекло отделение пехотинцев, промаршировавших мимо. Веселые выкрики и смешки, которыми они обменивались, сменились мрачным молчанием по мере того, как до солдат доходило, что рассматривает угрюмый сержант-парашютист. Солдаты прошли и сразу же за их колонной быстрым шагом спешил куда-то незнакомый десантник.

— Сержант Томпсон? — приблизившись, спросил он.

— Я. И что? — настроение было ниже плинтуса и его хотелось на ком-нибудь сорвать. Похоже, солдат это почувствовал, потому что вытянулся словно на строевом смотре и доложил так, словно перед ним стоял как минимум генерал Паттон.

— Сэр, вас разыскивает капитан Сейер, сэр!

— Понял. Пошли, парень, проводишь, — злость также внезапно схлынула, как и появилась, и наступил послебоевой откат. Хотелось просто лечь на что-нибудь более-менее подходящее и полежать, ни о чем не думая. Просто расслабится. Но впереди его ждала встреча с комроты, а что мог придумать их капитан — Тому пока даже не приходило в голову. Тем более, что на обратном пути он еще раз успел глянуть на танк и наконец понял, что его смущало до сих пор. «Черт побери, я же столько раз читал и на рисунках видел, что у «Тигра» большие катки расположены в шахматном порядке!» У подбитого же танка были восемь сравнительно маленьких катков. То есть это был совсем не тяжелый «Тигр», а средний танк типа 4, о котором им говорили на занятиях по немецкой армии (на которых Том обычно дремал с открытыми глазами, уверенный, что и так все знает).

Капитан был весел и доволен, словно удав Каа, наевшийся бандерлогов. И явно хотел спать. Впрочем, Том тоже не отказался бы вздремнуть часа по четыре на каждый глаз. И поэтому не очень обрадовался, когда капитан, похвалив за уничтоженный танк, приказал собрать отделение и назначил его командиром передового дозора. Впрочем, капитан и не заставлял Томпсона немедленно бросаться вслед за уже начавшими марш первыми отрядами пехотинцев. Но после завтрака из К-рациона и трехчасового отдыха передовое во всех смыслах отделение под командой Томпсона двинулась в одном строю с колоннами пехоты. В него он собрал всех своих уцелевших бойцов и уже бывавших под его командой импровизированных охотников за танками.

Шли до вечера. Красота здешней природы поражала американцев, особенно после полупустынных мест Африки. Они проходил мимо цитрусовых плантаций, расположенных в горных расселинах, перебирались через древние оросительные каналы, в которые вода попадала из ртов змей, высеченных из камня. На горизонте поблескивали на летнем солнце отроги гор. Каждый свободный клочок земли был обработан, крестьяне возились на полях и в садах, недоброжелательно поглядывая на идущих строем американцев. На окраине каждого поля стояла крытая соломой небольшая хижина, настолько маленькая, что было непонятно, для чего она. Том не удержался и на одном из вечерних привалов все-таки заглянул в одну из них.

— Что там, сардж? — поинтересовался назначенный его замом Райан Второй.

— Не поверишь — инструменты и узелок, похоже, с едой, — ответил Том.

— Поверю, — усмехнулся Райан. — Смотрите, сардж — земли мало, на полях домов нет и никто не живет. Таскать с собой каждый день инструмент из деревни — замучаешься. Вот и хранят их на поле. У нас в Америке многие фермеры также поступают.

— Неужели никто эти избушки не обворовывает? Тут же одни даго, а они народ вороватый? — удивился кто-то из парашютистов.

— Видимо нет, раз они стоят. Может местная мафия охраняет? — пошутил Второй.

— Может быть, — согласился Том. И тут же подумал, что надо быть очень осторожным. Местная мафия, как он помнил, связана с американской и определенно уже получила какие-то данные на него. Впрочем, пока идут бои, опасность погибнуть от пуль мафии не выше, чем от пуль и снарядов немцев. А вот потом...

На ночь остановились на окраине городка, занятого батальоном пехотинцев. Поскольку они шли первыми, им достался неплохой домик, что-то вроде муниципального учреждения или школы. Но почему-то без мебели. Но сама возможность вместо поиска места для ночлега спать под крышей, в более-менее комфортных условиях многого стоила.

«Целый день без боев. Не удивительно, что они потеряли раз в тысячу меньше, чем наши, — выйдя перед сном «подышать свежим воздухом», Толик неожиданно расфилософствовался. — Один удар — и итальянцы бегут. Так воевать можно. Дом от любых бомбежек защищен океаном, а противники готовы сдаться после первого же залпа. Вот и появляется мысль, что война ничего плохого не несет. Вот интересно, а как бы держались мои сослуживцы на Курской Дуге?» — некоторое время он обдумывал аргументы за и против, но в конце концов все же решил, что большинство держалось бы не хуже русской пехоты. Особенно парни из его отделения.

Утро встретило Тома неожиданным сюрпризом — налетом бомбардировщиков. Судя по крестам — германских. Парашютистам из отделения Томпсона, к их нескрываемой радости, повезло больше всех — тяжелые двухмоторные машины нагло и без помех отбомбились по центру городка, не обратив внимания на стоящее на окраине здание. Что столь важное обнаружили в городе джерри, Том и его друзья так и не успели понять. Том и его коллеги успели выбраться из дома и занять оборону в ближайшей рощице, как начался артиллерийский обстрел. На город обрушились снаряды как минимум пары полков четырехдюймовых гаубиц. Они сразу уничтожили взвод полковых четырехдюймовок «прямоногих»^[13], не успевший сделать и двух выстрелов. А затем в атаку перешли немецкие и итальянские пехотинцы, прикрытые броней нескольких танков и броневедомостей.

— А вот и «Тигры», — опуская бинокль, заметил сам себе Том.

— Сардж, что будем делать? — Боб из Чикаго, добровольно принявший на себя обязанности чего-то вроде денщика и адъютанта Томпсона, посмотрел на командира со скрытой надеждой во взоре.

— Что делать? — Томпсон еще раз посмотрел в сторону города, в котором вовсю бушевал бой. — Пойдем в город, на помощь нашим.

— Дюжиной? — удивился Боб.

— Там у нас больше шансов, среди домов и в круговерти боя, — пояснил Том. — Здесь нас просто расстреляют из пушек.

Через четверть часа двенадцать американцев «индейской цепочкой» вышли на тихую улицу на окраине городка. Где-то гремел бой, а здесь пока было спокойно. Если бы не закрытые двери и окна и полное отсутствие прохожих на улице, да доносящаяся откуда-то

слева все усиливающаяся перестрелка — улица имела бы совсем мирный вид.

— Второй и Боб — вправо. Посмотрите, что там, в переулке, — скомандовал Томпсон. — Джо и Грег — вперед, в охранение. Остальные — идем двумя цепочками. Те кто справа, контролируют дома слева по улице и наоборот. По гражданским не стрелять!..

Джо и Грег выдвинулись вперед и практически сразу упали под ближайший заборчик, беря наизготовку свои «гаранды». Все остальные тоже залегли без лишних слов и команд.

Немцы вывалились из-за поворота, к удивлению сержанта, не в боевом порядке, а скорее толпой. Спешили, как видно, обойти очаг сопротивления.

«А спешка, как известно, нужна лишь при ловле блох, — усмехнулся Томпсон, открывая огонь из своего карабина. — Как кегли падают...»

Огонь восьми винтовок, ручного пулемета, двух карабинов и одного «Томми-гана» оказался столь плотным, что большинство бегущих свалилось сразу. Кто убитый, кто раненый, а кто просто среагировав на выстрелы. Некоторые бросились назад, стремясь скрыться за поворотом. Этим повезло меньше всего, американцы стреляли быстро, на полную скорострельность своих самозарядок, не жалея патронов и попадая просто за счет статистики. Раздались первые редкие ответные выстрелы. Тотчас же вскочил Грег и замахнувшись бросил в стрелявших мячик гранаты. И упал под ответными выстрелами. Разозлившись американцы выдали в ответ лавину огня и стреляли пока не перестала шевелиться последняя фигура в мышинового цвета форме. Том поймал себя на том, что охрип, крича команду. — «Прекратить огонь!»

Наконец щелкнул последний выстрел и все вскочили.

— Не расслабляться! Собрали оружие, боеприпасы, особенно гранаты! Быстро, парни, — перезаряжая карабин, Томпсон успел проконтролировать, как Райан Второй и Боб вспомнили о его приказе и двинулись к правому переулку, а Джо подскочил к лежащему Грегу и застыл, снимая каску.

— Джо, мы не на съемках фильма в Голливуде! — крикнул Том. Десантник вздрогнул, потом, наклонившись, оборвал один из медальонов Грега и забрал пояс с подсумками. Винтовку, подумав, взял с собой и подбежал к сержанту.

— Земляк? — спросил Том.

— Вместе завербовались, — вздохнул Джо. Томпсон лишь молча кивнул и приказал всем собраться у правого забора. После чего заставил выбрать всех трофейное оружие по руке и запасть оружием. Лишнее собрали в одну кучу, всунули под нее пару немецких гранат — «колотушек» с привязанной к взрывателю длинной веревкой. Уходя в правый переулок, последний из идущих «дернул за веревочку» и через пару секунд сзади донесся негромкий вздох взрыва.

Шли в обычном порядке — впереди дозор из двух человек, с немецкими «шмайсерами» наготове (привычное название, как давно выяснил Толик, было в ходу и здесь, хотя все, кому надо знали что Хуго Шмайсер к изделию фирмы «Эрм» никакого отношения не имеет) и заброшенными за спину «гарандами».

Угрюмые каменные стены домов и столь же угрюмые заборы, кривые улочки, убегающие куда-то вверх и вниз по склонам холмов и яркое солнце навевали воспоминания о далекой южной стране и казалось, что вот сейчас из-за поворота выскочат смуглокожие люди в халатах и с чалмами на головах. И бросятся в атаку с кличем: «Аллах Акбар!» Но вместо них передовой дозор внезапно наскочил на пробирающегося откуда-то куда-то по своим делам местного. Тоже смуглокожего, но иначе, скорее с обожженной солнцем кожей.

Он волок баул с непонятным содержимым, который сразу выронил, увидев направленные на него стволы. Каким чудом Боб со Вторым удержались от выстрела, никто так и не понял. Зато местный сразу сообразил, что стрелять в него не будут и тут же показал себе за спину, потом сделал отталкивающий жест руками, словно запрещая и предупреждая. И тут же, похватив баул, скрылся в какую-то щель между заборами. Второй жестом подозвал Тома.

— Похоже, там немцы сардж, — воспользовавшись моментом, он снял каску и обтер вспотевшую голову и лицо грязным носовым платком.

— Может быть, вполне может быть, — согласился сержант. Потом подумал, скинул мешающую амуницию и трофейный карабин «маузера», оставив только пяток гранат, «беби гаранд» и пистолет в кобуре.

— Не забыл ночные тренировки?

— Помню, сардж.

— Тогда остальные занимают оборону здесь, а мы пойдем глянем, чего так напугало этого мафиози, — усмехнулся Том, доставая из ножен «боевой нож десантника». «Не привычный НРС, но тоже неплох, — мелькнула мысль на русском. — Бошки резать...». Второй, стоящий рядом, очередной раз вздрогнул, словно почувствовав холодный ветерок, на секунду вырвавшийся из глаз его сержанта, который прямо на глаз превращался в «машину смерти».

И они пошли. Причем Райан готов был поклясться, что его напарника с трудом различают даже следящие за ними из окон жители, а двигается сержант бесшумней, чем индеец на тропе войны. Толик же спокойно пробирался по этому большому аулу вперед машинально отмечая, что напарник из молодых, опыта никакого и шумит словно паровоз, поэтому надо следить за обстановкой вдвое внимательней. И успел первым заметить сторожевой секрет. После чего без лишних слов заставил напарника залечь в ближайшей канаве, а сам двинулся вперед, прижимаясь к каменному дувалу. Подбирался долго, целых пятнадцать-восемнадцать минут. Но зато духи его так и не засекали. Вообще они вели себя довольно беспечно, один даже закурил, а второй носил винтовку вообще на ремне за спиной. Такая беспечность кончилась закономерно. Один быстрый прыжок, взмах, блеснувший на солнце клинок... и черная кровь, плеснувшая на мундир. Два четких выверенных удара и второй немец, лихорадочно пытающийся сорвать винтовку со спины, падает на тело первого. Прислушаться, замерев и сменив нож на карабин. Где-то впереди рычит мотор автомобиля, доносятся странные клацающие звуки и гавкающая речь. Тихо... только с шипением растекается, впитываясь в землю кровь и с испугом заглядывает за баррикаду успевший добраться сюда Второй.

— Жди здесь, — слова с трудом вырываются из горла, сейчас легче подавать сигналы, чем говорить. «Но молодой наверняка забыл про все и всяческие символы и сигналы, вон как смотрит испуганно, словно первый раз в бою. Ничего, перемелется, мука будет. Я еще сделаю из него разведчика, из раздолбая» — мысли лениво перекачиваются внутри, не мешая двигаться и наблюдать за окружающим.

А посмотреть есть на что — впереди, на довольно обширной для такого городка поляне, расположился походно-полевой штаб. С десятков, если не больше офицеров, то и дело появляющиеся посыльные. Пара полугусеничных бэтээров, странный, увенчанный какой-то непонятной конструкцией вроде лежащей телевизионной антенны трехосный броневик. На стоящем в самом дальнем углу от сержанта бэтээре какой-то важный чин орет в трубку телефона. На нескольких столах и сваленном дереве стоят портативные пишущие машинки,

на которых с деловым видом что-то печатают несколько солдат. «Вот оттуда и доносятся эти странные клацающие звуки, — понял Толик. — Штаб, черт побери, полка как минимум», — в груди заняло предчувствие удачи. Кому-то это штаб, а для разведчика-диверсанта-спецназовца это самая желанная и необходимая цель. Гроб для всей операции противника, если быть точным.

«Уничтожь голову и полк потеряет половину, если не меньше, своей эффективности. И вот эта «голова» перед ним, беззащитная, как овца на поле перед стаей волков. Зубастая, конечно, «овечка», да и волки не слишком волчьи. Но за неимением Кольта будем стрелять из Браунинга...», — дальнейшее слилось в одно непрерывное действие.

Вызвать остальных. Инструктаж, короткий, пока не обнаружили гибель охраны. Разбежались, залегли. Открыли огонь. Пули, гранаты, взрывы, крики, трупы, горящие бронев автомобили и снова трупы...

Попало Тому уже в конце, когда он решил собрать документы. Расслабился и не заметил, как тяжело раненый немец поднял пистолет. Сильно ударило в бок. Адская боль и пелена наползающая на глаза...

8. Кавалер Медали Почета

Очнулся Толик от резкого запаха лекарств. «Это, как его — дижа ву или дежа вю? Короче, глюки достали, — подумал он. — Я что — опять в больнице или Гарри все же вызвал врача?»

— Х..Г..аррии, — сумел прошептать он непослушными губами.

— Очнулись, мистер? — заслышав произнесенный приятным женским, а точнее девичьим, голосом вопрос, он инстинктивно подобрался. «Точно глюки! Сейчас вообще окажется, что я лежу у того самого аппарата...»

— Очнулись, — констатировал тот же милый голосок с ирландским акцентом. Том открыл глаза и если бы не слабость, точно попытался бы перекреститься. Принадлежал этот голос молодой симпатичной медицинской сестре, с ярко-рыжей шевелюрой и веселым лицом с маленьким, покрытым веснушками, носом. До того знакомой, что Том даже попробовал потрясти головой, чтобы отогнать видение. Что вызвало новый приступ боли и темноты.

Второй раз он очнулся уже ночью. В палате стояла тишина, прерываемая только внезапным храпом спящего, лежащего за несколько кроватей от него, солдата. Почему солдата, Том не мог ответить внятно, но чувствовал, что он прав. Осторожно, ожидая новый приступ боли, он повернул голову и осмотрелся. У самой двери тускло горела дежурная лампочка, выкрашенная в синий цвет. За полуоткрытой дверью виднелся кусочек коридора и небольшая ниша со стоящим в ней столом. За ним спала сидя, опершись подбородком на руки, медсестра. Головной убор сполз, обнажая ярко-рыжие волосы и, хотя отсюда в царящей полутьме различить лицо Том не мог, он готов был поставить десятку баксов против никеля, что оно украшено с маленьким, покрытым веснушками, носом.

«Как же звали эту медсестру в Хилл-Вэлли? Что-то на М... Магда, Марина, Мэри' Мэри, точно!» — голова снова заболела от мучительной попытки вспомнить все. К этому добавилась боль в правом боку и наползающая слабость. Плюнув на все, Том осторожно вернулся в исходное положение. Переждал приступ боли, стараясь удержаться от стонов, и неожиданно для самого себя уснул.

Пока Том боролся с ложными или не очень воспоминаниями, ранами и тогдашней, точнее современной ему, медициной, (как известно, если больной очень хочет жить, то медицина оказывается бессильной), в разных районах мира происходили очень интересные события.

Командующий Седьмой армией генерал Паттон, объезжая подчиненные ему войска, заехал в штаб восемьдесят второй дивизии. И, конечно, встретился с ее командиром Мэтью Риджуэем. Разлили по стаканам столь ценимый Паттоном бурбон. Перед тем как выпить первый глоток, ритуально согрели с стаканы в ладонях и дружно вдохнули аромат напитка. Разговор зашел о только что закончившихся боях и комдив, считавший, что любая реклама его парашютистам полезна, в самых ярких красках расписал подвиги молодого сержанта.

— ... думаю, Джордж, он вполне достоин обучения на офицерских курсах. Не считая награды, конечно.

— Полагаете? — Паттон был настроен менее восторженно. — Ну, «Пурпурное сердце» он однозначно заслужил. А по совокупности подвигов...

— Не менее чем, на Медаль Почета, — резко поставив стакан с недопитым виски на

стол, заметил Риджуэй.

— Думаете, что кто-то из конгрессменов даст рекомендацию? — Паттон заколебался, но видно было, что ему эта идея понравилась.

— Я взял на себя смелость связаться с конгрессменом Сабатом, знакомым с моим отцом, — ответил Мэтью, вновь беря стакан в руки. — Думаю, если вы дополнительно с ним свяжетесь и переговорите с Дуайтом, то все получится о'кей.

— Что ж..., думаю это неплохая идея, — отсалютовав стаканом заметил Джордж Паттон.

Они неторопливо, маленьким глотками допили бурбон, и командующий армией распрощался с комдивом, решив по пути заехать в госпиталь, чтобы самому взглянуть на новоявленного героя. К его сожалению, переговорить с раненым Томпсоном не удалось, его только что увезли на очередные процедуры. Тогда Паттон просто прошелся по палатам в сопровождении принимающего офицера, майора Чарльза Эттера. Все шло как обычно, быстрые беседы с некоторыми из лежащих раненых, грубоватые шутки генерала, столь нравившиеся солдатам. Задавая вопросы, Паттон перемещался вдоль ряда коек. В ответ на его вопрос о том, как дела, четвертый пациент, рядовой Пол Беннетт заявил.

— Нервы у меня шалют. Как снаряды летят, слышу, а взрывы — нет.

Повернувшись в раздражении к Эттеру, Паттон спросил.

— О чем говорит этот человек? Что у него? Может, ничего?

Не дождавшись ответа от Эттера, который хотел посмотреть карту Беннетта, Паттон закричал на солдата:

— Ах ты, ни на что не годный сукин сын! Ах ты, трусливый ублюдок! Ты — позор для армии и немедленно отправишься на передовую драться, хотя это слишком хорошо для тебя. Тебя следовало бы поставить к стенке и расстрелять, хотя и это тоже. Слишком хорошо для тебя. Я сейчас сам пристрелю тебя, будь ты проклят!

Сказав это, Паттон потянулся за револьвером, выхватил его из кобуры и принялся размахивать перед носом Беннетта. Ударив Беннетта наотмашь по лицу, Паттон приказал явившемуся на шум начальнику госпиталя полковнику Карриеру.

— Я требую, чтобы вы немедленно убрали отсюда этого типа. Я не хочу, чтобы остальные ребята, которые сражались, не жалея жизни, сидели тут вместе с ним и видели, как с ним нянькаются.

Паттон уже стоял у выхода, когда повернулся и заметил, что Беннетт сидит на краю койки и плачет. Быстро вернувшись, он ударил Беннетта с такой силой, что каска слетела с его головы и выкатилась наружу. К этому моменту в палатку, привлеченные шумом, сбежались сестры и санитары, с ними и Том. Они видели эту «вторую оплеуху».

Заметив развоевавшегося дебошира, Толик не выдержал и, подскочив, свалил его с ног, заломив руку «на прием».

— Отпусти, ублюдок! — заорал недовольно Паттон.

— Простите, сэр, но вы ведете себя не по-джентльменски, — неожиданно даже для себя хладнокровно, словно во время разборок со шпаной, ответил Толик-Том. — Драться с больными, да еще с оружием... — он ловко выдернул и отбросил к ногам Карриера оба револьвера. После чего отпустил ругающегося, словно ковбой на перегоне скота, генерала.

— Кто такой?! — потирая ноющую руку, заорал генерал.

— Сержант Томпсон, сэр! — попытавшись вытянуться, но тут же скривившись от боли и присев на койку, ответил Том.

— Томпсон? Хм..., — генерал явно смутился, словно что-то припомнив. — Здорово дерешься, парень. С немцами также не церемонишься?

— Им хуже, сэр! — хладнокровно улыбнулся Том, стараясь не показывать навалившуюся слабость и боль в ранах. — Они же меня наказать не могут, сэр!

— Молодец, сержант, — невольно усмехнулся в ответ Паттон. — Но следующий раз будь осторожнее. И не защищай трусливых сачков.

И сразу вышел, вместе с полковником Карриером.

— Я ничего не могу с собой поделаться, — громко признался он Карриеру. Так громко, что слышал, наверное, весь госпиталь, — у меня кровь закипает в жилах, когда я вижу, как тут нянчатся с проклятыми сачками.

Садясь в машину, Паттон повторил Карриеру.

— Я не шутил насчет того, что надо убрать отсюда этих трусов. Мне не нужно, чтобы трусливые ублюдки отсиживались в госпиталях. Их, наверное, придется все-таки когда-нибудь ставить к стенке, или мы разведем целые стаи мерзавцев. А сержанта не наказывайте. Настоящий американский герой.

Журналисты, бывшие в это время в госпитале, посоветовавшись, решили не упоминать о произошедшем в газетах. Однако врачи госпиталя использовали свои собственные связи в командовании и новость дошла до Эйзенхауэра.

Скандал разгорался, но для Тома, к его удивлению, все обошлось без последствий...

А за много тысяч километров от Сицилии, по советской Средней Азии путешествовал вице-президент США Уоллес. В этот день он как раз посетил только недавно отстроенный авиазавод.

«Паккард» неспешно катил по дороге. Сидящий на переднем сиденье, рядом с водителем, начальник охраны Джим Олсоп разглядывал окрестности. Водитель, заметив в зеркале заднего вида, что перегородка, отделяющая пассажирское сиденье закрыта, пошутил.

— Что, босс, старушку ищешь? — и оба они негромко засмеялись, вспоминая...

Выехав из ворот завода, Уоллес вдруг попросил остановить машину: сразу за проходной раскинулись огороды, на которых сажали картошку. Старуха в старой плюшевой кофте, разбитых кирзовых сапогах копала лопатой землю. Она была одна на этом большом поле. Уоллес подошел к ней и, вежливо поздоровавшись, спросил.

— Что ж вы одна, бабушка? Почему никто не помогает?

Старуха удивленно посмотрела на него.

— Да ты что, мил человек, с луны свалился? Все уже посадили, а я малость прихворнула... А помогать-то некому. Людям в заводе работать надо, а картошечку я как-нибудь сама, чай, не помру.

— А муж, дети у вас есть?

— Старика-то я схоронила, а сынков двое, на фронте... Где ж им еще быть... Вот ты, мил человек, по виду начальник, скажи, скоро ль мериканцы второй фронт откроют? Талдычат, талдычат, а сами ни с места. Глядишь, и детки мои вернутся быстрее.

Вряд ли Уоллес знал значение русского слова «талдычат», но смысл его понял. Он повернулся и подозвал Олсопа. Тихо, чтобы не слышала старуха, что-то сказал ему. Тот подошел к своим офицерам и пригласил их сесть в машину. Заводские ворота открылись. Минут через десять машина вернулась, и офицеры вытащили из нее лопаты. Уоллес, ни слова не говоря, взял одну и стал копать бабкин огород. Что было делать остальным? Они тоже взялись за лопаты...

— Нет, сейчас задерживаться не будем, — отсмеявшись, ответил охранник. — Тебе что, не довели?

— Довели, что едем на аэродром. — усмехнулся шофер. — А там опять другую машину дадут.

— Скорее отдыхать отправят, — ответил охранник. — В Москву летим, на встречу с Дядюшкой Джо.

— Ничего себе! — удивился шофер, крутя руль и разворачивая машину поближе к стоящему на бетонированной площадке серебристому четырехмоторному «Дугласу»...

Том ждал, чем же закончится его столкновение с генералом. И удивлялся, что в госпитале об этом не говорили только совсем тяжелые пациенты, а сверху царило полное молчание. Но на следующий день Томпсона вызвали в канцелярию и вручили направление на госпитальное судно «Сан Клементе» и ему стало совсем не до больничных слухов.

Окрашенный в безупречно-белый цвет, с нарисованными на бортах огромными красными крестами, пароход стоял в гавани Агридженто. Само название городка что-то смутно напоминало Толику, но чем это место славилось в будущем, он так и не припомнил. Еще радовало сержанта то, что он уплывал подальше от разборок из-за инцидента в госпитале, к тому же так и не столкнувшись с местной мафией.

А в это время в Москве...

В знаменитом на весь мир кабинете Генри Эдгар Уоллес, вице-президент США, оказался весьма неожиданно для себя. Вообще, его назначение было неким компромиссом с либеральными кругами демократов и республиканцев, на которое пошел Рузвельт, чтобы получить дополнительные голоса из этого лагеря. Ну и для того, чтобы иметь в правительстве человека, способного дружески разговаривать с русскими коммунистами. Причем он великолепно понимал, что при столь знаменитом и энергичном президенте, его роль была чисто декоративной. Не зря в разгар наступлений на всех фронтах, президент отправил его в Советский Союз. И уж тем более, это должен был понимать хозяин кабинета, правитель одной шестой части суши. Поэтому Генри никогда и не рассчитывал на такую встречу.

— Здравствуйтесь, господин Уоллес, — поднявшись и сделав несколько шагов навстречу, поздоровался через переводчика Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Сталин, — поздоровался по-русски Уоллес. Сталин, пожимавший ему в этот момент руку, внешне воспринял это совершенно спокойно, только в желтоватого оттенка глазах полыхнуло что-то непонятное.

— Вы хорошо говорите по-русски, — заметил он. — У Рериха обучались?

— Да, у него, — подтвердил Генри, не удержавшись и слегка нахмурившись. На выборах сорокового года ему та дружба и переписка с Гуру (так Уоллес называл Рериха), едва не стали причиной политического скандала. Негласно удалось договориться, обменяв обещание не публиковать эти письма на неразглашение сведений об Уилки, кандидате от республиканцев, прелюбодействующим с писательницей Ириной Ван Дорен. Но эта угроза продолжала висеть над его политической карьерой как дамоклов меч, хотя Генри и предпочитал не вспоминать об этом.

Видимо уловив состояние американца, Сталин не стал углубляться в эту тему, а перевел разговор на проблемы снабжения фронта и ленд-лиз. Разговор шел весьма доброжелательный, Сталин улыбался, шутил, угощал Уоллеса кофе и коньяком. Последний Генри похвалил и сделал удивленное лицо, узнав, что этот коньяк производится в Грузии.

После разговора о текущих делах, Сталин, поднявшись, привычно прошелся вдоль стола и вдруг спросил вице-президента.

— Скажите, а как вы видите наши будущие, послевоенные отношения?

— Я, — слегка растерялся от неожиданности Генри, — думаю, что мы можем сохранить накопленный нашими странами дружеский потенциал, — после чего слегка замаявшись, добавил. — Полагаю, что наше и ваше общество будет идти в сторону конвергенции, усваивая лучшие черты американского образа жизни, европейского социализма, в частности шведского вашего коммунизма.

— Вы думаете, что такое..., — Сталин подошел к столу и взяв в руки трубку, принялся ее методично набивать табаком, доставая из лежащей рядом пачки папиросы и ломая их. Уоллес с интересом наблюдал за этим действием. — такой гибрид возможен? — набив трубку, продолжил Сталин. — Это же все равно, что скрестить ужа и ежа.

— Ужа и ежа, как я думаю, скрестить невозможно, — улыбнулся Генри, — а человеческое общество, по-моему, куда более гибко устроено, чем системы размножения разных видов животных.

— Интересная мысль, — жестом предложив собеседнику закуривать, Сталин разжег трубку и на несколько секунд окутался клубами дыма. — А не получится результат таким же, как от скрещения этих двух зверей?

— А что может получиться...? — удивился Уоллес.

— Как шутят наши солдаты — полтора метра колючей проволоки, — улыбнулся Сталин в усы.

Дружный смех окончательно разрядил обстановку в кабинете и дискуссия о том, считать ли шведский эксперимент социализмом, или все-таки разновидностью обычного капитализма, прошла в самой дружественной манере. Сталин, лукаво улыбаясь в усы, пытался доказывать, что никакого социализма социал-демократы построить не могут, а являются всего лишь слугами капитала, пытающимися приглушить недовольство рабочего класса. В ответ Уоллес неожиданно припомнил высказывание Ленина, что социализм есть капиталистическая монополия, поставленная на службу всему народу. От неожиданности Иосиф Виссарионович даже не сразу нашел ответ. Генри с победоносным видом усмехнулся, глядя, как его собеседник в тщетной попытке «сохранить лицо» делает вид, что занят внезапно потухшей трубкой.

Беседа продлилась дольше запланированных полутора часов, но Поскребышев, наблюдая за Хозяином, сделал вывод, что это его несколько не расстроило, скорее наоборот. И несколько не удивился, когда через секретариат прошло указание в соответствующий отдел об оказании негласной политической поддержки недавнему собеседнику Сталина.

Том тем временем наслаждался неожиданным отдыхом, пусть и слегка подпорченным болью ран и необходимостью выполнять лечебные предписания. Судно, выйдя из порта, безостановочно прошло прямо до Гибралтара. Там, прямо на рейде, команда «Сан-Клементе» пополнила запас мазута. Короткими гудками попрощавшись с берегами Европы, пароход взял курс на Америку...

Атлантика была удивительно спокойной. Ни шторма, ни заваливающего урагана. Воруг, куда ни кинешь взгляд, стелилась тронутая легкой рябью волн гладь океана, на поверхности которой играли солнечные зайчики. Вся картина дышала таким умиротворением, что не верилось, что где-то может быть по-другому. Атлантический океан словно решил отдохнуть от обычных буйств, предоставив эту возможность людям. Которые не преминули ей

воспользоваться — недалеко от курса санитарного транспорта проходил очередной конвой, попавший в зубы «мальчиков Деница». Хмурый радист сообщил Тому по секрету, что из конвоя, идущего в Африку, уцелела едва половина.

Не верилось, что где-то совсем недалеко от них пароходы пытаются ускользнуть от мчащихся к ним стальных сигар, а те, кому не повезло, зарываются в такие же баззаботные волны, покрытые пятнами мазута и головами плавающих людей.

Толик, узнав о том, что пароход совершенно не собирается идти на помощь тонущим, сначала удивился. Узнав, что таким кораблям вообще запрещено приближаться к конвоям и даже останавливаться для того, чтобы подобрать потерпевших кораблекрушения, удивился еще больше. Как-то не увязывалась такая политика с привычным стереотипом «американцы всегда спасают своих».

Потом он прошелся по шлюпочной палубе и долго стоял, вдыхая и выдыхая отдающий солью воздух и пытаясь успокоиться. Изнутри медленно поднималось тошнотворное ощущение полного абсурда и понимания абсолютной чуждости этому миру. Всё, к чему он привык, здесь еще не существовало. Даже его родители еще не могли даже встретиться, представляя из себя натуральных младенцев. Никого из родственников и друзей, даже тех с которыми он давно потерял связь здесь не было. А те, кто были никогда бы не признали в незнакомом американце своего родича. Хотелось взвыть или прыгнуть за борт, до того ему стало плохо. А ведь впереди еще два года войны, потом Холодная война... мир дважды окажется на грани ядерного апокалипсиса и только разрушение его родной страны на время отодвинет третью мировую. И все это ему придется пережить...

Пусть он и сделал попытку изменить будущее, но насколько удачную, ему останется неизвестным возможно до самой смерти. Но если раньше ему было не до всех этих переживаний, война и выживание просто не оставляли времени задуматься о чем то постороннем, то сейчас он был ничем не занят. Даже раны практически зажили и не напоминали о себе. Вот и появилось время на то, что обычно проходило мимо сознания, но видимо постепенно откладывалось где-то внутри.

Неизвестно, чем бы закончился этот приступ черной меланхолии, столь неожиданно навалившийся на попаданца, если бы не тот же радист, Майкл МакГрат. Непонятно как нашедший Тома на той же шлюпочной палубе Майкл сразу заметил, что с ним творится что-то неладное.

— Эй, Том, ты что? Баньши услышал? — с ходу начал тормозить застывшего с непонятным видом побледневшего приятеля радист (еще бы, вместе уже пару бутылок великолепного ирландского раздавили). — Может, тебе к врачу?

— Иди к черту, Майкл, — очнулся Том. — Скажи еще, что мне срочно пары уколов в задницу не хватает.

— Ха-ха-ха, — зашелся МакГрат. — Вот скажи мне еще раз, что ты не ирландец. Пьешь, как ирландец, шутишь тоже. Но мне все равно не нравится твой вид. Пошли, у меня как раз в каюту одна леди, в стеклянном платье, в гости зашла. И я с вахты сменился. Раз не хочешь уколиться — остается принять внутрь.

— Пошли, — согласился Толик.

В каюте МакГрата, как всегда, царил потрясающий, прямо-таки идеальный немецкий орднунг (порядок). Только сегодня Том не отпустил ни одну из традиционных шуток по этому поводу. Майкл сразу это заметил и тут же, без долгих разговоров вытащил из тумбочки стаканы и бутылку «Джек Дэниэлс».

— Выпьем, — разлив «на полпальца», предложил он. И был очень удивлен, когда Толик отобрав у него бутылку, долил себе стакан «под ободок».

— Будем! — предложил он. Майкл, забыв про свою порцию, проводил удивленным взглядом исчезающий в горле Томпсона напиток. И лишь когда тот со стуком поставил стакан точно в углубление на столике, спохватившись, в два глотка добил свой, даже забыв добавить воды. Естественно, закашлялся. — Ну, ты пресидижитатор, Томми, — покачал он головой, одновременно стараясь восстановить дыхание. — Не ожидал. Можешь...

— Не просто можешь. «А мы можем это!»^[14] — пошутил Том, чувствуя, как изнутри поднимается теплая, смывающая сплин волна.

— Не, все равно не понимаю, с чего ты так расстроился? Такое награждение... я бы радовался, а ты словно на похороны собрался, — разливая по второй порции и одновременно доставая откуда-то из-под стола несколько бананов, заметил Майкл.

— Какое, черт тебя побери, награждение? — непритворно удивился Том, принимая стакан.

— Твое, — удивленно глядя на Томпсона, ответил радист. — Ты что не знаешь еще? — и рассказал о полученной радиограмме. Потом, под постепенно «испарявшееся» из бутылки виски долго объяснял поплывшему от первой дозы Тому какой он герой и как им гордится он ирландец Майкл МакГрат, потомок одного из лучших стрелков ирландской бригады Мигера.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Наутро Том-Толик проснулся не в самом лучшем состоянии. Похмелье, наложенное на отложенную меланхолию и сплин — тяжелейшая штука, хуже любого тяжелого ранения. Спасала только армейская привычка делать дела, несмотря на настроение. «Шоу маст гоу он», черт побери! — вновь припомнив о награде, выругался он про себя. — Что теперь делать? Родственники наверняка появятся, да и мафиози уже ножки точат. Не думаю, что они сразу полезут, но едва шумиха поутихнет — очередной наезд надо ждать... надо ж дать... вопрос кому и сколько... Может действительно отдать часть? Не, таким только пальчик дай — всю руку откусят. Отберут и прихлопнут, как муху. А уж пакет акций — ни за что не отдам. Продадут за гроши, они же о перспективах фирмы не подозревают. Черт побери, и что делать? Кстати, а где мой браунинг?» — вспомнил о незаслуженно забытом трофее «гангстерской войны» Том. И сразу же решил узнать, где же его вещи. Оказалось, к непритворному удивлению, что все его личные вещи и пистолет плывут вместе с ним на корабле, в каптерке. Зато доработанный карабин остался в части, как штатное оружие. Но Том был рад уже тому, что привычный «браунинг» занял место в кобуре на поясе. К тому же он еще раз убедился, что при всяких расстройствах хорошо успокаивает нервы разборка и чистка оружия. А расстраиваться было от чего — просочившиеся в народ сведения о награждении вызвали нездоровый ажиотаж среди персонала плавучей больницы и ходячих раненых. Поэтому желающих пообщаться с новоиспеченным героем было намного больше, чем хотелось бы Тому. Да и бесцеремонность большинства из них ему не очень нравилась. Пришлось двое оставшихся до прибытия в порт суток просидеть в каюте, что, вместе с перечисленными проблемами (родственники, мафия, журналисты) отнюдь не способствовало хорошему настроению.

Повезло еще в том, что судно прибыло не в Нью-Йорк или другой знаменитый крупный порт (большинство из которых с трудом справлялось с перевалкой грузов для армии и ленд-лиза), а в Честер. Небольшой поселок, железнодорожный узел, и достаточно обширный порт,

в котором стояло довольно много судов. Война и вызванный ей рост перевозок привели к новому расцвету города, но видно было, что ажиотаж держится только за счет военных грузов. Впрочем, Томпсону такая ситуация была на руку, позволяя избежать встречи с репортерами. Выгрузившись с парохода, он сразу заскочил в штаб и местный писарь, получив небольшой сувенир в виде итальянского окопного ножа, быстро выписал ему документы до Вашингтона. Вместе с взводом местных солдат, ехавших на какую-то базу в этом же штате, Том пробрался в вагон поезда и облегченно вздохнув, устроился вместе с четверкой пехотинцев — выходцев из Мэна в купе.

До столицы он добрался без приключений. И только в отеле, после того, как Том попросил портье позвонить по заранее сообщенному номеру, где он поселился, его все-таки поймал один из проныр — журналистов. Слава богу, его интересовали только война и подвиги, поэтому рассказывать о довоенной жизни и родственниках Тому не пришлось. Выдержав примерно получасовую пытку расспросами и наотвечавшись до хрипоты и пересохшего от болтовни рта, Том уже совсем было собирался пойти и промочить горло. Но не успел. Очень серьезный, словно услышавший глас с неба чернокожий коридорный позвал его к телефону. Телефон, черный ящик с наборным диском с цифрами, выглядывающими в отверстия и с тремя буквами напротив каждой цифры, выгравированными на центральном круге, ждал Томпсона на стойке у портье. Разговор занял меньше минуты. Назавтра ему надо было быть в Белом Доме на церемонии награждения ровно в полдень. Но вот о том, как он туда будет добираться, никто явно не подумал. Впрочем, Том просто договорился о вызове такси. И отправился в номер, готовиться к завтрашнему торжеству.

Наутро, блестя начищенными ботинками и значками на парадной форме, Том важно прошел по коридору. Отметив, кстати, что бравый сержант-парашютист не был интересен никому, кроме пары местных работников, видимо знавших, куда и зачем он отправился. Такая ситуация давала надежду, что в этом отеле ему удастся пересидеть свою «минуту славы». Если, конечно, тот журналист не проболтается, где он нашел героя своего интервью.

Автомобиль вез Тома по улицам столицы, радикально изменившимся со времен прошлого посещения. По тротуарам ходили в основном военнослужащие в самой разнообразной форме, от матроской до пехотной и женщины в форме вспомогательных служб. Машин на улицах стало меньше, особенно гражданских, зато появилось множество велосипедистов. Недалеко от Белого Дома, на здании, в котором, по словам таксиста, до войны располагался театр, висела вывеска солдатского магазина. И негры... их количество, и так немалое, за прошедшее время явно увеличилось в несколько раз.

Такси подвезло Тома прямо к чугунной ограде парка, за которой виднелся фасад резиденции президента. Стоящие у ворот охранники насторожились. Двое из них, положив руки на кобуры, двинулись по тротуару в сторону такси. Том поспешил расплатиться и выйти навстречу. Как оказалось, его фамилия в списке была, поэтому долго ждать не пришлось. Негр — слуга, вызванный охранниками, проводил его в небольшую приемную, где уже сидел пехотинец, тоже в парадке и начищенных до блеска ботинках. Появившийся словно чертик из табакерки невысокий полноватый мужичок быстренько проинструктировал обоих:

— ... с ответами не тянуть. Речи для вас написаны. На зачитывание — четверть часа, не больше. Все мероприятие должно уложиться в час. Понятно? Пять минут, прочесть текст и за мной!

Текст Томсон дочитывал уже на ходу.

Церемония происходила в Овальном кабинете президента, на втором этаже. наших героев встретила Грейс Талли, секретарь президента, среднего роста женщина с красивым, хотя и несколько грубоватым на вкус Томми, лицом. Повторив инструктаж, она расставила их по фамилиям, в результате чего Том оказался последним в своеобразной очереди, и исчезла за дверями кабинета. Ожидание не затянулось, первые двое награжденных уложились в сорок минут, пролетевших для задумавшегося о дальнейших планах Томпсона незаметно. Наконец, секретарь пригласила и его.

Он спокойно вошел в дверь, еще не успев отойти от своих размышлений, и оказался в довольно скромном помещении, небрежно мебелированном, с гравюрами на морские темы и семейными фотографиями на стенах. Часть помещения загромождали своими камерами киношники, сбоку от них пристроился фотограф. Сам президент, дородный мужчина с умным, волевым раскрасневшимся лицом, сидел в коляске за столом, весело глядя на входящего строевым Тома. Сбоку от него, ближе к окну, стояли двое в униформе, один в морском мундире, второй — в армейском. «Министры — военный и морской, — подумал Томпсон, отдавая честь и представляясь. — А гражданский что за спиной, похоже этот... как его... Гопкинс. Или Уиллес?».

Само награждение прошло как-то, неожиданно для сержанта, обыденно. Президент надел ему на шею медаль на ленте, коротко поздравил и крепко пожал руку. Присутствующие, включая журналистов, радостно при этом улыбались, от души или по обязанности. Том вдруг понял, что забыл о чем ему говорить и начал импровизировать. Ну и речь же у него получилась! Журналисты, оба двое, еле успевали записывать. Десять минут ушли на то, чтобы рассказать о любви к своей стране и ненависти к нацистам, о великой миссии союзников и их дружбе, о солдатах и офицерах, готовых исполнить свой долг. Судя по лицам, его спич произвел отличное впечатление даже на президента. Который еще раз крепко пожал ему руку и заявил, что с такими парнями Америка непобедима. Потом Томпсона отпустили и он, как и положено солдату вышел строевым из кабинета. Тут же попав в руки президентского секретаря. Уточнив у Тома, не хочет ли он поучаствовать в пресс-конференции и получив отрицательный ответ, она мило улыбнулась и вызвала все того же негра. Он проводил сержанта какими-то боковыми коридорами к боковой калитке, через которую Том незаметно, по-английски, удалился из резиденции Президента.

К облегчению Тома, корреспонденты про отель все-таки не узнали, и он смог без помех переодеться и съездить в банк, а оттуда на биржу, где после нескольких недоразумений нашел контору и человека, порекомендованного ему в банке. О чем они говорили, истории осталось неизвестным, но разговор был длинным и явно очень выматывающим, поскольку сразу после него Том зашел в ближайшее же заведение с продажей пива и просидел там до вечера. А на следующий день он, снова в парадной форме при всех орденах, вышел из такси у здания, занимаемого Министерством Обороны. Уже знаменитое здание было построено на месте бывшего негритянского квартала и добираться сюда от ближайшей остановки трамвая пешком ему совершенно не хотелось. К тому же он получил жалование за все время пребывания в госпитале и сейчас мог позволить себе пошиковать.

Новенькое, законченное совсем недавно здание символа американской военной мощи вблизи Тома отнюдь не впечатлило. Большая бетонная светло-сероватого цвета пятиэтажка и не более того. Ну, разве что помпезная колоннада у входа несколько не вписывалась в эту характеристику. На проходной дежурила пара пехотинцев в повседневной форме с кобурами на снаряжении, из которых выглядывали рукоятки армейских револьверов «Кольт», быстро

нашли его имя в списке и даже объяснили, как добраться до нужного кабинета. Вся обстановка в холле, включая и несколько телефонных будок была новенькой, словно только что привезенной и установленной.

Том влился в довольно-таки густой людской поток, неспешно текущий по внешнему кольцу, с любопытством разглядывая окружающее. В этом новом старом мире использовали старые добрые строительные материалы. Поэтому все вокруг дышало основательностью и непоколебимостью. Казалось даже прямое попадание фугаски в две тысячи фунтов весом не способно ничуть потревожить эти стены. Из основного коридора он перешел в один из десяти радиальных, пронизывающих здание с первого кольца до последнего и менее чем за семь минут с момента прохождения проходной оказался у нужного ему кабинета.

Клерк министерства обороны, встретивший Тома прямо у дверей, был сама прирожденная любезность. Казалось, он сейчас прямо тут за столом помрет от радости лицезреть героя войны, награжденного самим Президентом. Именно этот приторно-сладкий вид чиновника сразу заставил Тома насторожиться.

— Мистер Томпсон, для вас у нас имеется отличное предложение. Мы включаем вас в группу ветеранов и направляем в агитационную поездку по стране. Сроки пока не определены, но не позднее чем через неделю.

Том посмотрел на истекающего сладкой патокой клерка и неожиданно даже для себя самого ответил.

— Нет.

Клерк даже привстал из-за стола и сейчас смотрел на сержанта так, словно увидел перед собой сумасшедшего.

— Извините, я что-то плохо расслышал вас. Вы отказываетесь от нашего предложения?

— Отказываюсь, — мрачно глядя на чиновника подтвердил Том. — У меня осталась куча должников по ту линию фронта, с которыми я еще не рассчитался за своих парней.

Видимо это объяснение для собеседника было вполне приемлемым и понятным.

— Хорошо. Тогда я попрошу вас подождать. Доложу о вашем решении боссу, — успокоился он. И вышел, оставив Тома сидеть в пустом кабинете, со столом, на котором лежала всего лишь одна газета. Причем сержант успел заметить, как на лице чиновника промелькнуло выражение, которое «второе Я» Томпсона грубо перевело как: «Ну, ты и лох!»

Появился клерк довольно быстро, но не один — в сопровождении полковника. Толик сразу вспомнил старый анекдот, про места, где есть: «Товарищ полковник», просто: «Полковник» и «Эй ты, полковник!» «Похоже, военные министерства всех стран ничем в этом смысле не отличаются», — подумал он, вставая и принимая стойку «смирно».

— Ага, вот и наш герой, — полковник Миндербиндер с явным удовольствием осмотрел бравого подтянутого парашютиста, — ну что же. Джим доложил мне о вашем благородном решении. Очень хорошо. Но на фронт вы сразу не попадете, ибо у нас имеется рекомендация командира дивизии о направлении вас на офицерские курсы. Думаю, в этом случае вы не будете возражать?

— Никак нет, господин полковник, сэр! — в лучших армейских традициях ответил Том.

— Вот и славно. Служите. И разрешите пожать вам руку — чуть не прослезился полковник. — Но в одну поездку вы все же съездите? — попросил он.

— В одну? Нет проблем, сэр, — не стал упираться Том. — Но не больше.

— Жаль, — еще раз повторил клерк. — Ваша вчерашняя речь произвела впечатление на начальство, — клерк кивком указал на лежащую на столе газету. — Вам хотели предложить

очень выгодные контракты с кинофирмами. Но... — он развел руками, — раз вы так решили. Поедете через два дня, посетите Детройт, Чикаго, Санта-Фе и Лос-Анджелес. Поездом и самолетом. Через три недели вернетесь в Форт-Беннинг, на офицерские курсы. Вот предписание.

Клерк подал Тому уже готовую бумагу, отчего у последнего осталось впечатление, что его реакцию просчитали заранее. Впрочем, по большому счету ему на это было наплевать. Обналичив прилагающийся к предписанию чек тут же, в холле Пентагона в небольшой конторке «Бэнк оф Нью-Йорк», он пешком добрался до остановки трамвая. По пути он старательно использовал все свои знания и навыки по обнаружению слежки. Не обнаружил, чему очень огорчился. Поскольку, если даже у него и паранойя, то никакой гарантии, что мафия перестала за ним следить, у него не было.

Поэтому оставшееся время до отъезда Том провел в номере, практически не куда не выходя и наслаждаясь комфортом и одиночеством, как умеют наслаждаться этими неоченимыми благами люди, прошедшие через фронтовые условия.

Два дня пролетели незаметно, потом он, столь же внимательно отслеживая возможных наблюдателей, отправился на вокзал. Но опять никого не заметил, отчего расстроился и, быстренько познакомившись с остальными спутниками, завалился спать.

Поездки в Детройт, Чикаго и еще несколько городов не запомнились Тому ничем. Обычная командировка, только вместо продажи чего-либо или обучения чему-нибудь — лекции перед жителями и рабочими. Приятно, конечно, когда на тебя с восхищением смотрят девушки и с вниманием слушают люди постарше. Да, еще посмотрел, как выпускаются танки «Шерман» на арсенале в Детройте. Интересно, но дорожных неудобств не окупало. В общем, поездка казалась Томпсону самым неудачным способом убийства времени до самого Лос-Анджелеса. Там стало интересней, ибо их сначала свозили в киностудию «Парамаунт пикчерз».

Группа попала на съемки какого-то исторического фильма. В построенной наполовину модели древней хижины стояла вполне современная деревянная кровать, покрашенная морилкой и изображающая, судя по всему, старинное ложе обычного греческого дома. Актер должен был войти, увидеть кого-то на постели и на его лице при этом появлялась счастливая улыбка.

Первый раз у актера вместо улыбки вылезла самая настоящая вампирская гримаса. Второй дубль получился лучше, но не понравился режиссеру. Третья проба началась с того, что актер кого-то энергично послал из-за двери. За закрытой дверью несколько мгновений слышалось какое-то ворчание, шуршание и шепотки. Затем дверь распахнулась и появилось лицо актера. Он свирепо глянул в сторону камеры, затем опустил взгляд. Выражение его лица начало постепенно изменяться. Наморщенный лоб разгладился, рот неторопливо расплылся в счастливой улыбке, а глаза широко раскрылись. Он протянул руку в сторону кровати... и режиссер крикнул. — Стоп! Отлично, на этот раз получилось, — но он тут же увидел группу зрителей и разорался, требуя немедленно убрать «этих ублюдков, мешающих творческому процессу». Обескураженный проводник поспешил увести экскурсантов из павильона. Уходящий последним Томпсон успел заметить, как один из помощников, стоящих за дверями «хижины», торопливо прячет что-то похожее на бутылку «Джек Даниеэльса» за декорациями.

Впрочем, сама студия ему откровенно не понравилась. Слишком шумно, слишком вольные нравы и слишком много мужиков занятых неизвестно чем, вместо того, чтобы идти

на фронт. И поэтому он, в отличие от напарников, с удовольствием принял предложение съездить на предприятие по выпуску радиоуправляемых самолетов. Что Толик, кстати, воспринял с удивлением, не подозревая, что беспилотные летательные аппараты в это время строились серийно, а не как отдельные экспериментальные модели. Как оказалось, действительно строились. Небольшие беспилотные радиоуправляемые самолетики — высокопланы с маломощным дешевым двигателем, как оказалось, использовались американцами для тренировок расчетов зенитной артиллерии. Поразило попаданца не только то, что производилось, но и то, кто все это выпускал. Цеха были буквально оккупированы работницами, что стало для Тома неожиданностью. Ему-то казалось, что все эти снимки и плакаты с клепальщицей Розы всего лишь пропаганда. Так как из всей группы на этот раз поехали Том и еще один офицер-летчик, то выступать им пришлось дольше обычного. А после выступления их обоих окружила толпа местных работниц. К удивлению Тома, он пользовался даже большим успехом, чем летчик, очевидно из-за Медали Почета. Спрашивали обо всем, пока одна из самых бойких, симпатичная пухленькая девица лет восемнадцати на вид, не предложила уйти с завода куда-нибудь, где можно поговорить в более приятной обстановке. Летчик, которому оказывали знаки внимания сразу две девушки, с энтузиазмом согласился. Том, подумав, тоже. Сопровождающий от администрации как-то незаметно испарился вместе с их руководителем, поэтому никто не мог ими командовать.

В результате, через четверть часа ходьбы, поредевшая компания в составе трех девушек и двух военных оказалась перед дверями бара «Пьяный Дракон».

9. СтеклЯнный замок

Поднявшись по серым каменным ступеням, через туго открывающуюся дверь они прошли в длинное узкое помещение, в котором два бармена в белых куртках смешивали напитки для десятка людей, сидящих вдоль длинной стойки. Еще два официанта мотались по залу, обслуживая сидящих за столиками.

Один из официантов, заметив вошедшую компанию, направился к ним. Тут же Йоссариан, оставив девушек на попечении Томпсона, устремился ему навстречу. Перехватил и о чем-то поговорил. Официант, как заметил Том, сначала пытался возражать, но после того, как из рук в руки перешла одна зеленая бумажка, расплылся в улыбке и показал на ближайший свободный столик.

Не успели они разместиться, как тот же официант приволок поднос с двумя кружками пива и парой рюмок виски для мужчин и три коктейльных стакана с кока-колой для девушек. Выпили по первой. Заметив реакцию девушек, Том подумал, что пять «зеленых спинок» (прозвище доллара) не зря перекочевали от летчика к официанту. Кока-кола явно была «с прицепом». Так что через пару анекдотов (очень хорошо пошли анекдот про десантника и тигров) и столько же раз поднятых бокалов разговор как-то само собой распался на два направления. Йоссариан болтал о разных пустяках со своими двумя спутницами, а Том — с пригласившей их сюда брюнеткой, по имени Норма. Причем попытка еще раз завести общий разговор, рассказав анекдот о лучшем муже — слепоглухонемом капитане дальнего плавания, окончилась неудачей. Все немного посмеялись, причем Норма несколько нервнo и компания снова распалась на две. Том про себя прикинул, что девушка-то скорее всего технически уже не девушка, и наиболее вероятно что муж — моряк. Очень уж реакция характерная. Поэтому стоит сменить тему. Он еще немного пошутил о том, что в армии интересней, чем на заводе. И неожиданно для себя обнаружил, что вполне серьезно обсуждает с ней ситуацию на фронте и возможный дальнейший ход войны. Нет, Норма конечно судила обо всем на уровне школьного дилетанта, но за этими наивными рассуждениями чувствовался незаурядный ум и стремление к знаниям. Его самого заинтересовал такой разворот в их беседе. Поэтому Том предложил покинуть бар и прогуляться по улице. Норма согласилась и, оставив свою долю оплаты на столике, они распрощались с весело щебечущей о пустяках компанией.

По улице они прошли совсем недалеко и оказались около довольно-таки мрачновато выглядявшего дома явно постройки прошлого века.

— Вот и мое жилье, — грустно сказала Норма, остановившись под фонарем и показав на это обшарпанное строение.

— Очень интересное здание. Выглядит совершенно нежилым, — хитро улыбнулся Том. — Может быть ты все же разубедишь меня в этом?

— А, пошли, — вдруг решила она. — Только бы Марта спала.

— Кто такая?

— А... — Норма махнула рукой. — Есть тут такая старая крыса. Все следит за моим поведением. Предполагаю, хочет потом донести..., — она не договорила, проглотив последнее слово и начала рыться в сумочке, доставая ключи.

Потом они относительно долго пробирались по темному извилистому коридору, пока наконец не остановились перед свежепокрашенной в веселый салатoвый цвет дверью.

— Домовладелец разрешил, — поняв невысказанный вопрос Тома, прокомментировала состояние входа в свое жилье Норма. Еще один поворот другого ключа и они оказались в комнате. Норма тут же щелкнула выключателем и Толик смог увидеть, как живет обычная американская работница. Внутри квартирка казалась тесноватой и не слишком уютной. Хотя чувствовалось стремление хозяйки украсить свое жилище. Обои, хотя и слегка выцвели, но выглядели чистыми. Освещающая комнату тускловатая лампочка пряталась за оригинальной формы абажуром, похоже — самодельным.

«Бедненько, но чистенько, — мелькнула первая мысль, — ух ты, книги, — была вторая. — Нет, в те времена читали несколько побольше, чем в будущем, все-таки ни телевизора, ни интернета пока не было. Но читали в основном всякие развлекательные романы. А тут стояли книги, которые вполне можно было назвать классикой». На полке стояла даже «Американская трагедия» Драйзера, которую Толик читал в том далеком прошлом, которое еще не стало будущим.

— Любишь читать? — спросил Том, делая вид, что не замечает, как Норма старательно перекрывает вид на кровать, застеленную неновым по внешнему виду покрывалом.

— Очень люблю. А ты? — ответила она, перестав на время смущаться.

Разговор о прочитанных книгах (к своему стыду, Том не мог вспомнить и трети названных девушкой книг), как-то плавно перетек в обсуждение романа Драйзера и взаимоотношений Клайда и Роберты. А потом... рука Нормы незаметно оказалась в руке Тома.

Потом почему-то погас свет и некоторое время они сидели, тесно обнявшись и целуясь, прямо на кровати. Еще несколько мгновений они молча ласкали друга, снимая одежду слой за слоем, словно шелуху с луковицы. И едва спал последний слой, они оба, не стовариваясь, одновременно улеглись на заскрипевшую кровать. Некоторое время были слышны лишь ритмичные поскрипывания кровати да отрывистые вздохи. Затем Толику пришлось приглушить рвущийся из горла девушки крик долгим поцелуем. Они полежали некоторое время, отходя от охватившего их безумия. Потом Норма встала и начала что-то искать у себя в сумочке.

— Что ты там ищешь? — удивился Том.

— Сигареты. Кажется кончились, — ответила разочарованно Норма.

— Выкинь ты из головы эту ерунду. Иди сюда, я тебе такое покажу, мигом про сигареты забудешь, — Толик не любил курящих женщин. А научить неискушенную американскую невестенницу он мог многому, все-таки Америка сороковых была еще очень пуританской страной. И продолжала такой быть примерно до начала пятидесятых, как помнилось Толику.

В общем, показанные им новинки сначала были восприняты в штыки, через несколько мгновений — с любопытством, а потом понравились, и бурная сцена на кровати повторилась еще раз. После чего они, совершенно обессиленные, так и остались лежать в кровати. Немного погодя Норма уткнулась головой в плечо Тома и заснула. Тот еще некоторое время лежал, пытаясь разглядеть в нависшей полутьме потолок и прислушиваясь к ровному дыханию девушки. И наконец, задремал сам.

Громкий стук в дверь заставил его вздрогнуть и проснуться. Рядом, недоуменно оглядываясь, лежала проснувшаяся Норма, в полусне выглядевшая еще более милой и женственной.

— Что за чепуха? — спросила она недоуменно.

— А я знаю? Кто к тебе должен прийти? — ответил вопросом на вопрос Том, вскакивая

и привычно стремительно забираясь в униформу.

— Никто, — поднимаясь и надевая как по волшебству появившийся в ее руках халат, ответила она и двинулась к двери в которую стучали все громче.

— Кто там?

— Откройте, военная полиция!

Норма вопросительно посмотрела на Тома.

— Открывай, — прошептал он, двигаясь так, чтобы его было не видно из открытой двери.

Девушка, посмотрев на него, осторожно подошла к двери и аккуратно ее открыла. В проеме возникла мощная фигура показательного полицейского в полном снаряжении поверх стандартной униформы цвета хаки — в белой каске с буквами «МП», с висящими на боках кобурой «Кольта» и дубинкой, в белых крагах поверх брюк. За его плечом торчала голова второго такого же персонажа.

— Мисс..., — впечатление было такое, словно заговорила обезьяна из зоопарка.

— Миссис, — перебила его Норма.

— Извините, мэм. Миссис, — невозмутимо продолжил полицейский, а второй на мгновение радостно осклабился, — нам поступило сообщение, что у вас скрывается армейский дезертир.

— Дезертир? — натурально удивилась девушка, невольно поворачиваясь к Тому. Пришлось ему выйти из тени и показаться на глаза полицейским.

— Простите, сэр, — с иронией спросил он, — а откуда у вас такие сведения?

— Не ваше дело, — напрягся полицейский. И картинно положил ладони, вернее, на взгляд Тома, лапы, на кобуру и дубинку. — Пойдешь с нами, сардж, или применить силу?

— Только попробуйте, — начал было заводиться Том, но взглянув на обескураженную Норму, постарался успокоиться. — Ладно, парни. Пойдемте к вашему начальству и выясним в чем в дело. А ты, — он повернулся к девушке, — не волнуйся. Я на фронте выжил, что мне эти тыловые недоразумения. — Обняв и поцеловав под смехи полицейских раскрасневшуюся Норму, он повернулся к двери. Холодно взглянул и двинулся на выход, прямо на непроизвольно расступившихся перед ним полицейских. — Пошли, — скомандовал Том, заставив правоохранителей невольно подчиниться его команде.

Они вышли на улицу и прошли уже где-то полквартала, когда полицейские наконец опомнились.

— Хэй, Родж, — второй полицейский, высокий, но более худой и слабый, чем верзила, осознал сложившуюся ситуацию первым. — Этот чертов дезертир издевается над нами. Думает, раз нацепил «Пурпурное сердце» и сержантские знаки, то может вторить что угодно. Да и одет он для дезертира слишком шикарно. Нашему «мышонку» это не понравится.

— Ничего, мы это сейчас исправим, — громила, который шел впереди, отвечая, одновременно остановился. Быстро повернулся, выбрасывая вперед руку с дубинкой, целясь в живот. Вот только Тома в этой точке уже не было. Он среагировал на первые же слова «второго». И был готов ко всему. Дождавшись ответа Роджера, Том резко затормозил. Без размаха, но изо всех сил всадил кулак поддых не ожидавшему подобного «второму». Тут же отскочил в сторону, избежав удара дубинки и сцепив руки в замок, добавил согнувшемуся второму полицейскому по шее. Тот упал, отключившись. Первый полицейский, Родж, еще только поднимал дубинку для второго удара, когда стремительно двигавшийся Том словно

размазавшись в воздухе изо всех сил боднул его головой в грудь. Одновременно сержант ударил ногой под коленную чашечку полицаю. Подтвердив истину старой народной пословицы о громко падающем большом шкафе, не ожидавший атаки гроимила рухнул на брусчатку. Выронив дубинку, он непроизвольно схватился руками за ударенное колено. И не успел среагировать еще на один удар Тома, отправивший его во временную нирвану.

Сержант чувствовал себя как во вражеском тылу. Поэтому он не стал задерживаться, быстро обыскал упавших, забрав у полицейских все бумаги, один из револьверов и все патроны. Прохожих, из-за ночного времени, можно было не опасаться, а вот узнать, кто и зачем на него наехал требовалось срочно. Однако немного отдалившись от места схватки и остыв, Том решил, что срочность он слегка преувеличил, учитывая, что ночь еще не прошла. Поэтому он вернулся параллельной улицей к знакомому дому, в одной из комнат которого столь упоительно провел первую половину дня. Найти нужную квартиру оказалось проще простого — в окне еще горел огонек. О чем разговаривали Норма и Том и чем занимались до утра, история умалчивает...

Зато в отчетах военной полиции сохранились некоторые следы того, чем занимался второй лейтенант Том Джеррил, по прозвищу «Мышонок», командовавший военной полицией в Ван-Найсе. Получив доклад, что двое его подчиненных — Роджер Айвисенк и Стивен Джаллико не позвонили с контрольной точки, он сразу отправился в офис местного шерифа. Ну и заодно, как было «неофициально» известно лейтенанту, главы местной итальянской мафии, которой, как известно, не существует. Именно поэтому Люка Браззи спокойно исполнял обязанности как главного борьбы с преступниками, так и главного преступника этого небольшого пригорода Сан-Франциско. И неплохо справлялся со всеми своими обязанностями.

— Лейтенант? — деланно удивился шериф, увидев появившегося в дверях Джеррила. — Приветствую. Быстро вы, как посмотрю. Кто-то позвонил?

— Здравствуйте, шериф. Мои парни...? — полицейский уже понял, что предчувствие его не обмануло.

— Не волнуйтесь, лейтенант. Жить будут, — глядя честнейшими глазами прямо в лицо лейтенанту, ответил на невысказанный вопрос шериф. — И наши здесь не при чем, — заверил полицейского глава мафии. — Я проверил всех, с кем успел связаться, — подтвердил Люка недоверчиво рассматривающему его Джеррилу и предложил пройти в соседнюю комнату. Там на двух кроватях лежали незадачливые подчиненные второго лейтенанта. На первый взгляд казавшиеся абсолютно здоровыми. Да и на второй тоже, несмотря на суetyающегося рядом с ними местного доктора.

— И что с ними случилось? — удивленно спросил у врача лейтенант.

— Босс, побили нас, сэр, — ответил вместо доктора Родж.

— Кто? — еще больше удивился Джеррил.

— Банда дезертиров, — присоединился к разговору Стив. — Мы одного арестовали и конвоировали в часть, когда на нас внезапно напали еще..., — он замялся, — двое, сэр.

— Годдэм! Порко мадонна!^[15] — вырвалось одновременно у обоих присутствующих начальников. Которые отнюдь не обрадовались появлению такой шайки на их территории. Здесь, на вверенной им части Лос-Анджелеса, внешне царил мир и покой, полезный как для шерифа, так и для командира военных копов. И не только в разрезе возможной карьеры...

Потому что здесь занимались очень серьезными делами очень серьезные люди. Изготовить и распространить фальшивые талоны на бензин, устроить для нужного и

имеющего достаточно «зеленых спинок» (долларов) человека или его сына освобождение от призыва, достать не совсем законными путями и привезти для местного завода или магазина дефицитный товар — это очень ответственные дела, не любящие шума и суетящихся вокруг федеральных агентов. Поэтому оба — шериф и лейтенант — насели на «пострадавших» и давили их морально, пока не выяснили все подробности. После чего Джеррил отправился в городское управление военной полиции, а шериф и сержант Макклейн с несколькими копами — в дом, которым владел Джек Хантер.

Том, конечно же обо всех событиях, связанных с его похождениями, ничего не знал. Но о том, что просто так это ни для него, ни для Нормы эта непонятная возня спокойно не закончится, не догадался бы только самый тупой герой какого-нибудь американского сериала. Поэтому остаток ночи он посвятил не только вкусно-полезным и приятным делам, но и разъяснению сложившейся ситуации Норме Джин. Впрочем она, как умная девочка, все поняла практически сразу. Поэтому утром, после нескольких мелких дорожных приключений, они оказались на улице рядом с проходной «Парамаунт пикчерз». И тут Тому с Джин очередной раз повезло. С ними почти столкнулся спешащий в сторону проходной посыльный с пакетом, в котором Том сразу узнал упаковку знаменитого виски. И тут же вспомнил об увиденном на съемках.

— Парень, подойди-ка сюда, — вежливо попросил он афро... тьфу, то есть обычного негра, работающего на фирме посыльным. — Ты ведь актеру это несешь.

— Да, сар. А в чем дело, сар? — с южным акцентом ответил посыльный.

— Не волнуйся, ничего необычного. Просто передай ему, что с ним очень хотел бы встретиться кавалер Медали Почета Конгресса. Вон в том баре... И желательно до начала съемок, — протягивая пару долларовых бумажек, объяснил свое поведение Том. Баксы испарились непонятно куда, а посыльный горячо заверил, что выполнит все, о чем его просил «масса офицер».

Ждать в баре «Синий краб» оказалось совсем не скучно. Это заведение очень любили местные полицейские и они с удовольствием выпили вместе с Томом, вернувшим на свое место на шее Медаль Почета, и его подружкой. К тому же и актер появился достаточно быстро.

— Вы хотели меня видеть, сержант? — удивленно спросил немолодой, лет сорока мужик типично скандинавского облика. — Отто, точнее Оттар, — представился он, — Карлссон.

Толик невероятным усилием воли удержался от смеха, но видимо на его лице что-то такое отразилось, потому что актер очень уж подозрительно осмотрел как его, так и сидящую рядом Норму. Однако Том представился в ответ, представил девушку и предложил вначале выпить. Похоже, от этого Оттар отказаться не смог. А после первой разговор начался как бы сам собой, причем сумела его завязать как раз Норма Джин.

Выпили еще по рюмочке, после чего актер внимательно посмотрел на Тома и спросил.

— Могу я уточнить, чем вызвано столь внезапное желание познакомиться со старым, вышедшим в тираж актером...

— Ну, не такой уж вы и старый, — улыбнулась девушка. — И в фильмах снимаетесь...

— Категории Б, — грустно усмехнулся Отто.

— Норма, извини, но мне показалось, что тебе надо припудрить носик, — ласково попросил Том. Стрельнув в него глазами, девушка, тем не менее, без возражений встала из-за стола и скрылась в «дамской комнате».

— Понимаешь, Отто, у моей... хорошей знакомой очень тяжелая ситуация. Муж в море, с семьей не сошлись, из-за того, что она в кино хочет сниматься. И тут я вспомнил о вас... — еще несколько минут обсуждений, уговоров и, наконец, решившего вопрос весомого аргумента в виде чека на полторы сотни баксов, Карлсон согласился помочь «бедной девушке». Которую и огорошил сразу по возвращении к столику.

— Вы хотите быть актрисой? Вам повезло — у нас ушла исполнительница одной из второстепенных ролей, я поговорю с продюсером, чтобы попробовали вас на ее место. Не возражаете?

Норма держалась великолепно. Неожиданное известие о «ее» стремлении ничуть не отразилось ни на ее лице, ни на поведении. Она лишь на секунду замерла, а потом разулыбалась, словно получив известие о внезапно свалившемся на нее наследстве в пару миллионов. И начал горячо благодарить своих спутников.

«Какая актриса пропала», — усмехнулся про себя Том. — Но я думаю, что тебе надо будет взять псевдоним, — сказал он, едва похвальный спич закончился и Норма решила промочить горло глоточком кока-колы. — Была у меня знакомая актриса, которую звали Мэрилин. Тебе это имя очень подходит, — предположил он, внутренне смеясь.

— Точно. Псевдоним вам не помешает, милая моя... племянница, — подмигнув, добил собеседников Отто.

— Мэрилин, — внешне спокойно повторила Норма, словно пробуя имя на вкус. — Неплохо. Но, «дядя», — иронически улыбаясь, она ухитрилась так произнести это слово, что скобки почувствовал бы даже поляк. — Только фамилию тоже надо поменять. Пусть будет — Монро, в честь мамы. Мэрилин Монро... неплохо, как вы думаете?

Услышав это, Толик, как раз глотнувший виски, поперхнулся. Алкоголь, не успевший упасть в желудок, брызнул изо рта, оставляя пяты на скатерти и форменных брюках. От полного конфуза Тома спасло только то, что все отвлеклись на эффектное появление в дверях десятка военных полицейских во главе с лейтенантом. Трое остались на входе, еще трое бегом, маневрируя между столиками, перекрыли заднюю дверь. Остальные, во главе с лейтенантом, держа наготове дубинки, двинулись к столику, за которым сидела наша компания.

— А что за явление? — удивился Карлсон, поигрывая взятой со стола массивной солонкой.

— А это меня арестовывать идут, — ответил Томпсон. И допил стопочку виски.

— А, ну-ну, — ответил на это Оттар, не выпуская солонку.

— Не вмешивайтесь, — заметил Том. — Это тебе, — он передал Норме заранее приготовленный небольшой конверт. И лишь отрицательно покачал головой на ее попытку что-то возразить.

— Сержант? — подошедший тем временем к столику лейтенант военной полиции остановился напротив Томпсона. Его подчиненные, грамотно разбившись на пары, перекрыли деснатнику пути отхода.

— Так точно, сэр! — поднявшись и отдав честь, ответил Том. — Сержант Том Томпсон, сэр, пятьсот пятый полк восемьдесят второй парашотно-десантной дивизии, сэр.

— Вы арестованы, — заявил лейтенант, положив правую руку на кобуру револьвера.

— Не шалю, никого не трогаю, спокойно разговариваю в баре, — издевательским тоном ответил, недружелюбно насупившись, Том, — и еще считаю своим долгом предупредить, что без предъявления ордера на арест не двинусь с места.

— Ордер есть, — продолжая удерживать правую руку на кобуре, лейтенант левой рукой достал сложенную в несколько раз бумагу из кармана.

— Неужели? — притворно удивился Томпсон, — Ну, раз так, я сдаюсь десятку ваших храбрых полицейских! — вызвав дружный смех присутствующих, громко добавил он.

Пока Тома арестовывали, предъявляли обвинение и сажали в гарнизонную тюрьму, в одном знаменитом кабинете в другом полушарии Земли два человека встретились для обсуждения вопросов, среди них были и касающиеся Тома — Толика.

— Лаврентий, — разговор шел на грузинском, — что удалось узнать по «Пророку»?

— Ничего, товарищ Сталин, — собеседник наклонил голову к столу с лежащей на нем папкой для бумаг. — Никаких следов. Ни один наш агент, ни в администрации, ни в буржуазных кругах ничего не обнаружил. Ни следов какой-либо группы, ни приближенного к правительственным кругам и имеющего доступ к такого рода сведениям, а также способного выдать прогноз такого уровня, советника мы пока тоже не обнаружили. Но все, что поддается в настоящее время проверке, соответствует написанному в послании.

— Хорошо. Продолжайте поиски, только осторожно. И попробуйте все же дискредитировать господ Даллесов и Гувера.

— Начали, товарищ Сталин. Осторожно, но сразу по всем направлениям. Очень сложно, так как Рузвельт к ним хорошо относится. Даже если не учитывать поддержку определенных кругов американской элиты.

— Но вы продолжайте операцию. Пусть не сразу, однако рано или поздно результат, как я полагаю, будет, — усмехнулся в усы хозяин кабинета. — А что у нас по реактивному двигателю «С»?

— Работаем, — твердо ответил собеседник. — Не хватает специальных станков и сталей. Завенягин и Вознесенский обещают решить вопросы, но не ранее середины следующего года.

— Плановый срок сдачи готового изделия изменить сможем?

— Нет, товарищ Сталин, практически невозможно. Как и ранее планировали — третий квартал сорок шестого.

— Необходимо ускорить, Лаврентий. Жизненно необходимо. Сам же мне данные принес — партнеры будут готовы к июлю-августу сорок пятого. Нам нельзя отставать от них больше чем на несколько месяцев, иначе у них будет неодолимое искушение шантажировать нас.

— Не могу твердо обещать, товарищ Сталин. Приму все меры, но сами понимаете...

— Понимаю, Лаврентий, но надо...

Однако Тому было совершенно не до каких-то разговоров, пусть даже и решающих судьбы мира, так как сразу на следующий день его прямо из камеры этапировали на заседание трибунала.

В небольшой комнате, куда его завели, с трудом размещались стол и два стула — один по одну его сторону, второй, соответственно, по другую.

На одном из стульев сидел унылого вида лейтенантик, самой запоминающейся чертой облика которого были огромные роговые очки, сидящие на большом, чисто семитского вида, носу.

— Мы привели вам арестованного, — с порога объявил один из военных копов, громадного роста квадратный детина с нашивками старшего сержанта. «Откуда их только набирают, таких, — мелькнула в голове Тома несвоевременная мысль. — Как копируют на

ксероксе. Та-ак. А вот про ксерокс хорошо бы не забыть. Его, кажется, как раз в это время изобрели...»

— Я назначен вашим адвокатом. Лейтенант Аарон К. О'Брайен, — первым представился лейтенант. Том представился в ответ. — Ну что же... я ознакомился с вашим делом, сержант, — выпроводив жестом полицейских, начал лейтенант. — Прямо скажу, не вижу поводов для оптимизма. Нападение на военную полицию, захват оружия и документов...

— Извините, что перебиваю, господин лейтенант, сэр! Позвоните в офис местного шерифа и узнайте, получили они посылку со всем вами описанным, сэр, — Том принял стойку смиренно. — А если учесть сопутствующие обстоятельства...

— Так, так, так... Присаживайтесь, сержант и ознакомьте меня с этими обстоятельствами поподробнее, время у нас еще есть.

Два часа до начала судебного заседания протекли весьма результативно. Вид лейтенантика стал менее унылым, а очки неожиданно бодро поблескивали в пробивавшихся через шторы на окне солнечных лучах. Наконец их пригласили в зал суда, большое помещение, в мирное время служившее, судя по сохранившимся кое-где украшениям, для танцев. Том и О'Брайен разместились за небольшим письменным столом напротив длинного черного массивного стола. Едва они заняли свои места, как сержант военной полиции объявил.

— Встать, суд идет!

Они вытянулись по стойке «смирно», когда члены суда начали заходить в зал.

Пятеро членов суда разместились в креслах вдоль стола, бросая грозные взгляды на присутствующих, а за дальним от Тома торцом стола устроился судебный обвинитель — суровый с виду, седовласый майор. За еще одним маленьким столиком, со стоящей на нем пишущей машинкой, разместилась красивая блондинка в военной форме.

Председательствующий подал знак и обвинитель, встав, объявил неожиданно резким голосом, что суд третьей ступени во главе с майором Брэдли Мэннингом назначен по приказу командующего гарнизоном для рассмотрения дела «Армия против Томпсона», сержанта, в обвиняемого в нападении на военных полицейских, сопротивлении аресту, захвате оружия и документов у полицейских, а также в вступлении в интимные отношения с замужней женщиной. Он зачитывал пункты обвинения и номера статей, и по мере их перечисления вид адвоката становился все более унылым. Хотя Тому казалось, что лейтенант больше играет на публику. А председатель суда все более мрачнел и под конец смотрел на Тома взглядом завидевшего добычу тигра.

— Подсудимый, выслушав обвинение и его толкование, признаете ли вы себя виновным? — едва обвинитель закончил свою речь, спросил он.

— Никак нет, господин майор, сэр! — вскочив, браво ответил Том.

Обвинитель, с иронией посмотрев на стоящего по стойке смирно Томпсона, заявил, что продолжает поддерживать все пункты обвинения. И предложил вызвать свидетеля обвинения Роджера Айвисенка. Направляемый умелыми вопросами обвинителя, полицейский довольно внятно изложил как они, используя данные патриотично настроенного осведомителя, поймали дезертира, который к тому же неожиданно напал на них, чем подтвердил свою злодейскую сущность. Однако адвокат неожиданно показал высокий класс работы.

— Итак, вы утверждаете, что получили от неназванного вами осведомителя сообщение,

что в этой квартире скрывается дезертир? — глядя сквозь очки на Роджа, спросил он. — И вы, конечно же, сразу доложили об этом вашему начальнику и получили ордер для того, чтобы войти в квартиру?

— Ну, понимаете, сэр..., — замялся Айвисенк.

Ему на помощь пришел представитель обвинения, тут же заявив, что адвокат задает провокационные и предвзятые вопросы.

— ... К тому же, полицейские должны были учитывать, что дезертир может скрыться...

— Извините, что я вас перебиваю, господин майор, сэр, — ехидно заметил Аарон, — вы полагаете, что исходя из оперативных и патриотических соображений, полиция обязана нарушать закон и Конституцию республики? К тому же, я требую вычеркнуть вашу реплику о дезертире, ибо пока не доказано, что мой подзащитный таковым является.

После пары минут взаимных обвинений и споров с обвинителем О'Брайен добился включения в протокол вторжения в частное жилище без ордера и даже без команды начальника. При этом ему пришлось согласиться на оставление слова дезертир, с оговоркой, что это было просто предположением.

Опрос второго полицейского, Стивена Джаллико, вначале шел по той же схеме. Но вот второй вопрос адвоката оказался для Стивена неожиданным.

— Скажите, мистер Стивен... Что делал ваш напарник, в момент, когда на него напал мой подзащитный? — ехидным тоном неожиданно спросил адвокат.

— Э-э-э, замахивался дубин..., — поняв, что говорит что-то не то, Стивен поперхнулся на полуслове. Но Аарона было уже не остановить.

— То есть вы подтверждаете показания моего подзащитного, что вы собирались избить его.

— Мы? Да, то есть, нет, сэр! Он же сильнее, — ответил совершенно обескураженный Джаллико.

— Неужели? — иронию в этом простом вопросе мог не уловить только слепоглухонемой. — Господин председатель, — обратился О'Брайен к майору Мэннингу, — вы разрешите встать вместе обоим свидетелям обвинения?

Майор слегка обескуражено согласился.

— А теперь я попрошу встать моего подзащитного, — продолжил адвокат. И зал буквально взорвался смехом, слишком уж наглядной была разница между двумя мордоротами в полицейской форме и Томпсоном, выглядевшим на их фоне худым слабаком. Несколько минут понадобилось для успокоения зала и завершения очередного спора между адвокатом и обвинителем. Вопрос лейтенанта полиции прошел спокойно. При чем тот неохотно подтвердил, что документы и оружие полицейских действительно возвращены в офис местного шерифа, а имеющиеся у полиции документы не дают оснований считать сержанта дезертиром.

Больше свидетелей у обвинения не оказалось. Аарон же посчитал, что свидетелей защиты вызывать и не стоит. Тогда председательствующий решил начать прения сторон. Первым выступил обвинитель. Практически повторив все изложенное в начале суда, он внес в свою речь незначительные изменения, признав, что полицейские вынуждены были пойти на частичные нарушения закона в стремлении задержать дезертира.

— Ваше слово, лейтенант О'Брайен, — едва закончил обвинитель, приказал майор, которому явно надоело сидеть в зале.

— Я буду краток, сэр, — твердо заметил адвокат. — Мой подзащитный невиновен, ибо

не является дезертиром. Это доказывают показания лейтенанта и документы сержанта, которые в данный момент находятся в зале суда и могут быть предъявлены членам суда. Кроме того, я считаю абсурдным обвинение моего подзащитного, награжденного Пурпурным Сердцем и Медалью Почета Конгресса, и находящегося в городе в составе группы министерства обороны с целью ознакомления наших сограждан с положениями на фронтах, в дезертирстве. Кроме этого, я вынужден обратить внимание суда, что арест подзащитного был проведен с серьезными нарушениями законов и с попыткой избиения. Поэтому считаю необходимым оправдать сержанта, кавалера Медали Почета Конгресса, Тома Томпсона, с восстановлением в прежней должности.

— Господин председатель, адвокат забыл про адюльтер! — воззвал к суду растерянный обвинитель. — А это преступление карается отставкой с позором и лишением наград, и годом заключения в тюрьме.

— Извините, господин майор, сэ, — Аарон улыбался уже откровенно иронически, — вы, очевидно случайно, пропустили уточнение. Что все вами перечисленное предусмотрено в случае, если эти действия нанесли ущерб репутации армии. Что-то я не вижу предъявленных доказательств такого ущерба. И желающих судится с армией по этому поводу тоже. А как известно, нет пострадавшего — нет дела, — победоносно блеснув очками, закончил О'Брайен.

— Суд удаляется на совещание, — недовольным тоном заявил майор Мэннинг. Том приготовился ждать, но совещание закончилось неожиданно быстро.

— Суд... рассмотрев обстоятельства дела «Армия США против Тома Томпсона»... признает подсудимого полностью оправданным ввиду отсутствия состава преступления, — под радостный шум в зале объявил секретарь суда. Так что плохие предчувствия Толика, решившего, что его везению приходит конец и ему придется провести остаток жизни, изучая нравы американской армейской тюрьмы, не сбылись.

Через день, попрощавшись с пришедшими его проводить Отто и Нормой, Том сел в рейсовый самолет. Впереди его ждали Курсы офицеров и война.

10. Самая длинная ночь

И опять мерно гудели двигатели, унося в ночь самолеты. Волна за волной «Скайтрейны», (они же «Дакоты» или «Бешенные Дуги», Си-47) неслись в ночном небе от берегов Англии к «крепости Европа». Англо-американские войска решились наконец поддержать своего союзника полностью и открыть второй фронт. Впрочем, как подозревало большинство населения и руководство этого самого союзника — просто потому, что иначе война могла закончиться и без участия англо-американцев. Потому что русские армии уже пересекли границу СССР и двигались на запад, к границам нацистской Германии.

Впрочем, Тому, сидящему на жесткой скамейке рядом с дверью, из которой ошутимо дуло, было не до высокой политики. Да и до низкой, признаться, тоже. В открытую дверь он видел, что все пространство, которое мог охватить взгляд, было заполнено массой транспортных самолетов. Великолепный вид, внушавший безграничную уверенность сидящим внутри десантникам в скорой и безусловной победе. Только вот в отличие от них, Толик помнил о высоких потерях при высадке и длительных позиционных боях. И ему очень хотелось выжить.

Стараясь отвлечься от мрачных мыслей о предстоящих боях, он вспоминал обучение на курсах офицеров. Хотя, если подумать и вспоминать-то было нечего. Три с половиной месяца по двенадцать-пятнадцать часов в сутки на учебу и тренировки, один выходной в неделю, в который лично Том изучал пропущенные или плохо усвоенные материалы — и никаких приключений. «Даже мафия, казалось, забыла обо всех претензиях к нему. Так что всё строго по классику: «Учиться, учиться и учиться», — Томас невольно улыбнулся, представив себе, чтобы сказал их преподаватель тактики на эту цитату. — «Были, конечно, и пара встреч с «инженером ноль-ноль-семь», то есть Джеймсом Бондом из Ай-Би-эм. Но это не развлечение, это тоже работа. Отчисления от патентов никогда не помешают... Единственное развлечение — письма от Нормы. Вот кому явно повезло, попала в свою стихию. Снимается уже во втором фильме... Она даже согласилась в конце концов принять предложенное им имя. Вот только с учетом фамилии получается очень интересное совпадение... Неужели это просто совпадение?» — он еще обдумывал со всех сторон неожиданно пришедшую в голову мысль, когда внизу вспыхнули огоньки.

— Зенитки с островов! — наклонившись, крикнул ему в ухо выпускающий, передав полученное от летчиков сообщение. Впрочем, никто, кроме Томпсона и экипажа, на этот обстрел внимания не обратил, так как весьма интенсивный огонь немецкой артиллерии оказался очень неточным. Снаряды рвались где-то в стороне и ниже летящей армады.

Том отвернулся от дверей, оглядел внутренности «железной птицы». В общем, все было нормально, парашютисты, похожие в надетом на них снаряжении на беременных медведей, сидели сравнительно спокойно. Кое-кто пытался дремать, прикрыв глаза, остальные сидели, толи молясь про себя, толи что-то вспоминая. Сидящий рядом с взводным сержантом молоденький десантник явно и сильно нервничал. Настолько, что Томсон постарался взглядом указать на него Ковбою. Да, новоиспеченный второй лейтенант Томпсон получил во взвод «опытного, обстрелянного сержанта, способного держать солдат в руках». Так решил комбат, еще не зная, кого ставят на должность.

Что сказал Джон соседу, Том узнал, конечно, позже. Пока же он увидел как Уэйн наклонился к уху соседа и, скаля зубы, проорал что-то.

— Боишься, салага? — сказал сержант. Солдатик вздрогнул и прокричал в ответ. — А ты думал, сардж? Это вон они, — он кивнул в сторону мешков со снаряжением, лежащих рядом с десантниками, — ничего не боятся. А нам положено Богом. А кстати — может ты, сардж, знаешь, как от страха верней всего избавиться?

— Да очень просто, салага. Надо побольше страху на немца нагнать. Чтоб на тебя не осталось, — проорал, по-прежнему скалясь вместо улыбки, Джон и они заржали, немного нервно.

Тем временем самолеты пересекли линию французского побережья, пролетели мимо смутно различимого внизу из-за затемнения городка и неожиданно влетели в густой туман. Все это время зенитная артиллерия немцев молчала, но Том смутно подозревал, что это ничего не значит и к моменту высадки все переменится.

Туман, а вернее облако, было настолько густым, что выглянув в дверь, Том не увидел даже крыльев самолета. Если бы высота была ниже, его можно было принять за поставленную немцами завесу. Сколько не вглядывался Томпсон, ни земли, ни других самолетов ему разглядеть не удалось. Казалось, что кроме одного единственного самолета и сидящих в нем десантников, в мире больше никого не осталось. Толик даже подумал, не попадут ли они еще куда-нибудь, провалившись во времени и пространстве. Но самолет продолжал лететь, плавно снижаясь, и вскоре облака начали рассеиваться. Сразу же вокруг начали рваться снаряды зениток. В самолет даже попал целый снаряд калибром не меньше тридцати семи миллиметров, который прошел фюзеляж насквозь, не взорвавшись и не нанеся большого вреда машине, причем всего в дюйме от головы Джона. Спасаясь от обстрела, летчик резко развернул самолет в сторону, окончательно запутав Тома. Он не видел ни знакомых ориентиров, ни других самолетов, только к северу от курса полета мелькало что-то похожее на широкую реку.

Из зоны артиллерийского огня самолет выскочил, но сразу же попал под пулеметный. Звук от пуль, бьющих о корпус, напоминал звук от попадания гальки по железной крыше. Самолет снижался и одновременно с этим усиливался обстрел, но никто из парашютистов и экипажа пока не был ранен.

Самолет снизился еще больше и пилот дал сигнал на выброску. Все зашевелились, поднимаясь и закрепляя карабины вытяжных систем на тросе под потолком. Земля продолжала поливать их сильным ружейно-пулеметным огнем, но бояться у Тома уже не хватало сил. Секунды на три он задержался, чтобы перед прыжком взглянуть на местность, а потом скомандовал высадку и первым выскочил из самолета. Привычный отсчет и рывок основного парашюта позволяли надеяться, что все закончится хорошо, хотя трассирующие пули, летящие рядом, стремились убить надежду. Некоторые из них пробивали шелк парашюта, и он ощущал это по натяжению строп. Одна из очередей пробила мешок, который болтался ниже. Невероятно, но ни одна пуля не задела его, зато в мешке получилась такая дыра, что он позднее долго удивлялся, почему из него все не вывалилось. На лету отстегнув от снаряжения свой «Бэби Гаранд», он дал несколько коротких очередей вниз, не столько стараясь в кого-то попасть, сколько для собственного успокоения.

Приземлился он среди стоящих ровными рядами деревьев, кажется, в каком-то саду. Том погасил парашют, скинул «упряжь». Собирать купол времени не было, как, впрочем, не было и смысла. Если немцы еще не поняли про десант — то к утру узнают точно. Между деревьями, заставив его перехватить карабин наизготовку, бродили какие-то темные силуэты, животные. После нескольких мгновений паники, взглядевшись при свете луны, он

узнал коров. Не обращая внимания ни на грохот стрельбы, ни на валящихся с неба людей, они меланхолично щипали траву и жевали свою жвачку.

Из-за деревьев выскочили несколько силуэтов.

— Кто идет? Кока? — окликнул Том, присев и наведя на них карабин.

— Кола, сэр, — ответил первый, в котором лейтенант с облегчением узнал Ковбоя.

— Свои, свои, — подтвердили двое его спутников.

— Сэр, вы в порядке? — приблизившись, уточнил Джон.

— Само собой, сардж. Ты как?

— Тоже в норме, сэр. Со мной Миллер и Джон. Я успел заметить какой-то городок в полумиле на юг. Похоже, там идет бой. Будем двигаться туда?

— Конечно, Джон. Только сначала соберем взвод.

Обвешавшись снаряжением, они дружно устремились на юг, откуда доносились отдаленные звуки перестрелки, перемежаемые колокольным звоном.

— Кто-то точно в городок попал, — заметил на бегу Ковбой.

— Похоже, — согласился Том. — Джон, осмотри-ка вон ту канаву. Мне кажется, или там кто-то..., — лейтенант еще не успел закончить фразу, как из канавы выскочили, словно чертики из табакерки, два смутно различимых силуэта. Обмен кодовыми словами завершился благополучно и к группе Томпсона присоединились еще два бойца.

Из сада вышел уже больше взвода. К тому же рядовому Миллеру повезло найти один из сброшенных с их самолета контейнеров с «базукой» и боекомплект к ней. Получив такой весомый аргумент, в дополнение к почти полусотне солдат, Том раздумывал, а не войти ли в город, в котором все еще продолжалась стрельба.

Тучи окончательно разбежались, полностью очистив небо. И в ярком лунно-звездном свете, поднявшись на небольшой холмик, который в этих местах вполне мог сыграть роль стратегической возвышенности, лейтенант и его подчиненные увидели небольшой уютный городок, утопающий в зелени. Отсвечивали камни мощеных улиц и черепица крыш невысоких домов, на некоторых из которых выделялись темными пятнами написанные краской лозунги или вывески, а может и реклама. На ближайшей к американцем окраине, у обочины шоссе, приютились заправочная станция, и несколько задний, похожие на автомобильную мастерскую с гаражом. В центре города, скорее всего на центральной площади, что-то горело, оттуда же доносились выстрелы, то редкие одиночные, то истерично-захлебывающиеся очереди. Словно немцы отстреливались от кого-то внезапно появившегося с неба.

— Лейтенант, это же они наших добивают, кто к ним спустился..., сэр! — возбужденно воскликнул кто-то из солдат.

— Так точно, сэр, я только что видел нечто похожее на парашют, в том районе, — более спокойно доложил Ковбой.

— Тихо! Слушай мою команду! — Том, подумав, решил отправить в городок разведку. — Ковбой, возьми троих и вперед. Пройдете по улице до ближайшего удобного для обороны участка. Смотрите, конечно, как там джерри. Все как на учениях. Займешь оборону в подходящем месте, пришлешь посыльного. Мы за тобой, так что внимательней там. Особенно посматривай за возможными немецкими постами в домах.

— Есть, господин лейтенант, сэр! — официально, словно на плацу ответил Джон и, захватив с собой троих, исчез в ночной полутьме.

Том коротко довел порядок движения двум сержантам, те постарались объяснить все

рядовым и после небольшой задержки, вызванной естественно возникающим в таких случаях беспорядком, взвод двинулся вперед. Шли, держась поближе к стенам домов и настороженно поводя стволами, двумя цепочками по сторонам улице, прижимаясь к стенам домов. Том шел первым в левой цепочке, фактически возглавляя движение. Посыльный от Уэйна встретился им довольно быстро. Это был внешне тощий, а на самом деле свитый из мускулов, крутой ублюдок из «белого отребья» по кличке Дикси^[16], нарушитель дисциплины и проклятие сержантов в мирные дни. Но в боевых условиях он словно преображался. Война для таких как он, заметил как-то Ковбой — дом родной, такие в боевых условиях чувствуют себя лучше, чем в родной хижине. Заметив идущих навстречу десантников, он притормозил свой бег. Но быстро сориентировался и через несколько минут уже докладывал Томпсону на своем гнусавом, с протяжными гласными, типично южном говоре о занятом на окраине площади доме.

— Хозяева? Их мы в одной из комнат, подальше от огня, заперли, сэр. Да, джерри пока на площади толпятся...

Они двинулись скорым шагом, почти бегом, по-прежнему стараясь соблюдать тишину. Поэтому, когда из незаметного на первый взгляд проулка неожиданно выскочил, словно чертик из табакерки, вражеский патруль, немцы не успели ничего понять. Том, столкнувшись нос к носу к первым из немцев, не раздумывая, ударил прикладом своего карабина ему под подбородок. Хрустнуло негромко. Солдат в фельдграу упал на спину с грохотом, способным, как показалось лейтенанту, разбудить весь город. И застыл на тротуаре. С головой, вывернутой неестественным образом.

Второго, почему-то несшего на плече пулемет, успокоил Дикси. В прыжке выхватив из ножен свой нештатный тесак, он успел схватить немца за плечо. Несколько раз блеснул в свете Луны направляемый опытной рукой клинок. Брызнула темная, почти черная кровь. С грохотом упал на камни мостовой пулемет. Все застыли, держа пальцы на спусковых крючках, готовые немедленно открыть огонь.

— Что смотришь, мальчик-янки? Хватай хабар, — обернувшись, с азартом в голосе прошипел Дикси. И тут же исправился, продолжая впрочем, как ни в чем не бывало, вытирать нож об одежду убитого. — Виноват, господин лейтенант, сэр. Мне кажется, нам надо спешить.

— Еще раз забудешься..., — оскалился на него Толик и выразительно повел стволом, заодно отметив, что приклад «его конструкции» отлично перенес столкновение с челюстями нацика. — МакГроу ко мне, — бросил он назад, в цепочку стоящих за ним солдат. Через несколько мгновений рядом почти бесшумно нарисовался Алекс МакГроу — штатный пулеметчик из взвода, так и не нашедший контейнер со своим «Браунингом».

— Немецкий пулемет знаешь? — для проформы уточнил Том. Алекс молча кивнул и наклонился к валяющемуся MG-34.

— Дикси, помоги ему собрать трофеи. И смотри мне, без мародерки, — скомандовал Том. — Взвод, за мной, бегом! — судя по рассказу посыльного до занятого Ковбоем здания и, следовательно, до площади, на которой толпился немецкий гарнизон, совсем недалеко. Поэтому, решил Том, скорость сейчас стала важнее скрытности. «Успеть занять позицию, — билась в голове мысль. — И рассредоточится, черт побери! Не лезть же всей толпой в один дом!»

— Свенсон! — второй сержант, попавший под начало Тома нагнал его через пару секунд. — Бери свое отделение и займи соседний дом, — Томпсон на бегу махнул рукой,

показав на дом с другой стороны улицы. — И быстро, быстро, тюлени беременные! Когда нас обнаружат, вы уже должны быть на позициях! — закончив, Том сплюнул на бегу тягучую, словно простоявший несколько лет в банке мед, слюну и попытался восстановить дыхание.

Впрочем, сильно отстать от обогнавшей его тройки бойцов он просто не успел. Прямо перед ними нарисовалась гостеприимно открытая входная дверь...

Немцы, закончив свои дела на площади, уже начали строиться, когда на них совершенно неожиданно обрушился шквал огня. Американские парашютисты стреляли из окон двух домов, с чердака и даже из окошка полуподвала. Два ручника, трофейный «машингевер», карабины M1A2, бьющие очередями и самозарядные «гаранды» косили разбегающихся немцев на открытой всем ветрам площади, словно траву. Некоторые пытались укрыться за командирской легковушкой, кто-то рванул к полуразрушенному зданию напротив, кто-то — даже с собору. Но добежать удалось редким счастливицам. А укрывшимся за машиной Миллер быстро объяснил, как они ошиблись. Выскочив вдвоем с Джоном на улицу, он успел два раза выстрелить из базуки. Первым выстрелом промахнувшись, он попал в уцелевшую дверь недовыгоревшего здания. Зато вторым поджег машину, убив парочку из спрятавшихся за ней джерри. Третьего выстрела из базуки Миллер сделать не успел, какой-то сверхметкий и сверхумелый немец ухитрился попасть ему прямо в лицо. Джон, не растерявшись, втащил в дом и базуку и напарника. Но помочь ему уже было невозможно. И первый из убитых американцев в этом бою лежал на полу прихожей, пачкая кровью паркет, когда Том с четверкой солдат спустился со второго этажа.

— Джон? Ты как? — сидевший рядом с трупом в полном ступоре Джон Байерли не понравился лейтенанту, но больше вокруг никого не было. А отпускать никого из четверки ветеранов не хотелось. Итак пятерых, пусть и с одним БАРом (ручной пулемет), могло оказаться недостаточно.

— Нор... нормально, лейтенант... сэр, — солдат встал. И хотя выглядел он не слишком хорошо, другого выбора не было.

— Метнись через улицу. Найди Свенсона — «Шведа». Знаешь? — Джон утвердительно кивнул. — Отлично. Передай — пусть займет круговую оборону, перекроет все входы и выходы в дом. Не забывайте про черный ход. Запомнил?

— Да, сэр, — ответил боец уже бодрее.

— Что тогда застыл? Вперед!

Джон поправил каску и рывком выскочил в дверь. Томпсон проследил, как он, петляя на бегу, проскочил в дверь дома напротив. — Отлично! — и повернулся к соей четверке.

— Кто-нибудь видел, где здесь черный ход?

— Я видел... сэр, — отозвался один из них. — Пойдемте.

Они проскочили узким коридорчиком к небольшой двери. Пригнувшись, Том приоткрыл дверку и осторожно выглянул на улицу. Площади видно не было, а вот за ближайшим домом, кажется, что-то мелькало.

— По одному выходим и занимаем позиции вдоль улицы! — приказал Том.

Они успели буквально в последнюю минуту. Едва пулеметчик залег за крыльцом соседнего дома, в конце улицы появились неясные силуэты. Их становилось все больше и вот немцы устремились вперед, не заметив укрытых десантников.

— Огонь! — команда Тома слегка запоздала, первая очередь ручного пулемета уже свалила нескольких «серых» на брусчатку. Громко закричал раненый, его крик глушили

резкие хлопки выстрелов винтовок и стрекот очередей «Бэби гарандов».

Уцелевшие немцы поспешно отползали за угол. Том сменил опустошенный магазин, вставил новый и несколькими выстрелами прикончил оравшего раненого и спрятавшегося за ним стрелка. Больше по этой улице немцы не атаковали, а Тома сменил Ковбой.

Зато, едва Томпсон поднялся на второй этаж, с той стороны площади выехало что-то вооруженное и явно бронированное. В неверном предрассветном сумраке очертания машины искажались, но громоздкий силуэт и большое количество колес недвусмысленно намекали на тяжелый германский броневик. Вооружение такой машины, как вспомнил лейтенант, включало как минимум двадцатимиллиметровую автоматическую пушку.

Кто-то выстрелил в броневик трассирующей пулей и Том проводил взглядом гаснущую в небе ниточку рикошета.

«Вот и все, — мелькнула обреченная мысль. — Сейчас он подойдет поближе и расфигачит оба дома из своей пушчонки. А базака осталась внизу...»

Гроыхнуло где-то внизу. Томпсон успел заметить, или ему показалось, что-то быстро пролетевшее к бронированному восьмиколесному монстру. Грохнуло, и из всех щелей броневика потянулся различимый даже в полутьме черный густой дым. Кто-то из экипажа попытался выскочить сверху из башни, но тут же получил несколько пуль и застыл, наполовину высунувшись, поверх брони.

А тем временем поднималось солнце и вслед за ним в городок пришло утро.

Пока Том-Толик воевал, Берхтесгаден мирно спал. День обещал быть жарким и душным. Окружающие Берхтесгаден горы были покрыты низкими облаками. В Оберзальцберге (горном имени Гитлера) все было спокойно. «Верховный главнокомандующий и фюрер германского народа спокойно спал, иногда двигая челюстями, словно пережевывая очередной коврик.

В нескольких милях от имения, в штабе Гитлера наступило еще одно обычное утро. Генерал-полковник Альфред Йодль, начальник оперативного управления ОКВ, в шесть утра был уже на ногах. Сейчас у него был легкий завтрак (чашка кофе, сваренное всмятку яйцо и тонкий ломтик хлеба). За завтраком в своем звуконепроницаемом кабинете он знакомился с пришедшими за ночь новостями. В Италии все было по-прежнему плохо. Рим был захвачен двадцать четыре часа назад. Из СССР новостей не было. Хотя наблюдение за событиями на Восточном театре военных действий не входило в сферу обязанностей Йодля, он уже давно интересовался ими и давал фюреру «советы» о ведении войны с Советским Союзом. Летнее наступление Советской армии могло начаться со дня на день. Но в это утро на Восточном фронте все было спокойно. Адьютант Йодля принес несколько сообщений из штаба Рундштедта о высадке союзников в Нормандии, но Йодль, ознакомившись с ними, решил, что там ничего серьезного пока не происходит. В данный момент его главной заботой была Италия.

Еще восточнее, в Москве, уже начался рабочий день. Сидящие в кабинетах здания, построенного для общества страхования людей, сотрудники из иной организации, страхующей государство, трудились, не покладая рук. В кабинете, расположенном на одном из этажей «самого высокого в мире здания», из окон которого, поговаривали, легко можно увидеть Магадан, разговаривали двое. Первый, щеголяя истинно офицерской выправкой, стоял у стола, на котором лежало две толстые папки. Второй, вертя в руке пенсне, расположился полубоком к нему у окна, в котором словно пытался увидеть что-то кроме серого, затянутого свинцовыми тучами неба.

— Уверен? — переспросил стоящий у окна. — Мне сегодня докладывать... — он многозначительно промолчал.

— Абсолютно уверенным во всем может быть только господь бог, — позволил себе шутку первый собеседник. — А его, как известно науке, не существуют. Но все эксперты в один голос говорят, что оба письма написаны одним и тем же человеком. При этом большинство фактов, приведенных в первом письме, подтвердились. Проверка имеющихся в этом — продолжается. Время... Поэтому, Лаврентий Павлович, я могу гарантировать, что изложенное в послании является достоверным, пусть даже и с точки зрения тех людей или того человека, который составлял этот текст.

— Он или они могут считать, что правы, — надев пенсне, стоящий у окна развернулся к собеседнику и шагнул к столу. — Хорошо. Оставь документы у меня, получишь после доклада у Миши. Иди, работай..., — проводив подчиненного, хозяин кабинета прошелся вдоль стола, задумчиво поглядывая, словно в нерешительности, на лежащие на нем документы...

Тем временем в городке наступила относительная тишина. Немцам казалось, что город стал основным объектом атаки огромной армии парашютистов, а местным жителям — что они побывали в самой гуще сражения. В действительности около тридцати американцев опустились на город и еще полсотни привел Том. Но этого оказалось достаточно, чтобы вызвать панику среди солдат гарнизона, насчитывавшего больше двух сотен человек и три броневика. Решив, что город удержать невозможно, немцы отступили на восток, стремясь соединиться с основными силами.

Томпсон провел мучительные полчаса, ежеминутно ожидая новой атаки или какой-нибудь иной каверзы от неприятеля. Затем все-таки решился отправить на разведку Ковбоя с его бесшабашной тройкой. Две пары десантников осторожно прошли по улицам, старясь держаться в тени домов и вернулись. С докладом, что в городе тихо и боеспособных немцев не наблюдается. В это же время в Ле-Мане, в штабе седьмой армии, получили донесение от командира корпуса генерала Маркса: «Связь с Сен-Мер-Эглиз потеряна...» Было четыре тридцать утра.

Том приказал снять оборону в захваченных домах и выдвигаться к восточной окраине городка и занять там оборону. Собирались как раз у собора. Том заметил, что метрах в двадцати от того места, где он стоял, на дереве болтался мертвый парашютист вниз головой с открытыми глазами. Он уже хотел приказать снять убитого, когда со стороны собора раздались крики, заставив всех насторожиться и приготовиться к стрельбе. Но тут же, разглядев, что это Дикси с напарником, все успокоилось. Южанин с другом притащили раненого парашютиста.

— Господин лейтенант, сэр! Разрешите доложить, — осклабился рядовой. — Парень висел на стропях прямо под крышей церкви, сэр.

— Жив? — удивился Томпсон.

— Так точно, сэр. Ступню повредил, а в остальном — целехонек, сэр.

«Вот что значит — вовремя проведенная воспитательная работа, — мысленно усмехнулся Том, — субординацию вспомнил», — впрочем, мысль была явно несвоевременной, и он переключился на раненого: — Кто такой?

— Рядовой Джон Стил, сэр. При приземлении парашют обернулся вокруг звонницы сэр. Кошмар. Я висел, как мишень, слышал вопли и крики. Видел немцев и американцев, стреляющих друг в друга на площади и прилегающих улицах. С ужасом заметил, как

выпущенные из пулемета трассирующие пули пролетают рядом. Попытался обрезать ремни, но нож выскользнул из руки и упал на площадь. Пришлось притвориться мертвым, сэр.

Рядовой, отходя от шока, готов был рассказывать о своих переживаниях снова и снова, но тратить драгоценное время на выслушивание рассказа лейтенант не хотел.

— Все хорошо, Стил, — попытался успокоить он бормочущего раненого. Подумал и решил оставить здесь всех раненых, которых оказалось пятеро, с одним ручным пулеметом.

— Займите тот же дом, где мы сидели, — приказал он, — и дожидайтесь наших. По мере возможности приберите оружие джерри и их раненых. Мы будем оборонять город с востока, у дороги. Если что — придем на помощь.

Взвод, уже привычно построившись цепочками, с охранением, которое должно было пойти по боковым улочкам, двинулся к окраине. Убитый, о котором Томпсон почти забыл, так и остался висеть на дереве. Правда, как успел он заметить, кто-то уже расстегнул подсумки и забрал патроны. Местные жители из-за ставень закрытых окон наблюдали, как по пустынным улицам города осторожно передвигаются цепочки парашютистов. Церковный колокол уже молчал, а на колокольне по-прежнему болтался парашют. Мерцающие огни углей, образовавшихся в развалинах полусгоревшей ратуши, подсвечивали красноватым светом деревья на площади. Тишину, царившую в городе, нарушал только мерный топот парашютных ботинок по мостовым.

Спустя полчаса в город вошел сводный отряд из состава их родного пятьсот пятого полка. Подполковник Эдвард Краузе ожидал встретить серьезное сопротивление, но, кроме раненых и убитых в бою с взводом Томпсона, в городе не осталось солдат немецкого гарнизона. Парашютисты Краузе использовали создавшуюся ситуацию: заняли важнейшие здания, установили на дорогах блок-посты и пулеметные точки, перерезали телефонную и телеграфную связь.

Присланный подполковником посыльный застал лейтенант за организацией обороны. Вместе со всеми он орудовал саперной лопаткой, прикрикивая на непонятливых: «Лучше пролить литр пота, чем литр крови!». Тем временем десантники Краузе маленькими группами, передвигаясь, как тени, от двери к двери, проочесывали улицы и переулки городка. А сам Краузе вынул из кармана американский флаг. Флаг был изрядно потрепан — это полотнище полк водрузил над Неаполем. Подполковник обещал своим десантникам, что к утру дня «D» флаг будет поднят над Сен-Мер-Эглиз. Он подошел к зданию мэрии и лично прикрепил его к чудом уцелевшему флагштоку. Торжественной церемонии не было. На площади погибших парашютистов бой был уже закончен. Звездно-полосатый символ висел в первом французском городе, который освободили американцы. Ближе к полудню в город добрались капеллан и хирург. В школе мадам Анжелы Левро, неподалеку от зданий, в которых воевал взвод Тома, развернули госпиталь. И прибывшие занялись своим военным делом, в котором форма и звания не имели значения: они были с ранеными и умирающими немцами и американцами.

— Ну, и где здесь война, лейтенант? — спросил у прибывшего с докладом Тома Эдвард.

— Вам придется выдвинуться из города на пару миль восточнее, господин подполковник, — усмехнулся Том. — Здесь мы успели почистить до вашего прибытия. Сэр.

— Вижу, — улыбнулся в ответ Краузе. — Жадные вы ребята, ничего на нашу долю не оставили.

— Так уж получилось, — развел руками Томпсон.

— Здорово получилось, лейтенант, — похвалил подполковник. — Теперь наша задача

удержать город. Перейдем к делу. Где вы заняли оборону?... — и он достал из «грузового» кармана униформу сложенную карту и расстелил прямо на крыльце дома, у которого происходила встреча. Том кратко описал местоположение и укрепления, сооруженные взводом. Отметив на карте его позиции, подполковник некоторое время что-то обдумывал, потом окрикнул офицера, исполняющего обязанности начштаба.

— Джигс, выдели лейтенанту еще один взвод с парой базук, — после чего неожиданно спросил Тома, — Найдешь специалиста по стрельбе из немецкой противотанковой пушки?

— Это какой, сэр? «Дверной колотушки», — уточнил Томпсон. Краузе кивнул. — Есть такой, сэр. Сержант Ковбой... то есть, виноват, сэр, сержант Джон Уэйн. Стрелял из такой во время высадки на Сицилии, сэр. Уверен, что подбил два броневика, сэр.

— Уверен? Тогда забирай себе и эту пушку, — заметил подполковник. — К ней две дюжины снарядов и еще какая-то странная дурра, вроде ракеты. И тягач. Вести сможешь? — Дождавшись утвердительного кивка, Эдвард приказал: — Джигс, выдели посыльного, пусть проводит лейтенанта к трофейной пушке.

Пушка оказалась совсем маленькой, словно игрушечной и абсолютно не походила на те немецкие тридцатисемимиллиметровки, которые Том видел раньше. А неведомая штукавина, которая лежала в кузове тягача, оказалась, если Том не ошибся, обычной надкалиберной гранатой к той самой немецкой ПАК-три-семь. А вот боеприпасы были, судя по маркировке на укупорках, как раз французскими, калибром двадцать пять миллиметров и явно подходили к найденной пушке. Загадка, ломать голову над которой ему совершенно не хотелось. На войне бывает и не такое. Поэтому, подцепив с помощью посыльного и пары проходивших мимо солдат пушку к тягачу, Томпсон попытался завести машину. Не удалось. Пришлось потратить с четверть часа на поиски неисправности. Оказалось, просто засорился карбюратор. Прочистив его кусочком мягкой проволоки, Том завел тягач и не спеша двинулся по узким улочкам на запад. Чуть позднее он догнал взвод, направленный в его подчинение. Остановился, познакомился с взводным сержантом, Чаком Барнхаузом, заодно исполнявшим обязанности командира взвода. Загрузил в кузов мешки и базуки, посадил взводного в кабину и поехал дальше.

Когда он подъехал к позициям, занятым его подчиненными, солнце уже поднялось высоко. Выяснив у Ковбоя, что в его отсутствие в округе было тихо, Том отдал «французенку» в его заботливые руки. Потом на местности показал Чаку, где разместить его взвод. Покончив с неотложными делами, он наконец решил поужинать и пообедать одновременно. Достав из мешка «рацион К», Том открыл банку консервов, в которой оказались бобы с телятиной. И начал быстро ее опустошать, заедая крекерами с сыром. И тут откуда-то издали раздался звук работающего мотора, причем, кажется не одного. Станный, не похожий на обычные звуки автомобильных или рев танковых моторов. Том бросил недоеденную банку и осторожно высунулся из окопа. На поле было пусто, однако шум все нарастал.

Сначала на опушке леса появился танк. Медленно, громыхая, двигался он через поле по направлению к городку. За ним показались еще два. Это были не «Пантеры» и не «Тигры», а какая-то старая, французского производства рухлядь времен первой мировой. Танки изредка постреливали из пулеметов, продолжая неотвратно двигаться вперед. Окопы молчали, ожидая команды Томпсона, однако неожиданно со стороны позиций второго взвода началась беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба. К несказанному удивлению и облегчению десантников, передовой танк внезапно остановился. Том крикнул, приказывая

передать Ковбою.

— Открыть огонь.

Послание еще шло от одного парашютиста к другому, когда звонко щелкнул пушечный выстрел. Танк дернулся вперед и застыл. Из его башни поднимался дымок. Парашютисты весело острили, «как ребята на футболе, когда их команда выигрывает», — отстраненно подумал Том. Два других танка развернулись в обратную сторону и заковыляли к лесу, продолжая поливать окраину города из пулеметов.

Однако радость оборонявшихся американцев при виде бегства танков оказалась преждевременной. Буквально через пару минут противник обрушил на них довольно точный минометный огонь, в первую очередь на позиции второго взвода. Взводу Томпсона, сидящему в окопах, обстрел был не слишком страшен, а вот со стороны, где укрылись десантники Чака раздались многочисленные крики от боли и призывы о помощи.

«Говорил же сержанту, — сердито подумал Том, — про необоснованные надежды на то, что защитят изгороди и стены деревянных сарайчиков. Эти самоуверенные идиоты так и не поняли необходимости немедленно окапываться, черт побери!»

Впрочем, ему быстро стало не до размышлений. Под прикрытием минометного огня из леса выскочило не меньше полусотни пехотинцев и оба уцелевших танка. На этот раз со стороны второго взвода раздались только редкие винтовочные выстрелы и немцы, приободрившись, с напором побежали вперед.

— Огня не открывать, пока первые не добегут до подбитого танка, — передал по цепочке лейтенант.

Немцы бежали, изредка постреливая на бегу и явно не ожидая сильного сопротивления. Минометы смолкли и лишь пулеметы танков продолжали тянуть свою песню, когда Том крикнул. — Огонь! — одновременно выжимая спусковой крючок своего карабина. В несколько секунд он парой очередей опустошил магазин, стараясь при этом наблюдать за происходящим на поле. Немцы, потеряв от неожиданно плотного огня до половины атакующих, сейчас медленно, огрызаясь ответными выстрелами, отползали к лесу. Один танк застыл прямо напротив окопа Томпсона, второй, башня которого дымила не хуже, чем у первого подбитого в бою, медленно полз к опушке. Минометы джерри молчали несколько мгновений, затем начали редкий обстрел, прикрывая атакующих от огня десантников. Под прикрытием минометного огня уцелевшие немцы ускользнули в лес. И наступила неожиданная тишина. Даже минометы, словно испугавшись произошедшего, замолчали.

— Вот сволочи, поесть не дали, — огорчился Том, обнаружив, что весь бой топтался по разбросанному в окопе пайку.

— Лейтенант, вы что, без пайка остались? — подошедший к нему Ковбой тоже заметил растоптанные остатки рациона. — Эй, кто-нибудь, позовите Бобби. Пусть притащит с собой одну упаковку Ка.

— Ковбой, не стоит бойца обдирать, — неуверенно возразил Том.

— Разрешите доложить, господин лейтенант, сэр, — шутливо вытянулся сержант. — Бобби, по прозвищу Робин-Бобин^[17] скорее без патронов окажется, чем без еды. Готов поспорить на десятку баксов против дайма, что у него вместо двух пайков в мешке их минимум четыре. Не обеднеет и не похудеет, — засмеялся Ковбой.

— Точно? — недоверчиво протянул Томпсон. — Ладно, поверю. Ты мне лучше скажи, почему не стрелял по минометам осколочными? Понятно, что из этой пукалки не уничтожил бы, но хотя б попугал.

— Какими осколочными, лейтенант? У этой француженки одни болванки (сплошной, без взрывчатки, противотанковый снаряд). Хорошо, что против нас ничего серьезнее этого старого хлама у джерри не нашлось, — кивнул в сторону поля Уэйн. — А то бы одними базаками пришлось отбиваться.

— Ладно, все понял, — миролюбиво согласился Том. Тут подбежал Робин-Бобин, действительно полноватый, почти на грани для парашютиста, солдат. Но в сравнении с современными Толику американцами его можно было посчитать худым доходягой. Притащил он не только коробку с пайком, но еще и пару трофейных немецких шоколадок, от которых Томпсон отказался. Отдав упаковку, он заверил, что запас продуктов еще есть, успокоив и так не слишком бунтующую совесть лейтенанта.

Но перед тем, как закончить свой завтракообед, Томпсон проверил состояние дел во взводе Барнахауза. В отличие от окопавшихся бойцов первого взвода, солдаты второго сил укрывались от мин за оградами и камнями. Поэтому потери ранеными и убитыми достигли почти трети взвода. Том заставил собрать всех и отвезти на тягаче к госпиталю.

После этого неприятного дела есть не хотелось, но Томпсон, пользуясь наступившей тишиной на его участке, все же добил и содержимое второй упаковки.

Больше с этой стороны немцы не атаквали, зато с севера весь день доносились звуки боя. Как потом узнал Том, оттуда атаквал целый пехотный полк немцев, пытаясь выбить десантников из города. И если бы не поддержка еще одного батальона парашютистов, они вполне могли достичь желаемого.

Но город остался в руках американцев, а подчиненные Тома так и просидели в ожидании боев все остальное время.

11. На войне, как на войне

Девятнадцать человек, все уцелевшие после месяца боев из подчиненной Томпсону роты, сидели под деревьями и слушали неожиданный концерт.

Найденная в Сен-Мер-Эглиз гитара, плюс свободное время и плохое настроение вызвали у лейтенанта редкий приступ творческой активности. И сейчас до солдат доносился импровизированный текст, почти без рифмы, но очень понятный любому, пережившему то же, что и они. Пока получалось что-то вроде:

— Эх, бокажи... камни да кусты
Все вокруг в тумане
Не видать ни зги...
Выстрел грянет,
Ворон кружит...
Твой дружок на поле
Неживой лежит...

Месяц боев за расширение плацдарма дорого стоил англо-американским армиям. Особенно досаждала местность, словно специально приспособленная для отражения наступления. Огромные земляные стены, густо переплетенные корнями деревьев и кустарников, которые ограждали каждое поле, называемое местными жителями «бокаж», оказались непреодолимыми для танков, не говоря уже о колесной технике. Каждая такая изгородь представляла собой естественный рубеж укрепленной обороны. А на полуострове Котантен труднопреодолимые участки местности дополнительно перемежались с широкими заболоченными участками, тоже непроходимыми для танков и прочей техники, которая, таким образом, оказалась привязанной к дорогам. Такие условия сильно уменьшали возможности реализации превосходства союзников в технике, заставляя вести ближний пехотный бой при ограниченной артиллерийской и авиационной поддержке. Но как раз в этих условиях назначенный командиром роты Томпсон показал, на что способен. Потери у него были почти до последнего дня самыми низкими, при этом его рота наступала успешнее других.

Все изменилось позавчера.

Батальон, сбив очередной заслон немцев, вышел по дороге к окраинам очередной деревушки с труднопроизносимым французским названием и крепкими каменными домами, приспособленными немцами к обороне. Уставшие парашютисты, ворча, копали окопы. А Том, отправив комбата посыльного с докладом о прошедшем дне, спокойно и умиротворенно допивал чашечку отличного натурального кофе. В бывшей немецкой землянке, в которой теперь разместилось управление роты, было тихо. Связисты еще не успели протянуть телефонную линию, а ротная радиостанция недавно вышла из строя. Так что Томпсона никто не беспокоил. Где-то затрофеенный пронырливым ротным сержантом настоящий итальянский кофе из Эфиопии был великолепен на вкус и бодрил, словно смывая накопившуюся усталость. Он уже допил чашку, когда появился посыльный и принес записку от комбата. В которой сообщалось, что на сегодня больше никаких наступлений не будет.

Что привело временного капитана Томпсона почти в настоящую нирвану. Еще бы, ночь на месте, да еще сравнительно обустроенном. Немцы атаковать вряд ли решаться, судя по наблюдениям. «Значит, можно будет отдохнуть», — решил Том, задавив появившиеся сомнения и забыв знаменитые строки Киплинга про отсутствие отдыха на войне.

Как только он решил, что можно отпустить ротного сержанта и связиста, установившего в землянке телефон, где-то неподалеку вдруг залаял немецкий пулемет. Затем несколько раз громыхнуло, со стен и потолка укрытия посыпалась земля. Несколько комков ударило Тома по голове, заставив выругаться.

— Что, черт побери, происходит? — естественно, на это вопрос не смогли ответить ни недоумевающий не меньше Томпсона Ковбой, ни схватившийся за ручку своего желтокожаного аппарата связист. Не дожидаясь ответа, Том подхватил лежащий на нарах карабин, каску, и, отодвинув заменяющую дверь немецкую плащ-накидку, выбежал навстречу разгорающейся перестрелке. — Что за..., — английский был слишком слаб, чтобы передать увиденное, а пользоваться рвущимся на язык русскими выражениями Том побаивался.

А посмотреть было на что. Две машины, небольшой «виллис джип» и более тяжелый «додж-три четверти», непонятно как проскочившие по дороге до передовых окопов, стояли на шоссе. Мотор у джипа, въехавшего передними колесами в воронку, еще работал, но за рулем уже никого не было видно. «Додж» же понемногу разгорался, получив, видимо, трассирующую или зажигательную пулю прямо в бензобак. От машин отползали, пытаясь отстреливаться с полдюжины солдат в американской форме. Приглядевшись, Томпсон заметил, что у нескольких на плечах поблескивают погоны, не полевые, а по моде штабников — повседневные.

Ожесточенная перестрелка тем временем не стихала. В нее включился и трофейный крупнокалиберный пулемет, которым ловко пользовался расчет МакГроу. В ответ немцы еще раз обстреляли расположение роты из минометов, но на это неожиданно ответила приданная батальону батарея четырехдюймовых минометов. Разрывы их тяжелых снарядов послужили весомым аргументом для германских оппонентов, даже несмотря на малую эффективность мин против заранее подготовленных укреплений. Стрельба постепенно затихла, стали слышны крики: «Санитары!». Укоризненно покачав головой, Том повернулся к стоящему рядом Ковбою и скомандовал.

— Давай, сардж, сгоняй туда и уточни, что произошло, — и добавил, подмигнув. — На глаза начальству разрешаю не показываться. Узнай, что и как, и мухой ко мне. Ясно?

— Да, сэр, — шутливо вытянулся в стойку смирно Уэйн. — Разрешите выполнять?

— Вали, — Томпсон развернулся ко входу в землянку и в это мгновение полог откинулся и из нее выглянул связист.

— Господин капитан, сэр! Вас, сэр! Подполковник Краузе, сэр!

Пока Ковбой разбирался, что произошло, а Том докладывал по телефону о том, что видел сам, понаехавшие гости пришли в себя. И в землянку вошли уже вполне оправившиеся от неприятностей, а потому особо злые полковник и первый лейтенант.

— Капитан Томпсон, сэр! Командир..., — начал доклад Том, но был остановлен небрежным взмахом руки.

— Полковник Мессенджейл, оперативный отдел штаба. Где подполковник Краузе?

— На связи, сэр! — протянул ему трубку телефона Томпсон.

— О-отли-ично-о, — как-то неприятно растягивая гласные, ответил полковник. — Всем выйти из укрытия. Сэм, проследите, чтоб никто не подслушивал. Вам ясно, капитан

Томсон?

— Ясно, сэр! Прошу извинить, сэр, Томпсон, сэр! — снова вытянувшись, ответил ему с иронией попаданец, очередной раз припомнив приказ Петра Великого.

— Действуйте, — небрежно отмахнулся Мессенджер и заорал в трубку: — Краузе, это вы?! Есть очень серьезный разговор, подполковник!...

О чем разговаривали лощеный штабной фланг и командир десантников конкретно, никто так и не узнал. Но итогом этой весьма нервной, судя по лицам уехавшего в тыл полковника и появившегося через полчаса комбата, стал приказ на атаку селения. В лоб, практически без артподготовки и без поддержки танков.

— Но, сэр... — попытался возразить Томпсон. И сейчас же замолчал, рассмотрев выражение лица подполковника. — Есть начать атаку сразу после авианалета!

Обещанная авиационная поддержка появилась еще через двадцать минут. Восьмерка «мустангов» в варианте А36 сбросила на большой скорости примерно двадцать штук двестипятидесятифунтовых бомб. Накрыв частично вражеские позиции, а частью — чистое поле, они столь же стремительно удалились.

— Атака! — мысленно поежившись, отдал приказ Том. По выпущенной красной ракете тяжелые минометы попытались изобразить что-то вроде огневого вала, а десантники его роты неохотно и недружно вскочили в атаку. И практически сразу залегли, попав под огонь не менее четырех пулеметных точек. Томпсон бросил взгляд в сторону второй роты, надеясь, что его так как отвлекла внимание немцев и на том участке положение лучше. Но и там лежащие в чистом поле солдаты поспешно окапывались, стараясь укрыться от огня «машиненгеверов»...

Три последовательные попытки атаковать закономерно закончились после с огромных потерь десантников. Попаданцу было удивительно видеть, как американские парашютисты рвались в бой не хуже его соратников из будущего. И вопреки мнению некоторых экспертов, отнюдь не трусили, идя в безнадежные и смертельно опасные атаки. Несмотря на потери...

А сегодня Том поминал тех, с кем начал службу в армии, прыгал с парашютом и сражался бок о бок на Сицилии и во Франции. И в первую очередь — сержанта с именем и фамилией знаменитого исполнителя ролей ковбоев-победителей.

— Сэр? — раздавшийся у входа голос заставил его отложить гитару и привести в порядок форму. Спрятав за импровизированный столик початую бутылку коньяка, он еще раз осмотрел палатку и ответил.

— В чем дело, капрал?

— Сюда едет джип подполковника Краузе, сэр.

— Понял, Джон. Построй солдат, я сейчас выйду.

Подъехавшего комбата, вместе с которым приехал незнакомый пехотный майор, встретили по полному армейскому церемониалу, с построением и докладом. После доклада, приказав распустил солдат, подполковник отвел Томпсона к джипу и тут познакомил с майором.

— Майор Дженсен, военная контрразведка, — полюбовавшись на откровенное удивление на лице Тома, Краузе усмехнулся и добавил. — Это совсем не то, о чем вы подумали, лейтенант (временного капитана Том уже лишился, вместе с превращением роты в усиленное отделение).

— Да, лейтенант Томпсон, вас мы, конечно, ни в чем не подозреваем, — присоединился к нему Дженсен. — Нам нужна помощь...

Как выяснилось из дальнейшего разговора, в тылу англо-американских союзников действовала небольшая, но весьма эффективная разведгруппа немцев.

— Оставили они ее специально, или группа образовалась случайно, мы пока точно сказать не можем, — предупредил возможный вопрос Тома контрразведчик. — Скорее всего первое, учитывая любовь джерри к порядку. Да и подготовка у группы достаточно высокая. По некоторым данным, все члены группы хорошо владеют как английским, так и французским языками...

— Извините, господин майор, сэр. Это все интересно, но при чем тут я и... мои люди? — перебил контрразведчика Том. — Я, как и мои солдаты к агентству Пинкертон или ФБР не имеют никакого отношения. Мы обычные парашютисты...

— Я знаю, лейтенант, — перебил Томпсона Дженсен. — Но вы и ваши солдаты зарекомендовали себя хорошими профессионалами. А у нас нет настолько подготовленных бойцов. Группу военной полиции, которая столкнулась с этими... «невидимками», они уничтожили в течение нескольких минут. Поэтому мне нужны хорошо подготовленные бойцы, способные адекватно реагировать на любые неожиданные изменения обстановки. Приказ генерала Эйзенхауэра позволяет мне привлечь любое подразделение. Я выбрал вас. Вам ясно, лейтенант?

— Так точно, сэр, — показательно вытянулся Том. — Когда выступаем?

— Через полчаса, — посмотрев на часы, ответил Дженсен. — Нам выделили грузовик и один «динго», они подъедут к этому времени. Собирайте солдат.

— Полковник Краузе, сэр! Разрешите получить дополнительные боеприпасы, — тут же обратился к комбату Том.

— А это зачем? — удивился контрразведчик. — Вам же не в атаку идти...

— Сэр, просто патронов бывает либо очень мало, либо мало, но больше негде взять, — ответил лейтенант, вызвав невольную усмешку своим ответом. Но патроны и даже еще один ручной пулемет Томпсон у полковника все же выбил. А назначенный ротным сержантом парашютист Гарри Эткин даже успел получить.

Так что к приходу транспорта «рота» уже была готова ко всему.

12. Бой после боя

Далеко внизу, как спины куда-то спешащих животных, вздымались и уносились вдаль холмы, словно щетиной покрытые темно-зелеными зарослями. В долинах изящными узорчатыми зеркалами лежали рисовые поля, залитые водой и вспыхивающие серебряным блеском под лучами солнца. В наушниках, которые ему дал командир вертолета капитан Килгор, Том расслышал: «Танго Тайгер, я «Три-ноль-пять». Нахожусь в двух-трех минутах лета от цели. Готовность два. Роджер».

Том поднял голову, его взгляд упал на задумчивое лицо Сэма. И тот мрачно подмигнул ему. Том подмигнул в ответ и, стараясь перекрыть мерный гул двигателя, произнес нараспев.

— Здесь ничего не происходит...

Неважно, сколько раз и где ты вступаешь в бой — в джунглях, в лесах, в бокажах Нормандии или в горах Кореи — все равно всегда где-то глубоко тебя пронизывает резкий электрический разряд. И откуда-то словно доносится знакомый резкий, приторно-сладкий с металлическим оттенком, запах — запах свежeproлитой крови. Той самой, которой еще нет, но которая скоро щедро польет землю...

Сэм, тоже сидящий с наушниками на голове, похлопал командира отделения, шуплого, невысокого вьетнамца по плечу, затем повернулся к Тому и поднял два пальца. Тот ответил кивком головы и взял карабин, казавшийся рядом с новыми, более тяжелыми винтовками американских парашютистов охраны устаревшим и маленьким. Однако в руках вьетнамцев были те же самые карабины. И они отнюдь не выглядели безобидными игрушками.

Вертолет начал быстро снижаться, скользя над склоном огромной горы. Расплывчатое зеленое пятно, расположенное слева от вертолета, оказалось дремучими джунглями. Билл Килгор прибавил газ и корпус вертолета резко завибрировал. Они неслись над самыми верхушками высоких деревьев, над все шире развевавшейся перед ними зеленой болотистой долиной.

Согнувшись под тяжестью снаряжения, вьетнамские солдаты напряженно смотрели в открытую дверь, разинув рты. Наконец открылись расчищенные в джунглях участки. Вертолет начал плавно опускаться, словно осенний лист в безветренный день. Резкий толчок от соприкосновения с землей и по траве побежали волны от поднятого винтами ветра. Билл махнул рукой и солдаты, пригибаясь, один за другим выскочили вслед за командиром отделения из вертолета. Вслед за ними вылезли, держа оружие наготове, десантники во главе с Сэмом. Последним, неторопливо и несколько неуклюже перебирая руками ногами, мысленно ругаясь, вылез Том. И сразу же словно окунулся в горячий, пахнущий испарениями джунглей, воздух.

«Совсем растренировался с этой кабинетной работой, — отбегая от вертолета, подумал Томпсон, — Как все-таки Сэм похож на своего отца, только вот пошел по другой специальности. Сэмюэл С. Кошен... — проскочила заодно совершенно посторонняя мысль. — Тридцать три устаревших «чоппера», всего три вертолетных роты... и победа за победой? Не верю, — оглянувшись на взлетающий Н-21, вернулся он к своей миссии. — Капитан Килгор... занятно, но не могу вспомнить, откуда я эту фамилию знаю».

Неожиданно откуда-то споля донесся знакомый по войне, издавна привычный треск перестрелки. Насторожившиеся парашютисты взяли винтовки наизготовку. Томпсон стоял

совершенно спокойно, ожидая Макса Аннунцио, переводчика миссии, и военного советника при южно-вьетнамской армии капитана Боба Форбса, спешивших к нему от места приземления соседнего вертолета. «Скучно, сэр, — подумал Том. — Нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: — Смотри, вот это новое, — но это было уже в веках, бывших прежде нас... — вообще, после того как они с Нормой расстались пять лет назад, он почему-то очень полюбил читать и цитировать Библию. — Пожалуй, Центр довольно точно знает ситуацию здесь, — подумал он, осматривая окружающий пейзаж вспоминая присланную ему ориентировку. — Чекисты...»

— Видели его? — спросил подошедший Форбс. — Этого стрелка?

— Нет, не заметил, — ответил Том. — Где?

— Во-он там, на склоне холма, возле речушки. Сделал четыре или пять выстрелов. Кажется, автоматическая винтовка «браунинг». Стрелял одиночными...

Слева внезапно раздались крики и донесся шум погони. Повернувшись, Томпсон увидел мальчишку, который, молотя руками по воде и взметая вокруг себя высокие сверкающие всплески, барахтался в дальнем конце рисового поля. Гроыхнул залп, но мальчишка (беглец казался Тому именно мальчишкой) вскарабкавшись на берег, исчез в лесу. Капитан Д, один из военных советников, руководящий проведением операции по прочесыванию, что-то кричал, указывая вперед. Том уловил доносившееся оттуда слабое щелканье pistolетных выстрелов. От поселка донеслись приглушенные звуки разрывов, словно кто-то подрывал гранаты под землей. Отделение вьетнамцев, за которым шли Том и его группа, порысало к селению.

Хижины поселка стояли скученно, почти вплоты одна к другой. Их крыши из высохших пальмовых листьев, поблекших на солнце, белели на фоне яркой зелени джунглей. Рассыпавшиеся цепью солдаты двигались по селению, временами стреляя во что-то, невидимое американским наблюдателем. Около одной из хижин тесной группкой собрались женщины, словно сбившись вместе, они могли защитить друг друга от надвигающейся опасности. Они молча и угрюмо смотрели на приближающуюся группу солдат и лишь заметив среди них фигуры американцев, заволновались. Солдаты, обогнув эту группу, скрылись за ближайшими хижинами. А женщины, обступив шедших впереди Боба и Макса. Парашютисты во главе с Сэмом, встав по углам воображаемого квадрата, настороженно оглядывались по сторонам, готовые в любой момент открыть огонь.

Внимание Тома привлекла раздавшаяся неподалеку очередь из карабина. Показав знаком Сэму направление, он зашел за хижину. Неподалеку от ее стен лежал человек в обычном местном одеянии — черной куртке и черных брюках. Тому бросились в глаза самодельные сандалии с подошвами, вырезанными из автомобильной покрышки. Черная куртка на спине, разорванная попаданиями пуль, быстро пропитывалась кровью. Кошен, опередив Томпсона, присел около тела и, держа винтовку правой рукой, левой прикоснулся к шее. После чего поднялся, отрицательно покачав головой на вопросительный взгляд Тома. Стоящий у соседней хижины вьетнамец, похоже тот же самый, что застрелил крестьянина, что-то громко крикнул внутрь и тут же выхватил ручную гранату. Выдернул чеку, бросил гранату внутрь и отскочил в сторону, пригибаясь.

— Что..., — только и успел сказать Том. Внутри строения гроыхнуло. Из дверного проема выбило клубы пыли и куски земли вместе с какими-то обломками. Том бросился вперед, шагнул в хижину. Посреди нее виднелось смешное маленькое укрытие, похожее на слепленный из высохшей грязи низенький улей. Одну из стенок разворотило взрывом, и,

посмотрев в пролом, Том разглядел в мешанине обломков, обрывков одежды и осколков посуды несколько телец, буквально плававших глубоких лужах крови. Тельца, крошечные и беззащитные. Никто из них не шевелился. Том невольно отшатнулся.

— Том? Что там? Вы в норме? — спросил появившийся за его спиной Сэм.

— Нормально, капитан, — как можно более спокойно («старого солдата трудно вывести из себя») ответил Том. — Здесь, похоже, укрывалась женщина с детьми. Один грудной...

— О, черт побери, — выругался Сэм. Том повернулся и они несколько мгновений смотрели в глаза друг другу.

— Пойдем-ка к мистери Форбсу, — попросил приказным, не признающим возражений тоном, Томпсон. Сэм молча кивнул в ответ. Они развернулись и вышли из хижины, тут же столкнувшись с еще одним вьетнамским солдатом. Тот стоял с опарашенным видом, разглядывая непонятно как возникших из пустой, по его мнению, хижины, американцев и даже не замечая держащих его на мушке десантников. Впрочем, увидев, что начальство появилось на виду целым и невредимым, парашютисты опустили винтовки. Вьетнамец же, подождав, пока Том и Сэм отойдут на несколько шагов, криво усмехнувшись, поднес факел к крыше хижины, которая занялась веселым ярким, почти неразличимым в солнечном свете пламенем.

— Капитан! — окликнул Томпсон Форбса. Лицо его было подозрительно спокойно, а голос, несмотря на то, что он не кричал, перекрывал окружающие шумы. — Капитан...

— Да, сэр, — ответил Форбс, отходя от что-то продолжающего объяснять уже почти не слушающим его женщинам Макса.

— Они сжигают хижины...

— Да, сэр. Это делается по моему приказанию. Мы сжигаем все строения, в которых есть бункера. Они классифицируются, как сооружения, имеющие военный характер.

Том презрительно посмотрел на офицера.

— Бункерами вы называете эти жалкие укрытия, слепленные из глины?.. Оригинально... Но вы сжигаете и их одежду, их продовольствие, их рис. Как же они будут жить?

Форбс нахмурился.

— Их должны переселить в другое место, сэр. Всех жителей деревни. Приказ генерала...

— Понятно. Продолжайте, — процедил сквозь зубы Том и дал знак охране двигаться за ним.

— Пойдем, досмотрим все до конца со стороны, — пояснил он Сэму, едва они отошли подальше от Форбса. Дивгаясь неторопливо, в постоянной готовности к обстрелу, вышли к месту высадки. И уже оттуда молча смотрели, как гонят женщин, детей и стариков куда-то в сторону джунглей, подальше от поселка, как разгораются хижины. Как несколько солдат, поймав где-то еще одного местного, по виду обычного крестьянина, бьют и допрашивают его на фоне горящих строений. Как после десяти минут «экстренного полевого потрошения» один из солдат по знаку вьетнамского офицера стреляет ему в затылок.

Наконец экзекуция закончилась и к ним подтянулась большая часть вьетнамцев вместе с советником и переводчиком.

— Ну, и как насчет партизан, Боб? — спокойно, словно ничего не произошло, спросил Томпсон.

— Один скрылся, двое убиты, сэр, — доложил Форбс.

— А оружие?

— О, они обычно выбрасывают его и маскируются под крестьян, сэр, — капитан криво усмехнулся. — У них специальная инструкция на этот счет. Затем они надевают соломенную шляпу, берут мотыгу и сразу же превращаются в крестьян. Такова война, которую мы здесь ведем. — он еще раз усмехнулся: — Впрочем, мы захватили карабин.

— Понятно, — усмехнулся в ответ Томпсон и посмотрел на небо. — Вот и наши летуны...

Вертолетчики, словно гордясь выучкой, приземлились практически на те же места, что и при высадке.

— Прошу вас, сэр, — улыбнулся, выглядывая из кабины, Килгор, при этом усиленно вдыхая воздух. Так что ноздри шевелились, словно пяточок у свиньи.

— Что-то почуяли, капитан? — спросил Сэм.

— Нет, капитан. Просто люблю это запах. Хотя с запахом напалма ему конечно не сравнится. Вот летали мы недавно на одно задание... А там, представляете, местные летуны накрыли напалмом целую роту Вьет-Миня. Бомбили несколько часов. Прилетаем туда с утра... А там чисто выжженный участок и... ничего. Только запах напалма. Я еще подумал, что это — запах победы. Так что очень люблю запах напалма по утрам, — засмеялся вертолетчик.

— Когда-нибудь эта война закончится, — заметил, забираясь в кабину, Том.

— Так точно, сэр! — воскликнул капитан. — Все сели? Взлетаем...

И вертолет подскочил вверх в ярко-синие небо, которое не портили даже чуть заметные полупрозрачные клубы дыма, поднимающиеся вверх от горящих хижин. Том смотрел в лицо сидящего напротив десантника невидящим взглядом и думал, что все только начинается...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы попали в сей мир, как в силоч воробей.

Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.

В эту круглую клетку, где нету дверей.

Мы попали с тобой не по воле своей.

О. Хайам, «Рубай».

Москва — Чебоксары — Москва, 2013-17 г. г.

notes

Такова жизнь (*фр.*).

Здесь — ирония, «талак» — право мужчины на развод в исламе.

С. Малинин: «В Баграмских дуканах в то время пользовался спросом афганский самогон под названием «шароп». Гнали его духи вроде бы из винограда, типа как грузинскую чачу...»

Толик ошибся — ружья были у всех. Песня называется «Pass the Biscuits, Mirandy»

WASP — «белый англо-саксонский протестант» — термин, обозначающий привилегированное происхождение и положение. Синоним понятия «100 % американец».

Песня «16 tons», перевод автора, по мотивам переводов А. Белана и М. Джумагазиева.

G-man — англ., прозвище агентов ФБР, сокращение от government man — букв. человек правительства

Tommy gun — пистолет-пулемет, автомат; от пистолета-пулемета Томпсона, созданного в 1918 г

Она была написана в 1943 году композитором Джимми Макхью на слова Гарольда Адамсона.

Имеется ввиду приз для самого быстрого корабля, пересекшего Атлантический океан — «Голубая лента Атлантики и ее призер английский лайнер «Куин Мери» — «Королева Мери»

Почему бы и нет

Самолет Ан-2

Напоминаю, что так называли пехотинцев. В американском пехотном полку в качестве пехотной артиллерии имелся взвод обычных 105 мм полевых гаубиц

Намек на знаменитый агитплакат с клепальщицей Розы

Ругательства, английское и итальянское — Черт побери! Свинская мадонна!

Южанин, как правило сторонник рабовладельческой Конфедерации. Белым отребьем на Юге называли часть белого населения, живущего в нищете, не намного лучше, чем негры

Robin the Bobbin — персонаж английской песни, обжора